

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

Соколов Артем Павлович

**Эволюция общественного статуса и морально-политических взглядов
германского офицерского корпуса в 1918-1939 гг.**

Специальность 07.00.03 – всеобщая история
(новое и новейшее время)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н., доцент Тимофеева Т.Ю.

Москва - 2016

Содержание

Введение ... С. 3.

Обзор источников ... С. 14.

Обзор литературы ... С. 41.

Глава 1. Общественный статус германского офицерского корпуса. 1918-1939 гг.

§ 1.1. Статус германского офицера в 1918-1933 гг. ... С. 64.

§ 1.2. Положение германского офицерского корпуса в Третьем рейхе в 1933-1939 гг. ... С. 100.

Глава 2. Офицерский корпус как часть политической элиты Германии: иллюзии и реальность. 1918-1939 гг.

§2.1. Офицерский состав рейхсвера и политические силы Веймарской республики. 1918-1933 гг.... С. 115.

§2.2. Политические взгляды офицеров в условиях национал-социалистической диктатуры. 1933-1939 гг. ... С. 156.

Глава 3. Кодекс чести германского офицера в 1918-1939 гг.

§3.1. Кодекс чести германского офицерского корпуса в 1918-1933 гг. ... С. 171.

§3.2. Моральные устои офицера Третьего рейха в 1933-1939 гг. ... С. 199.

Заключение ... С. 217.

Список источников и литературы ... С. 225.

Список сокращений ... С. 242.

Введение

Вооруженные силы являются специфическим общественным институтом, существование и деятельность которого зависят от положения внутри конкретной социальной структуры, взаимоотношений с другими государственными институтами, понимания военнослужащими своего места и роли в обществе и государстве. Выполнение армией специальных функций, связанных с обороной страны, автоматически выделяет её из прочих общественно-государственных структур и придает ей особый статус, сочетающий в себе как привилегии, так и повышенные обязательства. Зачастую именно армия оказывается той силой, позиция которой оказывает принципиально решающее влияние на процессы внутри страны. Данное положение может быть принято в качестве универсального и независимого от временных или пространственных рамок.

В свою очередь, определяющую роль внутри самих вооруженных сил закономерно играет офицерский корпус как организационная, профессиональная и духовная основа армии. Именно офицерский состав вооруженных сил является главным показателем их боеспособности, организованности, морально-психологических качеств. В отличие от солдатской службы по призыву или даже по контракту человек с офицерским званием, как правило, выбирает для себя военную карьеру в качестве дела всей своей жизни, полностью отдавая свои силы и время выбранной профессии. Высокие, обусловленные непростой спецификой службы требования формируют у офицерского корпуса свой взгляд на окружающий мир, а у гражданских лиц – определенное отношение к офицерскому сословию. Кроме практического профессионализма от офицера ожидают высоких морально-духовных качеств, необходимых как в бою, так и в мирной жизни. Иными словами, офицерский корпус любой армии можно в известной степени отождествлять с её фундаментом, краеугольным камнем.

В многовековой истории германской армии одновременно нашли своё отражение как общие тенденции развития военного дела, характерные для большинства европейских стран, так и глубокая внутренняя специфика, обусловленная особенностями развития страны. Более того, в современной исторической науке, равно как и на уровне массового сознания, сложился определенный консенсус относительно тезиса об особой роли вооруженных сил в истории Германии. Появление данного тезиса в историографии и общественном дискурсе можно отнести еще к Пруссии эпохи Фридриха II Великого, когда она с легкой руки иностранных современников обрела не лишнюю иронию репутацию «армии, которая имеет государство». Прусско-германская военная традиция признается феноменом, существовавшим на протяжении почти трёхсот лет - с XVIII в. до 1945 г., - и все это время она оказывала значительное влияние на общественно-политическую, социальную и экономическую историю Германии.

Особый интерес у исследователей вызывает история германской армии в наиболее драматичный период её развития между двумя мировыми войнами с 1918 по 1939 гг. За сравнительно непродолжительное время германские вооруженные силы прошли трансформацию от кайзеровской миллионной армии до компактного рейхсвера Веймарской республики, и затем вновь преобразовались в масштабный гитлеровский вермахт, ставший инструментом развязывания Второй мировой войны, важным элементом национал-социалистического государства. Таким образом, военнотружущие германской армии могли в рамках одного поколения проходить службу в Германской империи, при республиканских порядках и национал-социалистической диктатуре, продолжая, по их мнению, безукоризненно выполнять свой воинский долг, что вызывало к жизни различные механизмы адаптации. Сохранение германской армии как действующего института в условиях стремительно меняющихся государственных систем позволяет ставить вопрос о причинах, механизмах и динамике трансформации

вооруженных сил и офицерского корпуса в переменчивой, порой крайне неблагоприятной или даже враждебной общественно-политической среде.

При этом нельзя говорить о том, что германская военная элита демонстрировала лишь тривиальное приспособленчество под стремительно меняющуюся политическую конъюнктуру. И это справедливо не только для веймарского периода, когда рейхсвер стремился к максимальному дистанцированию от государства и общества и был источником нестабильности в первые годы республики (достаточно вспомнить Капповский путч 1920 г.). Несмотря на то, что гитлеровский вермахт был безусловно лояльной фюреру силой, именно из его рядов вышла наиболее организованная оппозиция, оказавшаяся способной проявить волю к открытому свержению власти Адольфа Гитлера. Т.е. офицерский корпус германской армии в эти сложные для страны десятилетия выступал не только как стабилизирующая сила, консервирующая текущий общественно-политический строй, но, в определенные моменты, и как источник нестабильности, порождая внутри себя путчистов и революционеров.

Причины данного положения следует искать на стыке взаимоотношений армии и государства (в более широком смысле - всего немецкого общества), политических воззрениях офицеров, в их морально-психологическом облике. В эпоху исторической турбулентности офицерский корпус был вынужден прилагать усилия для сохранения внутреннего единства и проведения согласованной стратегии поведения в стремительно меняющихся условиях. Одним из источников, в которых он черпал свои внутренние силы, был комплекс традиционных представлений о кодексе чести, моральная основа его статуса, служившая своего рода скрепой военного сословия вне зависимости от политического развития. Обращение к кодексу чести было особенно актуальным в условиях деформации традиционных основ человеческого мировоззрения после Первой мировой войны, когда, под влиянием её тяжелейшего опыта, происходило масштабное переосмысление накопленного духовного багажа европейской цивилизации.

Кодекс чести может рассматриваться с одной стороны, как набор морально-этических установок, регламентирующих поведение человека в различных жизненных ситуациях, а, с другой стороны, в более широком смысле, в качестве важного элемента человеческого мировоззрения, сложной ментальной конструкции, значение которой выходит за рамки одной лишь оценки повседневных или выдающихся поступков. Таким образом, кодекс чести можно определить как совокупность представлений человека о морально-этических основах своей жизни в социуме.

Представляется справедливым соотнести кодекс чести с одной из основных диспозиций (компонентов) т.н. габитуса (*habitus*) – социологического понятия, предложенного французским исследователем Пьером Бурдьё и означающего систему прочных приобретенных предрасположенностей, порождающих конкретные социальные практики индивидов¹. По мнению Бурдьё, габитус является производным от определенных социально-исторических условий, воплощая в себе заданный набор моделей поведения, реакций, образов действий. Особенно отчетливо его характерные черты проявляются в кризисные ситуации, предполагающие активную деятельность индивида или группы людей. Кроме того, габитус обладает значительным инерционным зарядом, отражая сложившиеся в течение продолжительных хронологических промежутков социальные практики, и нередко содержит уже устаревшие или даже архаичные представления.

Другим важным фактором, повлиявшим на логику развития военного сословия Германии в межвоенный период 1918-1939 гг., являлся общественный (социальный) статус германского офицерского корпуса. Особое отношение к людям в погонах со стороны массы простых немцев осознавалось офицерами и использовалось ими с переменным успехом для сохранения своего положения в годы Веймарской республики и Третьего рейха. Кроме того, спекуляциями вокруг традиционных военных

¹ Подробнее о понятии габитуса: Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. с. 100-128.

добродетелей занимались и различные политические силы Германии. Пришедшие в 1933 г. к власти нацисты открыто позиционировали себя как движение, в основе которого лежат солдатская доблесть и «фронтовой дух» Великой войны. В своем стремлении к власти они стремились заручиться поддержкой офицерского корпуса, в особенности генералитета, обещая форсированное развитие вооруженных сил вопреки ненавистному Версальскому договору. По мере строительства национал-социалистического государства с прицелом на неизбежность будущего военного противостояния офицерский корпус был той общественной группой, которой уделялось повышенное внимание в вопросах инкорпорации в «государство фюрера».

Таким образом, тематика взаимоотношений германской армии и общества в 1918-1939 г. тесно увязывается с одной стороны, с проблемой общественного статуса германского офицера, в трактовке которого отражалось и отношение к самим вооруженным силам в целом, а с другой - и с вопросом о реальной роли специфических для офицеров моральных норм, объединенных в своеобразный кодекс чести. И общественный статус, и кодекс чести представляют в данном контексте интерес как конструкции, сочетающие ориентацию на традиционные ценности и установки, придающие им базовую стабильность, с внутренней динамикой и гибкостью, проявляющимися в период масштабных исторических перемен.

Кайзеровская армия, республиканский рейхсвер и гитлеровский вермахт были, несмотря на декларируемую преемственность, серьезно различавшимися между собой военными организациями, что являлось естественным следствием различий между Германской империей, Веймарской республикой и Третьим рейхом. Однако офицеры всех трех немецких армий обладали определенным общественным статусом, динамика изменений которого была в том числе и следствием усилий военного сословия занять достойное место в германском государстве и социуме. Анализ динамики изменений общественного статуса, его эволюции, позволит приблизиться к пониманию механизмов, формирующих положение армии в

социуме при различных общественно-политических условиях. При этом представляется справедливым рассматривать данную проблему не только с точки зрения формализованных документов, официального законодательства, но по возможности уделить внимание и обратному восприятию офицеров в немецком обществе межвоенного периода. Только таким образом возможно получить адекватное представление относительно общественного статуса германского офицера в непростой исторической эпохе.

Столь же важна для исследователя и проблема кодекса чести германского офицерского корпуса. Критически важным является определить, какие из его категорий принадлежали к «вечным» и незыблемым основам морали, а какие, наоборот, были временными наслоениями, возникшими под влиянием внешних факторов, например Версальского договора или национал-социалистической идеологии. Естественным или неестественным путем шла его эволюция? Такую работу возможно провести только при сравнительном анализе письменно зафиксированных положений и повседневной практики их применения в жизни.

Актуальность темы исследования заключается в незавершенности как общественной, так и научной дискуссии по ряду вопросов истории Германии межвоенного периода 1918-1939 гг., в особенности вокруг проблем формирования тоталитарного государства гитлеровского Третьего рейха и его дальнейшего участия во Второй мировой войне. Политическое звучание армейской темы вне всякого сомнения отличается вплоть до сегодняшнего дня даже излишней поляризацией. Несмотря на хронологическую отдаленность событий и процессов 70-80-ти летней давности, результаты научных изысканий по данным темам сравнимы по дискуссионной остроте едва ли не с самыми животрепещущими событиями современности. Отчасти такое положение вещей может объясняться высоким уровнем идеологизации исследований по истории Германии и характерными особенностями исторической памяти в России и ФРГ.

Развитие научного направления восприятия истории (public history) придает актуальное звучание и задает новые парадигмы для дискуссий по, как могло представляться ранее, уже устоявшейся тематике. Обсуждение исторического прошлого, выработка оценочно-критического отношения к нему стали значимой частью формирования общественного мнения. Многочисленные формы презентации истории в публичном пространстве (тематические выставки, документальные и художественные кинофильмы, научно-популярная литература и др.) не только провоцируют общественный интерес, но и нередко становятся импульсом к появлению профессиональных исторических исследований. В этом смысле множество узловых моментов истории Германии первой половины XX в. являются частью не только сугубо внутреннего немецкого дискурса, но и предметом общественного обсуждения в других странах, в том числе и России. Отсюда закономерен интерес к истории германской армии, чей по-прежнему заметный противоречивый образ соткан в отечественном публичном пространстве как из рассказов еще живых бывших противников – солдат вермахта, так и из более поздних медиа-воплощений.

Формирование современной исторической памяти также сопровождается своеобразной конкуренцией научных (а порой и псевдонаучных) концепций, в рамках которых дискуссии по проблемным вопросам истории XX века приобретают особую остроту. Массовый интерес к этой теме наглядно иллюстрирует огромное количество отечественных и переводных публикаций на тему развития германских вооруженных сил, по большей части научно-популярного характера или вообще сомнительного качества. Таким образом, возрастает запрос на появление новых исследований, выполненных при строгом соблюдении принципа историзма и использовании новых методов исторической науки.

Кроме того, продолжающиеся и в наши дни вооруженные конфликты с участием армий, комплектация которых происходит по принципу всеобщей воинской повинности, по-прежнему ставят вопросы о моральной

ответственности военнослужащих, в первую очередь офицеров, за выполнение отданных командованием приказов, за подчинение идеологическим постулатам и целям своего государства. Анализ принципов формирования кодекса чести, общественного статуса офицерского корпуса и их взаимовлияния позволит по-новому подойти к оценке морально-психологического состояния в том числе и современных вооруженных сил.

Объектом исследования является офицерский корпус сухопутной германской армии. Эпизоды, где рассматриваются офицеры военно-морского флота или авиации, оговариваются отдельно.

Предметом исследования является эволюция кодекса чести и морально-политических взглядов германского офицерского корпуса в 1918-1939 гг., а также статус офицера в межвоенный период в Германии.

Цель диссертационного исследования состоит в изучении взаимозависимости между морально-политическими представлениями германского офицерского корпуса, этическими нормами кодекса чести и общественным статусом германского офицера с учетом смены конкретных исторических условий в межвоенный период и адаптационных ниш для данного социо-профессионального слоя.

Данной цели соответствуют следующие **задачи** исследования:

- Рассмотреть германский офицерский корпус как особую группу внутри политической системы Германии со своей мотивацией и моделями поведения;
- Проанализировать механизмы и динамику адаптации офицерского состава армии в контексте изменений общественно-политической обстановки в Германии в 1918-1939 гг.;
- Проанализировать морально-этическую конструкцию кодекса чести германского офицерского корпуса в его статике и эволюции, степень воздействия на нее идеологии национал-социализма;
- Проследить трансформацию общественного статуса немецких офицеров и факторов, оказывавших на него влияние;

– Определить особенности процесса нацификации вермахта в сфере воздействия на мировоззрение офицерского состава.

Хронологические рамки работы охватывают период особой динамики в истории Германии: с 1918 по 1939 гг., от поражения в Первой мировой войне до нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. и начала Второй мировой войны. На протяжении 21 года общество и офицеры как его часть трижды были вынуждены проходить процесс приспособления к резко менявшимся историческим условиям, когда зачастую речь шла о коренных вопросах выживания или совести. Но в связи с тем, что и кодекс чести, и процесс складывания общественного статуса германского офицерского корпуса имеют продолжительную историю формирования, в работе также присутствуют отдельные обращения к более ранним историческим условиям последней трети XIX–начала XX вв. Период Второй мировой войны, напротив, вынесен за пределы рассматриваемых хронологических рамок, т.к. специфика войны, развязанной нацистами, сформировала принципиально иное пространство для осуществления военнослужащими своих профессиональных функций, радикально трансформировала образ врага и понятие служения родине.

Методологическая основа диссертационного исследования по необходимости весьма разнообразна. В качестве ее основы можно выделить принципы историзма и научной объективности. Принцип историзма как научный метод подразумевает рассмотрение отдельных исторических явлений в динамике их изменения, становления во времени, в закономерном историческом развитии, а также анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования. Принцип научной объективности предполагает исследование исторических объектов и явлений как принадлежащих к сфере реальной действительности с максимально возможной непредвзятостью со стороны историка.

Обращение в ходе исследования к проблемам, связанным с межличностным взаимодействием, практиками повседневности определяет

целесообразность использования методологии исторической антропологии и истории повседневной жизни. Важное место при этом занимает и междисциплинарный подход, элементы которого используются в данном исследовании за счет обращения к таким наукам как социология и политология.

Использование принципов имагологии, нацеленной на изучение образов, инородных для воспринимающего их объекта, определяется необходимостью понять, с одной стороны, образ офицера в представлениях германского общества в рассматриваемый период, а с другой – образ Германии, родины, «Фатерланда» в сознании самих офицеров. Интересен и образ германских офицеров в глазах «коллег» из других стран, в частности советских командиров, имевших возможность в ходе рабочих поездок в Германию довольно близко познакомиться с военным механизмом республиканского рейхсвера.

Историко-биографический метод позволяет рассмотреть историю отдельной личности в широком историческом контексте, проследить, каким образом окружающая среда определяла её мировоззрение, образ действий, жизненный путь. Применение данного метода особенно целесообразно при обращении к наиболее ярким представителям германского офицерского корпуса – генералам, фельдмаршалам, видным военным теоретикам, чьи биографии обычно вызывают наибольший интерес и представляются в качестве «образцовых».

Метод кластерного анализа подразумевает упорядочивание объектов исследования в сравнительно однородные группы на основании полученной о них информации. Применительно к нашему исследованию использование данного метода целесообразно при рассмотрении германского офицерского корпуса с учетом обострения внутри него разногласий во взглядах на внутри- и внешнеполитические проблемы в кризисные годы Веймарской республики (1919-1923 гг., 1929-1933 гг.) и в период укрепления национал-

социалистической диктатуры (1933-1934 гг.), подготовки ко Второй мировой войне (1938-1939 гг.).

Кроме того, в исследовании используются элементы методологии элитологической науки – репутационный метод анализа элит, позволяющий раскрыть ценностные установки ограниченной группы людей, обладающей привилегированным положением по сравнению с другими членами общества. Именно данный метод позволяет взглянуть на кодекс чести германского офицера как совокупность правил и установок, регламентировавших его жизнь на службе и в быту.

Новизна исследования заключается в системности анализа морально-этических представлений германского офицерского корпуса на протяжении длительного и столь насыщенного событиями исторического периода с привлечением новых источников, ранее в силу разных причин не вводившихся в научный оборот или редко использовавшихся исследователями. Это касается, прежде всего, архивных данных, служебной документации, а также материалов личного происхождения, специализированной военной прессы. Автором впервые предпринимается попытка конкретизировать в зависимости от обстоятельств времени довольно абстрактное понятие кодекса чести, обычно привлекаемого в исследованиях по истории Германии весьма схематично или в виде набора клише. Кроме того, анализируется общественный статус офицера в немецком обществе с учетом взрывной динамики всего межвоенного периода 1918-1939 гг. Комплексный анализ морального кодекса, политических взглядов и общественного статуса германского офицерского корпуса дает возможность получить глубокую объемную картину его мировоззрения, непосредственно влияющего на процесс принятия решений по самым разным вопросам политики, общественной жизни, профессиональной деятельности.

Обзор источников

Источниковая основа диссертационной работы представляет собой совокупность архивных материалов, тематических сборников документов, специальной военной литературы, материалов прессы, мемуарной литературы и др. Отдельные документы вводятся в научный оборот впервые. Специфика источниковой базы нашего исследования заключается в преимущественном использовании узкотематических материалов военных учреждений Веймарской республики и Третьего рейха параллельно с необходимостью целевого обращения к широкому спектру общеполитических источников при условии тщательной верификации содержащихся в них сведений из-за особой идеологической конъюнктуры того времени.

Группа неопубликованных архивных источников включает в себя материалы Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ) и Российского Государственного Военного Архива (РГВА).

Материалы ГАРФ представлены фондом Р7445, содержащим первоисточники Нюрнбергского процесса над немецкими военными преступниками, значительное число которых не публиковалось в России². Особый интерес для нашего исследования вызывают документы защиты и обвинения, касающиеся подсудимых Вильгельма Кейтеля (начальник штаба ОКВ) и Альфреда Йодля (начальник оперативного штаба ОКВ), против которых были выдвинуты обвинения в военных преступлениях и преступлениях против мира и человечества. Несмотря на то, что большая часть обвинений касается периода Второй мировой войны и выходит за хронологические рамки нашей работы, многие документы затрагивают период подготовки Германии к войне, в особенности период с 1936 по 1939 гг., на который приходятся первые внешнеполитические успехи нацистского государства. Показания фельдмаршала Вернера фон Бломберга³ содержат

² Ср.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 тт. М.: «Юридическая литература», 1987-1999.

³ ГАРФ. Ф. Р7445. Оп. 1, Д. 2086. Л. 6-17.

сведения о настроениях офицерского корпуса в период Веймарской республики и национал-социалистического государства до 1938 г., рассуждения о природе лояльности Адольфу Гитлеру генералитета Третьего рейха. Фельдмаршал отрицает существование организованной оппозиции внутри генералитета до начала Второй мировой войны, напротив, прямо заявляя об отсутствии таковой, поскольку политика Гитлера якобы соответствовала ожиданиям военных. Книга документов защиты Вильгельма Кейтеля⁴ содержит показания фельдмаршала относительно специфики работы ОКВ⁵ и его докладную записку «Главный штаб вооруженных сил (ОКВ) и Генеральный штаб»⁶. Оба документа посвящены различным аспектам военного строительства в Третьем рейхе в период, непосредственно предшествующий Второй мировой войне. Кейтель подробно рассматривает формирование механизма военного управления, делится особенностями рабочих отношений с Адольфом Гитлером, доводит до участников международного трибунала позиции офицеров относительно весомости «принципа фюрерства» в вооруженных силах Третьего рейха. «Дело индивидуальной ответственности» Альфреда Йодля содержит материалы допроса генерала, в которых он высказывает собственные соображения относительно своих политических воззрений, отношения к НСДАП до и после прихода нацистской партии к власти в 1933 г.⁷

Фонды РГВА представлены как трофейными фондами немецкого происхождения, так и материалами, относящимися к советско-германскому военному сотрудничеству в годы Веймарской республики (1922-1933 гг.). После окончания Второй мировой войны именно в РГВА оказалось множество документов рейхсвера и вермахта, имеющих важное научное значение для нашей работы.

⁴ ГАРФ. Ф. Р7445. Оп. 1, Д. 2087.

⁵ ГАРФ. Ф. Р7445. Оп. 1, Д. 2087. Л. 6-9.

⁶ ГАРФ. Ф. Р7445. Оп. 1, Д. 2087. Л. 12-14.

⁷ ГАРФ. Ф. Р7445, Оп. 1, Д. 2007. Л. 34-53.

Огромный интерес для данного диссертационного исследования представляют впервые вводимые в научный оборот документы специальной комиссии рейхсвера, образованной в 1920 г. по случаю разбирательства между тремя офицерами рейхсвера – Герлахом, Рере и фон Фрейбергом⁸. Они дают возможность получить определенное представление о механизме разрешения противоречий, связанных с кодексом чести немецкого офицера в условиях запрета офицерских «судов чести» конституцией Веймарской Германии. Материалы дела включают в себя служебную переписку офицеров, их показания, итоговый отчет работы комиссии.

Хранящиеся в РГВА личные дела офицеров вермахта 1 военного округа (Берлин)⁹ позволяют нам получить представление о внутреннем делопроизводстве вермахта, взглянуть на офицера германской армии глазами бюрократической машины военного министерства. Благодаря составу документов представляется возможным отследить, например, влияние нацистской расовой политики на вермахт, выразившееся в необходимости подтверждать своё арийское происхождение всем представителям офицерского корпуса. Кроме того, личные дела дают возможность понять механизм карьерного продвижения офицеров, производства в новые звания и чины, назначения на руководящие должности.

Интересную возможность взглянуть на офицерский корпус глазами советских военных специалистов дают документы фондов секретариата народного комиссара обороны СССР. Интенсивные контакты между РККА и рейхсвером в 1921-1933 гг. включали обмен делегациями для знакомства с опытом и посещения маневров, установления военно-экономических связей, а также совместные инфраструктурные проекты. Не будет преувеличением отметить, что советские военные специалисты имели уникальную (по сравнению с военнослужащими из других стран) возможность составить

⁸ РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 135.

⁹ РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 137, 138, 141.

собственное представление об уровне военной организации немецких коллег и их положении¹⁰.

Наиболее информативным и до сих пор целиком не введенным в научный оборот является доклад заместителя Народного комиссара по военным и морским делам СССР И.П. Уборевича о пребывании в рейхсвере, работа над которым велась с 13 июля 1930 г. по 28 января 1931 г.¹¹. Автор стремился дать полное и всеобъемлющее представление о германских вооруженных силах на основании опыта своего пребывания в ряде учебных центров рейхсвера (в частности, много места уделяется описанию Дрезденского пехотного училища) и на маневрах. Перед читателем предстает исчерпывающая картина германских вооруженных сил, в частности – офицерского корпуса, начиная с аналитического изложения политических настроений, заканчивая бытовыми деталями жизни офицеров. Некоторые другие отчеты советских военных специалистов ограниченно цитировались в сборниках документов и монографиях¹².

Отдельно следует обозначить объемный массив трофейных немецких документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны РФ (ЦАМО), оцифровка которых ведется с 2011 г. в рамках проекта, инициированного Администрацией Президента Российской Федерации и реализуемого Федеральным архивным агентством, Министерством обороны РФ, Российским историческим обществом в сотрудничестве с Германским историческим институтом в Москве¹³. Особый интерес в рамках нашего исследования представляют документы из фонда 500, содержащего описи 12450 и 12451, в которых имеется документация ОКВ и ОКХ соответственно¹⁴. Среди хранящихся в описях материалов присутствуют

¹⁰ Об исключительном уровне доверия в ходе рабочих контактов между РККА и рейхсвером относительно других европейских армий в период 1920-1933 гг. настаивает немецкий историк Манфред Цайдлер. Zeidler M. Reichswehr und Rote Armee 1920-1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. München: Oldenbourg, 1993. S. 250.

¹¹ РГВА. Ф. 33987., Оп. 3а, Д. 329с.

¹² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а, Д. 148с. Л. 75-78; Ф. 33988. Оп. 3с, Д. 235.

¹³ <http://www.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1-rossiysko-germanskiy-proekt-po-otsifrovke-trofeynyh-kollektsiy>

¹⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12450; ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12451.

личные документы начальника штаба ОКВ Вильгельма Кейтеля, планы немецкого военного командования по агрессии против других стран (в т.ч. против СССР), документы, посвященные отдельным аспектам военного строительства и др. Т.к. организаторы проекта сохраняют нумерацию архивных дел в процессе их дигитализации, для исследователя допустимо при ссылках указывать общую архивную легенду в соответствии с существующими стандартами оформления.

Значительное количество документации по истории германских вооруженных сил опубликовано в тематических сборниках, изданных в ФРГ. Множество военных документов, в особенности периода рейхсвера, было уничтожено в ходе одного из налетов английской авиации на Потсдам в апреле 1945 г. Появление сборников документов стало попыткой восстановить целостную картину развития германской армии на основе документов из земельных архивов (в первую очередь, Баварии), личных фондов представителей офицерского корпуса (напр. генералов Ганса фон Секта и Вильгельма Грёнера), архивов других министерств и ведомств. Примечательно, что к составлению подобных сборников не привлекались архивы и специалисты из ГДР.

В первую очередь, публикации отражали официальную документацию руководства вооруженных сил: приказы, докладные записки и т. п. Их выборка определялась задачей составителей отобразить позицию или конкретную деятельность военного командования в заданных исторических условиях. Как правило, речь идет об устоявшейся цепочке событий немецкой истории, которые затрагивали армию в наибольшей степени: германская революция 1918-1919 гг., Капповский путч 1920 г., «пивной» путч 1923 г., Ульмский процесс 1930 г., приход к власти нацистов в 1933 г., «Ночь длинных ножей» 1934 г., «Кризис Бломберга-Фрича» 1938 г.

Так, сборники, изданные Гансом Хюртенем, содержат подборку документов начального периода существования рейхсвера 1918-1922 гг.¹⁵.. Большинство опубликованных источников представляют собой приказы военного командования, стенограммы совещаний, докладные записки командиров воинских частей. В обоих изданиях освещаются ключевые проблемы истории германских вооруженных сил после Первой мировой войны: создание и роспуск солдатских советов, влияние и оценка Версальского договора, нарастание реваншистских настроений среди наиболее реакционных представителей офицерской касты. Много места уделено Капповскому путчу 1920 г., особенно его последующему осмыслению военной элитой.

Гораздо более многосторонним и объемным выглядит сборник документов Отто Шюддекопфа¹⁶, посвященный истории германской армии в период 1918-1933 гг. Здесь наравне с официальной документацией содержатся документы личного происхождения – переписка представителей офицерского корпуса, телеграммы, выдержки из газетных статей и публицистических изданий. Автор-составитель преследовал цель показать взгляды офицерского корпуса на политическую жизнь Германии в период 1918-1933 гг., правда, концентрируя фокус анализа путем направленной выборки документов на представителях генералитета.

Первый комплексный сборник документов по истории вермахта вышел только в конце 1980-х гг.¹⁷. Составитель Клаус-Юрген Мюллер предпринял попытку составить тематическую подборку документов, сгруппировав их по наиболее проблемным темам армии гитлеровского периода. Отдельный раздел посвящен документам, касающимся исключительно офицерского корпуса в его контактах с национал-социалистическим режимом. Это

¹⁵ Zwischen Revolution und Kapp-Putsch. Militär und Innerpolitik. 1918-1920. Bearb. von Hürten H. Düsseldorf: Droste, 1970; Die Anfänge der Ära Seeckt. Militär und Innenpolitik 1920-1922. Bearb. von Hürten H. Düsseldorf: Droste Verlag, 1979.

¹⁶ Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933. Hrsg. von Schüddekopf Otto-Ernst. Hannover: Goedel, 1955.

¹⁷ Armee und Drittes Reich. 1933-1939. Darstellung und Dokumentation. Hrsg. von Müller K.-J. Paderborn: Schöningh, 1989.

служебная переписка военных и партийных руководителей, отрывки их торжественных речей, приказы, директивы, докладные записки. Хронологически представленные документы охватывают период от последних годов существования Веймарской республики (1929-1932 гг.) до 1939 г. и начала Второй мировой войны. Подборка выполнена таким образом, чтобы позволить читателю получить комплексное представление о положении вермахта в Третьем рейхе. Так, опубликована переписка двух офицеров (к сожалению, их имена не названы) за 1933 г., выражавших противоположные точки зрения на назначение Гитлера канцлером, в ходе которой можно понять аргументацию и симпатизировавших национал-социализму, и тех, кто относился к происходящему со скепсисом. Отдельный раздел посвящен антисемитизму в вермахте. Представлена докладная записка будущего фельдмаршала (на тот момент полковника) Э. фон Манштейна, в которой он выражает протест против введения т.н. «арийского параграфа» (закона, изгонявшего евреев со службы) в армии. В ней Манштейн пытается оспорить целесообразность данного закона с точки зрения «морального кодекса», недопустимости для офицеров игнорировать притеснения их коллег-евреев.

Между тем, сборники армейских документов не всегда формировались по проблемно-хронологическому принципу. В 1960-е гг. была предпринята попытка проанализировать эволюцию мировоззрения германского офицерского корпуса на протяжении почти 300 лет его истории. Сборник «Офицеры в свете документов трех столетий», был издан историками Манфредом Мессершмидтом и Урсулой фон Герсдорф в 1964 г.¹⁸. В центре внимания составителей данного издания стоял вопрос формирования специфической морали офицерского корпуса, поэтому там имеется множество документов, как правило, циркуляров руководящих военных органов – Военного министерства, Войскового управления, ОКВ -

¹⁸ Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten. Hrsg. von Messerschmidt M., Gersdorf U. v. Stuttgart: Dt. Verl., 1964.

касающихся морального кодекса офицера. Так, например, подробно отражена деятельность командующего рейхсвером Ганса фон Секта, направленная на сохранение принципов старой кайзеровской армии в новом республиканском рейхсвере – представлено множество его докладных записок, циркуляров, писем, в которых он приводит свои рассуждения на этот счет.

Тематически схожим выглядит сборник Юргена Бертрама «Образование офицера»¹⁹. Однако из-за небольшого объема и широких хронологических рамок (с XVII до XX вв.) фактическая ценность опубликованных документов заметно ниже, чем в издании Манфреда Мессершмидта и Урсулы фон Герсдорф. В основном, представленные материалы были ранее изданы в других книгах.

Впрочем, документы, связанные с германской армией и её офицерским корпусом публиковались не только в ФРГ. На волне специфического «разоблачительного» пафоса конца 1980-х – начала 1990-х гг. в России вышел сборник «Фашистский меч ковался в СССР»²⁰ посвященный периоду советско-германского военного сотрудничества во время Веймарской республики в 1921-1933 гг. В нем содержатся отзывы советских офицеров и руководителей: от наркома К.Е. Ворошилова до представителей среднего командирского звена относительно работы германских офицеров, переписка между должностными лицами, статистические данные. Как правило, отзывы советских военспецов носят уважительный по отношению к немецким коллегам характер, особенно при сопоставлении с уровнем боевой и физической подготовки советских командиров. Подчеркиваются основательность, трудолюбие и высокий культурно-образовательный уровень немецких офицеров. Сам по себе позитивный факт публикации большого количества ранее недоступных ни историкам, ни широкой

¹⁹ Die Bildung des Offiziers. Dokumente aus vier Jahrhunderten. Hrsg. von Bertram J. Bonn: Führungsstab der Streitkräfte, 1969.

²⁰ Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М.: «Советская Россия», 1992.

общественности документов несколько отретуширован тенденциозной аналитикой материала в комментариях составителей. Так, характерна гиперболизированная оценка влияния советского-германского военного сотрудничества, в результате чего якобы «в значительной степени заложены основы будущих наступательных вооруженных сил Германии, ставших в 1939 г. ужасом для Европы, а в 1941-м обрушившихся на СССР»²¹. Возможно поэтому, несмотря на в целом удачную выборку документов, данное издание встретило довольно прохладную реакцию со стороны профессионального исторического сообщества²².

Позже, в 1995 г. вышел подготовленный совместными усилиями историков и архивистов России и Германии сборник документов «Красная Армия и Рейхсвер»²³, который также содержит большое количество материалов по советско-германскому военному сотрудничеству 1921-1933 гг. Приблизительно в равной пропорции отобраны документы советского и немецкого происхождения, в сумме позволяющие получить комплексное представление о характере и закономерностях партнерского взаимодействия обеих сторон. В отличие от издания Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуевой здесь присутствует взвешенная академическая оценка совместных проектов рейхсвера и РККА, основанная, прежде всего, на их детальном анализе в широком историческом контексте.

Дальнейшая работа с ранее закрытыми архивами СССР-РФ привела к публикации сборника документов, посвященного пребыванию в советском плену генералитета вермахта²⁴. В издании представлены материалы следственных дел, стенограммы допросов, письменные показания офицеров

²¹ Там же. с. 11.

²² Милованов С.В. Историки СССР-РФ о советско-германском военном сотрудничестве в рапальский период // Вестник Томского государственного университета. Nr. 318. 2009. с. 114-115; Ерин М.Е., Чукарев А.Г. Рецензия: Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М.: «Советская Россия», 1992. // Вопросы истории. Nr. 7. 1993. с. 180-181.

²³ Reichswehr und Rote Armee. Dokumente aus den Militärarchiven Deutschlands und Rußlands. 1925 – 1931. Hrsg. von Kahlenberg P., Pichoja R., Dvojnich L. Koblenz: Bundesarchiv, 1995.

²⁴ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944-1951. Макаров В.Г., Христофоров В.С., М.: Международный фонд «Демократия», 2009.

германской армии. Даже с учетом специфики происхождения документов, а именно пребывания генералов в тюрьмах и лагерях сталинского СССР, они, тем не менее, представляют собой значительную ценность, отражая мнения и настроения офицерского корпуса вермахта по различным политическим и мировоззренческим вопросам.

Отдельно стоит отметить сборник документов Нюрнбергского процесса в 8 тт., изданный в период 1987-1999 гг.²⁵ Содержащиеся в нем документы, затрагивающие проблему армии в Третьем рейхе и подготовку к войне, использованы в нашем исследовании в дополнение к архивным данным международного трибунала. При этом указанное издание, к сожалению, не может претендовать на исчерпывающую полноту обнародования документов процесса. По своей сути и составу оно в значительной степени является сокращенным переводом 42-томного американского издания документов процесса, которое, впрочем, также не считается абсолютно полным²⁶.

Кроме специальных тематических сборников некоторое количество военной документации наличествует в более общих подборках документов. Главным образом это официальная документация органов военного управления: приказы, распоряжения, докладные записки. Значительно реже встречаются выдержки из писем, речей, записи неофициального характера.

Так, несмотря на то, что сборник с характерным названием «Нелюбимая республика»²⁷ посвящен истории Веймарской республики в целом, он содержит ряд интересных документов, касающихся рейхсвера, его взаимоотношений с правительствами республики и др., что позволяет включить его в список источников данной работы. Составители сборника – Вольфганг Михалка и Готфрид Нидхард – стремились подобрать документы в соответствии с наиболее проблемными пунктами истории Веймарской

²⁵ Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 тт. М.: «Юридическая литература», 1987-1999.

²⁶ International Military Tribunal in Nuremberg in 42 vol. Nuremberg. 1947-1949.

²⁷ Die ungeliebte Republik. Dokumentation zur Innen- und Aussenpolitik Weimars. 1918-1933. Hrsg. von Michalka W. und Niedhart G. München. 1980.

республики, одним из которых являлось непростое положение рейхсвера в новом государстве. Подробно отражена деятельность представителей армейской верхушки – Гинденбурга, Людендорфа и Грёнера - во время германской революции через приказы, докладные записки, переписку с Эбертом и другими политиками Веймарской республики.

7-й том многотомного сборника документов «Причины и следствия: от немецкой катастрофы 1918 и 1945 гг. до нового современного государственного устройства Германии»²⁸ тоже содержит множество документов, посвященных участию офицерского корпуса и армии в целом в становлении Веймарской республики и Третьего рейха. Он также затрагивает в основном политическое измерение существования рейхсвера в Веймарской Германии.

Отдельные документы представлены в виде специальных изданий. Таковым, например, является Версальский мирный договор, подписанный 28 июня 1919 г. и ставший определяющим для внутренней и внешней политики Веймарской республики. На русском языке он был опубликован в 1925 г. издательством Народного комиссариата иностранных дел под редакцией профессора Ю.В. Ключникова с его развернутыми комментариями по отдельным положениям договора²⁹.

В качестве отдельных изданий с расширенными комментариями представлены законы об армии Германии 1921³⁰ и 1935 гг.³¹, ставшие одними из основополагающих источников для изучения общественно-юридического статуса офицеров в данной работе. Военный закон 1921 г. определял основы существования рейхсвера Веймарской республики: добровольный принцип комплектования, 25-летний срок службы для офицеров и др. и являлся следствием жестких требований Версальского договора в вопросах военного строительства Германии. Напротив, военный закон 1935 г., принятый

²⁸ Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Hrsg. Von Michaelis H. Bd. 7. Berlin. 1962.

²⁹ Версальский мирный договор. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925.

³⁰ Wehrgesetz vom 23. März 1921 mit Einleitung und Erläuterungen von Gemler P. Berlin: Stilke, 1921.

³¹ Gesetz für den Aufbau der Wehrmacht vom 16. März 1935. Berlin. 1935.

гитлеровским правительством, восстанавливал всеобщую воинскую повинность, тем самым обозначая отказ Третьего рейха от соблюдения условий «версальского диктата». Примечательно, что оба закона запрещали военнослужащим заниматься политической деятельностью – это требование сохранялось и в рамках многопартийной политической системы Веймарской Германии, и в условиях полного господства НСДАП в Третьем рейхе.

Циркуляр «Защита чести» (Wahrung der Ehre) – аналог дисциплинарного устава рейхсвера³² и вермахта в виде отдельного издания практически ежегодно переиздавался с начала 1920-х гг. В нашей работе используются издания 1929 и 1938 гг.³³, в сравнении наиболее полно отражающие изменения в этом документе после краха Веймарской республики и всевозрастающей нацификации армии. Документ определяет понятия чести и долга, ответственность за поведение, недостойное звания офицера. В издании 1938 г. значительное место отведено порядку судопроизводства в среде военнослужащих.

В соответствии с юридической системой Германии все выходившие в стране законы были обязаны публиковать в официальном ежедневном периодическом издании Министерства юстиции (с 1922 г. – Министерства внутренних дел) «Имперский вестник законов» (Reichsgesetzblatt), который выходил с мая 1871 по апрель 1945 г. Ряд законов и указов, необходимых для изучения положения офицерского корпуса и используемых в нашей работе, приводится по их публикациям в данном издании.

Важной группой источников для нашего исследования являются работы военной публицистики. Представители германского офицерского корпуса уже, как правило, в отставке, не связанные служебными рамками, стремились осмыслить в многочисленных статьях и монографиях различные вопросы военного дела, в том числе и широкую проблематику, связанную с кодексом чести, моралью, геополитикой. Ушедшие в запас офицеры, не

³² Absolon R. Wehrgesetz und Wehrdienst. 1935-1945. Das Personalwesen in der Wehrmacht. Boppard am Rhein: Harald Boldt Verlag, 1960. S. 287.

³³ Wahrung der Ehrenhaftigkeit. Berlin: Reichswehrministerium, 1929; Wahrung der Ehre. Berlin: Reichsdr., 1938.

отягощенные ежедневной служебной рутинной и запретом на политические высказывания, нередко брались за перо с искренним желанием помочь привести Германию к «месту под солнцем», породив феномен «пишущих генералов»³⁴. Немаловажную роль в активизации писательской деятельности офицеров играли финансовые соображения – большие тиражи книг сулили авторам неплохую прибавку к военной пенсии. На конец XIX – начало XX вв. приходится всплеск развития военной публицистики в Германской империи. Показательно, что ни одного сочинения, выбивавшегося из общей линии патриотических чувств, среди них не было. В большинстве своём это вообще были работы невысокого качества³⁵, однако среди них встречались и произведения небесталанных авторов, которые сумели уловить остроту национал-патриотического дискурса и оказали значительное влияние на общественную мысль в стране, найдя влиятельных читателей и поклонников. Особенно интересно проследить по ним эволюцию представлений о роли и месте армии и её офицерского корпуса в обществе. Несмотря на то, что иногда такие работы носят «программный» характер, они, безусловно, отражают взгляды самих авторов как типичных представителей своей среды.

Так, огромное значение для определения места и роли офицера в немецком обществе имеет работа неизвестной группы авторов «Офицер как воспитатель народа» (*Der Offizier als Erzieher des Volkes*), вышедшая еще в 1888 г.³⁶, но сохранившая свою актуальность вплоть до начала Второй мировой войны, что, в свою очередь, можно проследить по ссылкам на нее³⁷. В ней авторский коллектив излагает свои суждения о необходимых для офицера качествах и навыках, роли офицера в обществе и т.п. Именно в ней постулируется определяющая для офицерского кодекса чести роль кайзера Германской империи, христианской религии, патриотизма. Подчеркивается

³⁴ Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве... с. 169-170.

³⁵ Там же. С. 173.

³⁶ *Der Offizier als Erzieher des Volkes*. Berlin: Mittler, 1888.

³⁷ Ниже будет рассмотрена полемика офицеров вермахта с тезисами данной работы.

воспитательная функция офицера, выходящая за рамки сугубо военных задач.

Осмыслению деятельности «советов чести» в армии посвящена вышедшая в 1910 г. работа полковника Клеменса фон Шпона, в которой он рассуждает о вопросах чести и долга и анализирует практику «советов чести»³⁸. По его мнению, основная задача «советов чести» состоит в разрешении вопросов морального и правового характера внутри личного состава. Автор пытается дать классификацию правонарушений с наказаниями за них для удобства осуществления «совета чести» своей деятельности. Шпон выделяет такие виды «оскорблений» как обида, легкое оскорбление, тяжелое оскорбление.

Германская революция и существование вооруженных сил в тяжелых условиях Версальского договора задали военным публицистам новые темы для размышлений. Закономерно много внимания уделялось поиску офицерами своего места в новом государстве, осмыслению самой цели несения ратной службы. Так, непростое положение офицерского корпуса после Первой мировой войны в немецком обществе является предметом рассуждений в работе «Офицер в новой Германии» младоконсерватора, лейтенанта Йоахима Тибуртиуса³⁹. В ней автор с сожалением описывает трудности, с которыми сталкиваются вернувшиеся с войны офицеры: неприятие со стороны общества, безработицу, бедность и др. Фактически, автор оказывается не в состоянии предложить своим товарищам стройную программу из конкретных действий, и единственной приемлемой стратегией поведения для него остается моральное сплочение офицеров в условиях фактически враждебного окружения, сохранение духа товарищества и взаимовыручки. Впрочем, на момент критичного для армии и всей Германии 1919 г. даже такие общие рассуждения служили важным показателем

³⁸ Spohn C. Die Bedeutung, Stellung und Pflichten des Ehrenrats nebst Würdigung der Tätigkeit des Kommandeurs. Berlin: Eisenschmidt, 1910.

³⁹ Tiburtius J. Der Offizier im neuen Deutschland. Berlin: Arbeitsgemeinsch. für staatsbürgerl. und wirtschaftl. Bildung, 1919.

готовности офицерского сословия бороться за лучшее будущее для себя и своей страны.

Распространенным среди офицеров убеждением в первые годы республики было желание «начать с себя», уделяя повышенное внимание формированию высокого профессионализма и исключительных личностных качеств. Эту мысль проводит вышедшая в 1919 г. работа «Рейхсвер и демократия»⁴⁰, посвященная перспективам существования рейхсвера в условиях нового государственного устройства Германии. По мнению автора, элитарный характер офицерского корпуса республиканских вооруженных сил должен основываться на особом профессионализме, исключительно высоком уровне подготовки – не только в военных, но и гражданских дисциплинах, таких как психология, экономика, культура и т.п. Офицер новой Германии должен был знать буквально всё, компенсируя за счет высокой профессиональной репутации своё пошатнувшееся социально-экономическое положение.

С другой стороны, в публицистике были сильны настроения поиска виновных в катастрофе 1918 г., исходившие из тезисов «легенды об ударе кинжалом в спину», по которой немецкая армия осталась непобежденной на полях сражений Первой мировой войны, но оказалась предана в тылу, где тон задавали социалисты, зачастую отождествлявшиеся с евреями. Так, откровенно антисемитский характер носит брошюра «Евреи в вооруженных силах»⁴¹. В работе утверждается, что дух армейского товарищества, основанный на христианских добродетелях, чужд евреям. Приводятся статистические данные, из которых следует, что немногочисленные евреи – представители офицерского корпуса (автор говорит примерно о 2 000 еврейско-офицерах) - были в основном сконцентрированы на штабных и тыловых должностях, но практически не появлялись на фронте. Из этого обстоятельства автором выводится тезис о безусловной вине евреев в

⁴⁰ Enders F.-K. Reichswehr und Demokratie. München-Leipzig: Duncker & Humblot, 1919.

⁴¹ Armin O. Die Juden im Heere. München: Dt. Volks-Verl., 1919.

распространении пораженческих и революционных настроений в немецком тылу в последние месяцы войны, их ответственности за катастрофу ноября 1918 г.

По мере определенной стабилизации общественно-политической ситуации в Германии в середине 1920-х гг. внимание военных публицистов оказалось направлено на устоявшееся положение республиканского рейхсвера, его преимущества и недостатки. Авторы одновременно стремились представить рейхсвер как полноценную армию, строительство которой в целом состоялось, и как военную организацию, объективно страдающую от проблем, связанных с соблюдением Версальского договора. Здесь характерным примером является работа «Солдат рейхсвера»⁴², которая представляет собой попытку дать описание жизни военного человека как обладателя специфической профессии. По своему характеру данная книга представляет собой, по сути, агитационный материал для вербовки кандидатов в солдаты и офицеры. Впрочем, автор не оставляет без внимания очевидные трудности профессии военного в Веймарской республике – долгий срок службы, иные, более скромные, по сравнению с кайзеровскими временами, общественный статус и финансовое довольствие. Однако, несмотря на это, профессия офицера, исходя из текста работы, представляется в качестве привлекательной карьеры для молодого человека за счет относительной социальной стабильности, престижности и гарантии трудоустройства.

Подобно своим предшественникам, «пишущим генералам» кайзеровской эпохи, занялся писательской деятельностью после своей отставки и начальник Войскового управления, фактический создатель и командующий рейхсвера генерал Ганс фон Сект⁴³. В своих работах фон Сект стремился обозначить контуры военно-политического развития Германии, опираясь на собственный управленческий и командный опыт. Основные

⁴² Hesse K. Der Reichwehrsoldat. Berlin: Paetel, 1927.

⁴³ Seeckt H.v. Die Zukunft des Reiches. Urteile und Forderungen. Berlin: Verl. für Kulturpolitik, 1929; Die Reichswehr. Leipzig: Kittler, 1933.

направления его государственного мышления выстроены по традиционно-патриотическим шаблонам консервативных кругов Германии: преодоление Версальского договора через форсированное развитие экономики и сельского хозяйства, добросовестное исполнение своего долга всеми представителями немецкого общества, укрепление культуры и морали нации.

Авторами публицистических работ о рейхсвере и его перспективах были не только профессиональные военные. Профессор философии Фридрих Шмидт в своей книге «Военный человек XX века»⁴⁴ пытается проанализировать основные тенденции развития военного дела в новых политических, экономических и социокультурных условиях, сложившихся после Первой мировой войны. По его мнению, профессия офицера будет развиваться только при резком повышении уровня профессиональных знаний, в первую очередь в области освоения новейших средств вооружения. В связи с этим, основной проблемой военного развития Германии становится не ограничение численности вооруженных сил, а запрет на использование передовых видов боевой техники: танков, самолетов, тяжелой артиллерии, химического оружия.

Значительное внимание отношению к армии уделяли и журналисты, особенно симпатизировавшие пацифистам и социал-демократам. Как правило, их материалы выполнены в остро выраженном критическом плане. Так, в брошюре «Рейхсвер. Размышления гражданского лица»⁴⁵ ее автор критически оценивает роль германских вооруженных сил в общественном развитии страны. По его мнению, рейхсвер сосредоточил в себе наиболее консервативные и реваншистские кадры, намеренно торпедирующие импульсы демократического развития Германии. Автора беспокоит вопрос скрытого перевооружения и чрезмерно раздутого военного бюджета страны. По представленным расчетам, один военнослужащий рейхсвера обходится налогоплательщикам в Германии гораздо дороже, чем солдаты и офицеры в

⁴⁴ Schmidt F. Der Wehrmann des XX Jahrhunderts. Berlin: Eisenschmidt, 1928.

⁴⁵ Lehmann-Rußbüldt O. Die Reichswehr. Gedanken eine Zivilisten. Berlin: Verl. der Scholle, 1930.

других европейских странах, в частности, в Великобритании, Франции и соседней Австрии.

Основными темами публицистических работ эпохи Третьего рейха, наряду с традиционным восхвалением военных добродетелей, были связь между вермахтом и НСДАП, обоснование единства армии с народом и государством, утверждение культа Адольфа Гитлера в войсках.

Автором ряда работ, пропагандирующих ценности нового вермахта, был майор Герман Фёрч, активно занимавшийся продвижением национал-социалистической идеологии в армии. Его брошюра «Азбука воинского долга»⁴⁶ («Wehrpflicht-Fibel») содержит выдержки из военного законодательства, информационные статьи, традиционные морально-этические наставления. Формат издания предполагает, что данная брошюра служила одним из первых печатных средств информационного обеспечения новой массовой армии Третьего рейха. Аналогичной с точки зрения концептуального наполнения является другая работа Фёрча – «Вермахт в национал-социалистическом государстве», вышедшая в 1935 г.⁴⁷ В ней утверждается народный характер новой германской армии, теперь основанной на принципе всеобщей воинской повинности, признается решающее значение национал-социалистической идеологии и безусловный авторитет фюрера и рейхсканцлера Адольфа Гитлера.

Схожие тезисы содержит сборник работ «Вермахт и партия», изданный в Лейпциге Рихардом Донневертом⁴⁸. Материалы сборника посвящены взаимоотношениям вермахта с партией, политикой, обществом, различными организациями НСДАП (Гитлерюгенд, Имперская трудовая служба), экономическим подробностям и т.д. и в своей совокупности являются своего рода отчетом о том, чего достиг вермахт на четвертом году своего

⁴⁶ Förtsch H. Wehrpflicht-Fibel. Berlin: Verl. Offene Worte, 1935.

⁴⁷ Förtsch H. Die Wehrmacht im nationalsozialistische Staat. Hamburg: Broschek, 1935.

⁴⁸ Wehrmacht und Partei. Hrsg. von Donnevert R. Leipzig: Barth, 1939.

существования⁴⁹. Так, в статье «Офицер как воспитатель в Третьем рейхе» автор, майор авиации, полемизирует с работой «Офицер как воспитатель нации» 1888 г., исходя из новых исторических условий. Он не соглашается с тезисом об аполитичности офицерского корпуса, мотивируя это тем, что национал-социалистическое государство построено на основе народного волеизъявления и любая государственная (т.е. политическая) инициатива является выражением народных устремлений, отстаивать и защищать которые и есть задача офицера. Воспитывать же население офицеру стоит исключительно в духе национал-социализма.

Необходимость рассмотрения вопроса морального кодекса германского офицера в широком историческом контексте обуславливает использование источников, имеющих более общий характер, однако позволяющих внести существенные штрихи в картину духовного климата эпохи. В связи с этим целесообразным является эпизодическое обращение к трудам офицеров кайзеровского периода – Кольмара фон дер Гольца⁵⁰ и Фридриха фон Бернхарди⁵¹, которые в значительной степени были выразителями геополитических устремлений всего офицерского корпуса. В своих работах данные авторы пытались построить собственные концепции, которые помогли бы Германской империи занять господствующее положение во всем мире. Оба они пытаются наметить направления главных ударов для достижения мирового господства и не видят иного пути к его достижению, кроме войны. Разница между этими авторами заключается лишь в том, какая страна является первой целью Германии (хотя в том, что потенциально таких страны три – Англия, Франция и Россия – они сходятся) и каким образом лучше начать новую войну.

⁴⁹ Примечательно, что автором статьи «Политика и вермахт» является вице-адмирал Канарис, который в дальнейшем будет помещен в концлагерь за сотрудничество с заговорщиками против Гитлера.

⁵⁰ Goltz C. v. Das Volk in Waffen. Berlin: V. Decker, 1883.

⁵¹ Bernhardt F. v. Deutschland und der nächste Krieg. Stuttgart-Berlin: Cotta, 1912.

Важной группой источников для нашей работы является специализированная военная пресса времен Веймарской республики и Третьего рейха.

Издание «Военный еженедельник» (*Militärwochenblatt*) являлось крупнейшим и старейшим военно-аналитическим журналом Германии в рассматриваемый нами период. Оно было основано начальником военно-исторического отдела прусского Генерального штаба полковником Рюле фон Лилиенштерном и выходило с 1816 по 1942 гг. Издание содержало материалы, посвященные различным аспектам военного строительства Германии и других стран мира, теории военного искусства, стратегии и тактики, исторические заметки, информацию об актуальных событиях. Авторами статей в основном являлись военнослужащие в отставке или еще находящиеся на активной службе. В работе использованы выпуски издания периода 1918-1939 гг.

Отдельный печатный орган имело крупнейшее объединение офицеров германской армии – Немецкий офицерский союз. Одноименная газета (с 1934 г. название было изменено на «Государственный союз немецких офицеров»⁵²), выходившая с 1921 по 1944 гг., так же носила аналитический характер. Большинство материалов было посвящено военно-техническим вопросам, организации военного дела в Германии и за её пределами, повседневным вопросам офицерской жизни. Авторами статей являлись отставные офицеры, главным редактором был председатель Союза офицеров граф фон дер Гольц. В работе использованы выпуски 1933-1939 гг.

Большое количество аналитических материалов представлено в «Ежегоднике германских вооруженных сил»⁵³, начавшем выходить после создания вермахта в 1935 г. Для нашего исследования главный интерес представляют статьи, посвященные вопросу места и роли новых вооруженных сил в национал-социалистическом государстве. Как правило,

⁵² Прежнее название *Deutscher Offizier-Bund* было заменено на *Reichsverband Deutscher Offiziere*.

⁵³ *Jahrbuch des deutschen Heeres*. Leipzig. 1937-1939.

они оперируют схожим набором тезисов, центральными из которых являются представления о народном характере национал-социалистического государства и НСДАП в противовес внутривластной картине Веймарской республики. В работе использованы ежегодники за 1937, 1938 и 1939 гг.

Важным источником данной работы являются мемуары генералов и офицеров германских вооруженных сил. Что касается армии периода национал-социализма, то после Второй мировой войны и свертывания процесса денацификации стали появляться первые воспоминания бывших генералов вермахта. Их череду открывала небольшая автобиографическая книга Франца Гальдера «Гитлер как полководец»⁵⁴, изданная в 1949 г., где бывший начальник штаба ОКХ (1938 – 1942 гг.) описывает свою работу рядом с фюрером Третьего рейха и приводит собственные оценочные суждения относительно полководческих талантов Гитлера и отдельных реалий нацистской Германии. Во многом именно эта работа задала набор тезисов, в том или ином виде повторяющихся и в других мемуарах гитлеровских военачальников. Главный из них состоит в том, что поражение Третьего рейха во Второй мировой войне обусловлено недалекими и дилетантскими действиями Гитлера вместе с партийными функционерами. Офицерский корпус предстает в качестве скованного присягой инструмента военной политики, свободного от идеологии и преступлений национал-социалистического режима. Главный мотив и цель мемуаров гитлеровских военных деятелей – оправдание себя и офицерского корпуса. В дальнейшем именно это породит легенду о «чистом вермахте», не принимавшем участие в реализации расовой доктрины и других преступлениях нацистского режима. Решение Нюрнбергского процесса о непризнании вермахта преступной

⁵⁴ Halder F. Hitler als Feldherr. München: Münchener Dom-Verl., 1949.

организацией добавляло этой легенде правовую основу. Всё это необходимо учитывать, читая мемуары германских военачальников⁵⁵.

В отдельную группу можно выделить воспоминания офицеров, оказавшихся в советском плену, работавших в комитете «Свободная Германия» или служивших впоследствии в армии ГДР⁵⁶. В них определяющими являются другие идеологизированные тенденции – подчеркивание националистических настроений в рейхсвере и вермахте, реваншистского и милитаристского духа Веймарской республики и Третьего рейха, тесной связи военной верхушки с НСДАП и СС. Однако вместе с тем они обладают богатым фактическим материалом, который становится особенно ценным и показательным при сравнении с мемуарной литературой, вышедшей в ФРГ.

Кроме воспоминаний генералов Третьего рейха в нашем исследовании используются мемуары военных деятелей и донацистского периода.

Мемуары Эриха Людендорфа⁵⁷ описывают жизнь и деятельность знаменитого генерала в годы Первой мировой войны. Несмотря на то, что военные годы выходят за хронологические рамки нашей работы, воспоминания Людендорфа, основанные в значительной степени на документах личного архива военачальника, содержат его размышления о предпосылках поражения Германии в войне 1914-1918 гг. и революционных событий ноября 1918 г. Так, он категорически отрицает деформацию офицерского кодекса чести в последние месяцы войны, и, на основании впечатлений от собственных инспекционных поездок, относит все сведения о якобы недопустимо роскошной жизни офицеров к беспочвенным слухам. В

⁵⁵ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 2004; Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933-1947. М.: Центрполиграф, 2003; Редер Э. Гросс-адмирал. М.: Центрполиграф, 2004; Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: Русич, 2004; Манштейн Э. фон. Из жизни солдата. Ростов н/Д: Феникс, 2000; Варлимонт В. В ставке Гитлера. М.: Центрполиграф, 2005; Хольтиц Д. фон. Солдатский долг. Воспоминания генерала вермахта о войне на западе и востоке Европы. 1939-1945. М.: Центрполиграф, 2015; Faber M. v. Macht und Ohnmacht: Erinnerungen eines alten Offiziers. Stuttgart: Günther, 1953.

⁵⁶ Мюллер В. Я нашел подлинную Родину. М.: Вече, 2010; Винцер Б. Солдат трех армий. М.: Прогресс, 1971; Петерсхаген Р. Мятажная совесть. М.: Вече, 2010.

⁵⁷ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Мн.: Астрель, 2005.

целом Людендорф как один из самых последовательных сторонников «легенды об ударе кинжалом в спину» изображает кайзеровскую армию как идеальный военный механизм, сокрушенный не на поле боя, а политиками и вражескими агитаторами-пропагандистами в тылу.

Мемуары фельдмаршала и второго президента Веймарской республики Пауля фон Гинденбурга⁵⁸ посвящены, главным образом, событиям Первой мировой войны. Интерес для нашего исследования представляют, прежде всего, описания событий последних дней войны и заключения Компьенского перемирия, размышления автора на общие вопросы, связанные с армией и офицерским корпусом. В отличие от мемуаров Людендорфа, Гинденбург стремится избегать резких суждений относительно причин поражения в войне и скорее просто обозначает трагизм положения Германии в мире после 1918 г.

Мемуары генерала Вильгельма Грёнера⁵⁹ дают объемную картину обстоятельств заключения «пакта Эберта-Грёнера» 1918 г. между военными и гражданскими органами управления, обеспечившего основы существования Веймарской республики в первые годы после её провозглашения. В своих воспоминаниях Грёнер однозначно позиционирует себя в качестве инициатора и ведущей стороны «Пакта», идущего на непростое соглашение с недавними политическими оппонентами во имя интересов всей Германии.

На стыке мемуарной литературы и публицистики написаны мемуары генерала Рюдигера фон дер Гольца о его деятельности в годы Первой мировой войны и нестабильности на восточных границах Германии сразу после её завершения⁶⁰. Первое издание книги вышло в 1920 г.⁶¹ и отражало крайне эмоциональное отношение генерала к реалиям революционной Германии 1918-1919 гг. «Легенда об ударе кинжалом в спину»

⁵⁸ Гинденбург П. Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922.

⁵⁹ Gröner W. Lebenserinnerungen. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1972.

⁶⁰ Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб.: Издание Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

⁶¹ Goltz R. von der. Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig: Koehler, 1920.

подтверждается у автора описанием деструктивной деятельности солдатских советов, подрывающих дисциплину и боеспособность войск и нежелающих сражаться с Германию в тяжелое для неё время.

Аналогичным образом написаны мемуары генерала Людвига Меркера⁶², в которых он рассказывает о своей деятельности в первые годы после окончания Первой мировой войны. Как и фон дер Гольц, генерал активно критикует солдатские советы, однако гораздо больше места уделено описанию формирования отрядов фрайкора, в котором Меркер принимал непосредственное руководящее участие. Добровольческие отряды, обычно критикуемые современниками за плохую управляемость и непредсказуемость, предстают здесь в качестве эффективного для своего времени решения, благодаря которому удалось стабилизировать положение на восточных рубежах Германии и внутри страны в целом.

Воспоминания военного министра Отто Гёсслера⁶³, человека, никак не связанного с армией до начала своей министерской карьеры, тем не менее, целесообразно отнести к группе мемуаров военных лиц. Автор описывает формирование военной политики Веймарской республики, отдельные аспекты строительства и существования республиканского рейхсвера, взаимодействие военного министерства с другими органами власти Германии, в первую очередь, с рейхстагом. Особый интерес представляют размышления Гёсслера о характере работы с Гансом фон Сектом, которая, несмотря на очевидное единство целей двух государственных деятелей, была, по мнению автора, сопряжена со значительными трудностями из-за непростого характера командующего рейхсвером, склонного к единоличному принятию решений.

Значительный интерес для нашего исследования в части, касающейся общественного статуса офицерского корпуса, представляют мемуары представителей власти и управления, непосредственно не связанных с

⁶² Maercker G. Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Leipzig: Verlag von K.F. Koehler, 1921.

⁶³ Gessler O. Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart. 1958.

вооруженными силами. В первую очередь это касается мемуарной литературы политической элиты гитлеровской Германии. Воспоминания Альберта Шпеера⁶⁴, Франца фон Папена⁶⁵, Яльмара Шахта⁶⁶, Иоахима фон Риббентропа⁶⁷ и др. позволяют получить сведения о механизмах работы государственной машины Третьего рейха (частично – Веймарской республики), внутривластной обстановке, аппаратной борьбе внутри нацистской партии и государства.

Напрямую к мемуарной литературе гитлеровских высших функционеров примыкают дневниковые записи министра пропаганды Третьего рейха Йозефа Геббельса, которые велись им практически ежедневно с начала 1920-х гг. В настоящей работе использована первая часть мюнхенского издания дневников, которая содержит записи с 1923 г. до нападения Германии на СССР в 1941 г.⁶⁸ В дневниках Йозефа Геббельса можно найти авторскую фиксацию и аналитику по целому ряду сюжетов, связанных с руководством германскими вооруженными силами: реакция на приход нацистов к власти в январе 1933 г., форсированное развертывание массовой армии, «кризис Бломберга-Фрича» 1938 г. и др. Присутствует авторская и иногда весьма тенденциозная характеристика отдельных представителей генералитета. Характер дневниковых записей выявляет противоречивое отношение Геббельса как представителя нацистской партии к военным. С одной стороны, очевидно его почтительное уважение к офицерскому мундиру и всему военному сословию как значимой части немецкого общества. С другой – Геббельс не видит в них, за редкими исключениями, надежных союзников, абсолютно лояльную режиму группу людей. Даже после вполне дружелюбных приемов со стороны военных,

⁶⁴ Шпеер А. Воспоминания. М.: «Захаров», 2010.

⁶⁵ Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933 – 1947. М.: Центрполиграф, 2005.

⁶⁶ Шахт Я. Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923 – 1948. М.: Центрполиграф, 2011.

⁶⁷ Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М.: Мысль, 1996.

⁶⁸ Die Tagebücher von Joseph Göbbels. hrsg. von Fröhlich E. Teil. I, 1923-1941. Bd. 1-3. München: K. G. Saur, 2006.

министр пропаганды не забывает отмечать, например, монархические настроения, которым не могло быть места в государстве фюрера. Такое сложное отношение Йозефа Геббельса к германскому офицерскому корпусу является удачным типическим примером, характеризующим особенности взаимоотношений между НСДАП и вермахтом до начала Второй мировой войны.

С учетом определяющего значения национал-социалистической идеологии для жизни всех граждан Третьего рейха представляется необходимым привлечь к исследованию основополагающие работы нацистских руководителей, призванные раскрыть смысловую сущность движения НСДАП. Это печально известная книга Адольфа Гитлера «Моя борьба»⁶⁹, работа нацистского идеолога Альфреда Розенберга «Миф XX века»⁷⁰, отдельные труды по различным аспектам национал-социалистического мировоззрения⁷¹.

В качестве особого по характеру и, во многом, уникального источника стоит выделить работу психолога Густава Гильберта «Нюрнбергский дневник»⁷², которая представляет собой совокупность наблюдений автора за подсудимыми на Нюрнбергском процессе вместе с его расширенными комментариями как специалиста в области психологии. Для нашего исследования основной интерес представляют записи, посвященные военной верхушке Третьего рейха: Вильгельму Кейтелю и Альфреду Йодлю. В своей работе Гильберт приводит диалоги между подсудимыми, собственные беседы с ними с глазу на глаз, оценки их поведения во время заседаний трибунала. По мнению психолога, Кейтель и Йодль прошли в ходе процесса определенную моральную трансформацию, главным образом под воздействием доказательств и свидетельств практической стороны расовой политики нацистов. При этом каждый из них остался, в своём понимании,

⁶⁹ Гитлер А. Моя борьба. Каунас: Т-ОКО, 1992.

⁷⁰ Розенберг А. Миф XX века. Таллин: Syildex, 1998.

⁷¹ Buch W. Des nationalsozialistischen Menschen Ehre und Ehrenschatz. München: Eher, 1939; Usadel G. Grundlagen einer nationalsozialistischen Ethik. Hamburg: Hanseatische Verl.-Anst., 1935.

⁷² Гильберт Г. Нюрнбергский дневник. Смоленск: Русич, 2004.

верен воинской присяге и виновен лишь постольку, поскольку являлся лишенным самостоятельности орудием Адольфа Гитлера. Позднее эти тезисы будут в той или иной форме встречаться в воспоминаниях гитлеровских генералов и поспособствуют формированию легенды о «чистом вермахте».

Представляется, что выбранный для нашего исследования комплекс источников адекватен целям и задачам работы, позволяет проанализировать заявленную проблематику с разных сторон и в необходимом историческом контексте.

Обзор литературы

Вооруженные силы Германии и офицерский корпус сравнительно часто становились объектом изучения специалистов как в самой Германии, так за её пределами. Феномен особой роли армии в жизни государства и общества, восходящий еще к королевству Пруссия, сам по себе всегда вызывал интерес у современников. После окончания Второй мировой войны, ознаменовавшего принципиально новую страницу в истории Германии, «пруссский милитаризм» канул в лету вместе с самой Пруссией, исчезнувшей с послевоенной карты мира. Сложились условия для нового взгляда на историю германской армии как целостный процесс.

Нюрнбергский международный суд 1945-1946 гг. предъявил доказательства преступлений вермахта против мирного населения в ходе Второй мировой войны, что указывало на его связь с нацистским руководством, идеологическое единство с НСДАП. Однако сторона защиты избрала до некоторой степени успешную тактику оправдания своих обвиняемых – фельдмаршала Вильгельма Кейтеля и генерала Альфреда Йодля, вермахта и Генерального штаба – за счет апелляции к естественному для военной среды принципу подчинения приказам. Несмотря на то, что трибунал вынес этим обвиняемым приговор в виде смертной казни через повешение, Генеральный штаб германской армии, как и вермахт в целом, не были признаны преступными организациями⁷³. Таким образом, была заложена правовая основа для т.н. легенды о «чистом вермахте», якобы никак не связанным со всей совокупностью преступлений нацистского режима. Очевидная дискуссионность, двойственность положения, при котором преступления конкретных представителей генералитета карались, а сами организационные структуры признавались невиновными, не могла не создать широкое пространство для споров – не только юридических, но и исторических. Логично, что изучение германского офицерского корпуса

⁷³ В 1950-е гг. состоялся повторный судебный процесс, реабилитировавший генерала Альфреда Йодля, однако под давлением общественности его решение было отменено.

сопровождалось определенным движением назад по хронологической шкале – стремясь понять причины, которые привели немецкую армию к краху 1945 г., исследователи с каждым разом стремились заглянуть всё дальше в их поисках, хотя центр научного интереса однозначно находился именно в пределах эпохи нацизма.

Важным импульсом к изучению немецкой армии историками стали первые публикации воспоминаний генералов вермахта, увидевшие свет почти сразу после образования ФРГ. Новая германская республика оказалась перед необходимостью выработать свое отношение к недавнему нацистскому прошлому, одновременно дистанцируясь от него на безопасное расстояние. Бывшие офицеры и генералы вермахта выступали здесь авторитетными голосами, легко узнаваемыми как миллионами простых немцев, так и иностранной аудиторией. Как уже было указано выше, первой мемуарной работой представителей генералитета стала книга Франца Гальдера «Гитлер как полководец», вышедшая в 1949 г.⁷⁴ Она задавала набор тезисов, которые окончательно оформили противоречивую доказательную базу легенды о «чистом вермахте». В соответствии с ней, вермахт на протяжении всего гитлеровского правления оставался аполитичной силой, «всего лишь солдатами», которые воевали с таким же вооруженным противником. Военные преступления относили к деятельности СС или оккупационной гражданской администрации. В более широком смысле читателю рисовался образ армии как института, сохранявшего по крайней мере со времен Фридриха Великого внутреннюю замкнутость, позволявшую военным абстрагироваться от политической жизни Германии.

Данный небесспорный набор тезисов предсказуемо вызвал всплеск исследовательского интереса к германской армии и её офицерскому корпусу, который, в свою очередь, выводил ход научной мысли в проблемное поле взаимосвязи вооруженных сил и нацизма. С одной стороны, умозаключения бывших генералов Третьего рейха с готовностью подхватили многие

⁷⁴ Halder F. Hitler als Feldherr. München: Münchener Dom-Verl, 1949.

западногерманские историки консервативного направления, воспроизводя в своих исследованиях легенду о «чистом вермахте» и стремясь показать всех офицеров как «рыцарей без упрека», чуть ли не безразличных к национал-социалистической идеологии. С другой стороны, у данного исследовательского тренда быстро нашлись оппоненты, как среди историков стран бывшей антигитлеровской коалиции (в первую очередь, из СССР, Великобритании и США), так и внутри самой Германии, в ФРГ и ГДР. В целом, период 1950-1960-х гг. ознаменовался появлением первых обобщающих работ по истории германской армии, в которых предпринимались попытки проследить её развитие со времен королевства Пруссии до Третьего рейха.

Так, в 1950 г. в Западной Германии вышла книга авторитетного немецкого военного историка Вальтера Гёрлица, посвященная истории Генерального штаба германской армии как средоточия интеллектуальной силы офицерского корпуса, «элите элит»⁷⁵. В целом автор характеризует данный институт как обладающий значительной самостоятельностью на протяжении всего времени своего существования. Значительное место в работе уделяется деятельности заговорщиков-оппозиционеров из офицерской среды, в том числе и в период до начала Второй мировой войны. Такая диспропорция в описании деятельности ряда офицеров Генерального штаба, направленной против Гитлера, закономерно приводит к тому, что Генштаб представляется чуть ли не изначально оппозиционно настроенным по отношению к нацистам и их планам. Всю ответственность за совместную с Гитлером работу Гёрлиц возлагает на наиболее одиозных про-нацистских представителей генералитета: Вильгельма Кейтеля, Альфреда Йодля, Вальтера фон Рейхенау и др. При этом автором дается действительно объемное представление о трёхвековой истории Генерального штаба

⁷⁵ Görlich W. Der deutsche Generalstab: Geschichte und Gestalt. 1657 – 1945. Frankfurt am Main: Verl. Frankfurter Hefte, 1950; На русс. языке: Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М.: Центрополиграф, 2005. В. Гёрлиц начал исследовательскую карьеру в 1936 г. В 1939 г. вышла его первая монография, посвященная биографии Б. Муссолини: Görlich W. Sendung und Macht: Mussolini. Geschichte eines Lebens. Leipzig: Quelle & Meyer, 1939.

германской армии, что положительно выделяет данную работу из массы книг, так или иначе формирующих представление о «чистом вермахте»⁷⁶.

Спустя некоторое время у Гёрлица нашлись авторитетные оппоненты. В 1954 г. вышел фундаментальный труд английского историка Джона Уиллера-Беннета «Немезида власти. Немецкая армия в политике, 1918—1945»⁷⁷. В ней автор уделяет много места политическим взглядам офицеров рейхсвера, доказывая, что военные не приложили никаких усилий в кризисные для Веймарской республики дни, чтобы предотвратить приход Гитлера к власти. Аналогичные тезисы с опорой на богатый документальный материал излагает немецкий историк Тило Фогельзанг, сконцентрировавший хронологически своё исследование на последних годах республики⁷⁸, и Гордон Крейг, наоборот, дающий картину политических взглядов офицеров в широком хронологическом промежутке начиная с XVII века⁷⁹.

С данной критикой были солидарны и авторы общих работ по немецкой истории. В известном исследовании Карла-Дитриха Брахера, посвящённом Веймарской республике и её кризису⁸⁰, генералитет рейхсвера прямо связывается с политическими силами, обеспечившими приход Гитлера к власти: консервативными кругами, крупными промышленниками, камарильей вокруг рейхспрезидента Гинденбурга. Высшее офицерство выступало как один из полноценных участников процессов, происходивших на закате «первой немецкой демократии», и немало поспособствовало её бесславному падению. В известной и во многом показательной работе журналиста и историка Уильяма Ширера «Взлёт и падение Третьего рейха»⁸¹, написанной на стыке научного и научно-популярного жанра, военные также признаются одними из основных виновников слабости Веймарской

⁷⁶ Haarp. Herzfeld H. Das Problem des deutschen Heeres, 1919-1945. Laupheim: Steiner, 1952.

⁷⁷ Wheeler-Bennet J.W. Die Nemesis der Macht. Die deutsche Armee in der Politik, 1918-1945. Düsseldorf: Droste, 1954.

⁷⁸ Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beiträge zur deutschen Geschichte. 1930-1932. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1962.

⁷⁹ Craig G. The politics of the Prussian army: 1640 – 1945. Oxford: Clarendon Press, 1955.

⁸⁰ Bracher K-D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Berlin. 1971.

⁸¹ Shirer W. The Rise and Fall of the Third Reich. New York: Simon & Schuster, 1960; На русс. яз.: Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2-х тт. М.: Военное издательство, 1991.

республики, распространенности в ней реваншистских настроений, предопределивших симпатии армии и населения к нацистам.

Однако в целом критика легенды о «чистом вермахте» оставалась в период 1950-1960-х гг. ограниченной. Рейхсвер убедительно обвинялся в непротивлении нацистам в дни захвата ими власти, но с этим могли согласиться и сами сторонники «легенды», ссылаясь на традиционную аполитичность офицерского корпуса, нежелание и фактический запрет заниматься политикой. Симпатии офицеров к партии Гитлера представлялись в первую очередь следствием неприятия Версальского договора и республики, т.е. не имели за собой позитивной мотивации. Политическая деятельность таких генералов как Курт фон Шлейхер или Фердинанд фон Бредов могла рассматриваться в отрыве от позиций остального офицерского корпуса. Свидетельства о военных преступлениях вермахта еще не обрели системность и могли при желании трактоваться как перегибы на местах.

Принципиальный поворот историков ФРГ в подходах к оценке армии и офицерского корпуса в Германии в период Веймарской республики и Третьего рейха произошел в конце 1960-х гг. К этому времени в распоряжении исследователей оказались многочисленные источники: воспоминания представителей офицерского корпуса, опубликованные документы, новые архивные данные и др., которые позволяли по-новому взглянуть на основной комплекс проблем вокруг немецкой армии. Сформировался и сам запрос на поиск новых подходов в исторической науке, недвусмысленно обозначенный на Фрейбургском конгрессе историков в 1967 г., участники которого признали несостоятельность историзма в его старых формах.

Кроме того, выход в свет в 1961 г. работы историка Фрица Фишера «Рывок к мировому господству»⁸², в которой автор выдвигал тезис о преемственности исторического пути Германии от кайзеровских времен до Третьего рейха, тем самым признавая национал-социализм закономерной его

⁸² Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf: Droste, 1961.

частью, вызвал значительный резонанс в исследовательском сообществе, актуализировав дискуссии между консервативными историками, склонными считать нацизм явлением, не имеющим корней внутри Германии, и сторонниками новых критических подходов⁸³. Так, в жесткую оппозицию Ф. Фишеру вступил авторитетный немецкий историк консервативного направления Герхард Риттер. Он отрицал само понятие особого «германского» милитаризма, ставшего, по мнению Фишера, прологом к установлению национал-социалистической диктатуры, и настаивал на том, что ни «тихая диктатура» Гинденбурга-Людендорфа, обозначавшая апогей власти военных, ни приход Гитлера к власти не были закономерными этапами германской истории, наоборот, он считал эти события значительным отклонением от немецкой военно-политической традиции⁸⁴.

Наконец, вступившее в сознательный возраст первое послевоенное поколение молодых немцев с характерным юношеским максимализмом ставило условному «поколению отцов» острые и неудобные вопросы об их жизни в Третьем рейхе. Развитие молодежного движения в 1960-е гг. в ФРГ не обошло своим вниманием и проблему нацистского прошлого. Послевоенная денацификация казалась теперь слишком мягкой и избирательной и, следовательно, требующей повторения. Таким образом, проблема нацизма, его истоков, становления и развития приобрела острую полемичность и актуальность. Разумеется, в сложившейся ситуации историки не могли обойти вниманием германскую армию, являвшуюся важнейшей частью гитлеровского государства и всей немецкой истории последних трех веков.

На первый план выступила проблема нацификации вооруженных сил, внедрения национал-социалистической идеологии в офицерский корпус. На место исследований, анализирующих, прежде всего, взаимоотношения

⁸³ Пик дискуссий пришелся на Съезд историков в Западном Берлине в 1964 г. и Венский конгресс историков в 1965 г.

⁸⁴ Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk: Das Problem des "Militarismus" in Deutschland. In 4 Bd. München: Oldenbourg, 1954-1968.

генералитета и политического руководства, пришли работы, обращающие свое внимание в том числе и на младший офицерский состав. Офицерский корпус постепенно переставал считаться «вещью в себе», его мотивацию стали соотносить с широким историческим контекстом эпохи. За нарочито обобщающими названиями новых работ, тем не менее, скрывалась принципиально иная исследовательская проблематика.

В 1969 г. вышла работа немецкого историка Манфреда Мессершмидта «Вермахт в национал-социалистическом государстве. Время идеологизации»⁸⁵. В ней на основании широкой источниковой базы последовательно рассматривается процесс насаждения национал-социалистической идеологии среди офицерского корпуса и вооруженных сил. При этом сам генералитет предстает в работе не в качестве молчаливой отстраненной силы, но непосредственного участника интриг и переговоров, обеспечивших назначение Гитлера рейхсканцлером.

Другой не менее важной работой на этапе переосмысления подходов к изучению германской армии стала монография «Вооруженные силы и Гитлер»⁸⁶ историка Карла-Юргена Мюллера, вышедшая в Штуттгарте в том же году, что и работа Манфреда Мессершмидта. В ней автор рассматривает проблему инкорпорации армии в государство и общество Третьего рейха через призму тезиса о модернизационной составляющей гитлеровского режима. Форсированное развитие вермахта, военной промышленности, кардинальные перемены во всем немецком обществе ставили перед офицерским корпусом объективную задачу органично встроиться в новый режим. При том, что на уровне политической риторики место армии в соответствии с «концепцией двух опор» было определено предельно четко, фактически вермахт стал всего лишь одним из инструментов для решения военных задач, утратив прежнюю привилегированную роль «оруженосцев нации». Офицеры были воодушевлены впечатляющими возможностями

⁸⁵ Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. Die Zeit der Indoktrination. Hamburg: Decker's Verl, 1969.

⁸⁶ Müller K.-J. Das Heer und Hitler. Stuttgart: Dt. Verl, 1969.

нового вермахта, контрастирующими с урезанным рейхсвером, констатирует автор. Однако они слишком поздно заметили (или стремились не замечать вовсе), что вместе с новыми танками и самолетами в армию пришла и национал-социалистическая идеология, абсолютно нетерпимая к любым сомнениям и альтернативным мнениям по отношению к себе. Старые традиции офицерского корпуса оказались бессильны противопоставить что-либо агрессивной нацификации вермахта и его офицерского корпуса.

Важное значение работ Манфреда Мессершмидта и Карла Мюллера состоит и в том, что, обосновывая свои тезисы, оба исследователя опирались не только на формализованные источники и факты, но и стремились найти в мировоззрении германского офицера те элементы, которые коррелировали с национал-социалистической идеологией или, наоборот, резко отличались от неё. Заметно выросло внимание к психологическому измерению проблемы. Именно Манфреду Мессершмидту принадлежит авторство концепции «частичной идентичности целей» офицерского корпуса и НСДАП, что позволило значительной части генералитета сблизиться с нацистами в начале 1930-х гг. и обеспечить удобную для Гитлера позицию «благожелательного нейтралитета» рейхсвера в январе 1933 г. Данное обстоятельство облегчило нацистам процесс относительно быстрой нацификации рейхсвера-вермахта за счет апелляции к традиционным солдатским добродетелям, чувству фронтового товарищества, принципу «фюрерства» как производному от подчинения боевому командиру. Важную роль играли здесь и схожесть политических воззрений – бескомпромиссное неприятие Версальского договора, желание вернуть потерянные земли на Востоке (Польша) и Западе (Эльзас, Лотарингия), расширить сферу влияния Германии в Европе и мире.

Работы Манфреда Мессершмидта и Клауса-Юргена Мюллера задали набор тезисов, в той или иной форме воспроизводимый всей западной историографией 1970-1980-х гг. Англо-американские историки с готовностью подхватили у немецких коллег концепцию «частичной идентичности целей» и стремились подчеркнуть в своих работах пагубность

антидемократических традиций офицерского корпуса для истории Германии в первой половине XX века. Здесь следует положительно выделить работы британского историка Мартина Китчена, выпустившего ряд монографий, значительное место в которых уделяется мировоззрению германского офицерского корпуса, его идеологическому портрету и тому, как он взаимодействовал с национал-социалистической идеологией⁸⁷. Подробно исследовались механизмы нацификации вермахта, насаждения нацизма в вооруженных силах⁸⁸.

Наравне с исследованиями, рассматривавшими проблему армии и офицерского корпуса в Германии через призму их взаимоотношений с национал-социалистическим режимом, наконец-то появилось и некоторое число работ, представляющих историю германских вооруженных сил в более широком контексте истории Германии. В 1960 г. вышло исследование Рудольфа Абсолона, посвященное трансформации военного законодательства в Германии с XIX в. до эпохи Третьего рейха⁸⁹. Социальному портрету германского офицерского корпуса и его изменениям в XX веке уделил внимание Детлеф Бальд⁹⁰. При этом стали выходить и работы, посвященные отдельным аспектам и сюжетам истории германской армии. Так, ряда специальных исследований удостоился сюжет «кризиса Бломберга-Фрича» 1938 г., через призму которого раскрывался механизм взаимодействия НСДАП и вермахта⁹¹.

С точки зрения вопросов изучения морально-психологического состояния германского офицерского корпуса следует положительно

⁸⁷ Kitchen M. The German Officer Corps. 1890-1914. Oxford: Clarendon Press, 1968; Kitchen M. A Military History of Germany from the eighteenth century to the present day. London: Weidenfeld and Nicolson, 1975.

⁸⁸ Cooper M. The German Army 1933-1945. Its Political and Military Failure. London: Macdonald & Jane's, 1978; Seaton A. The German Army. 1933-45. London: Weidenfeld & Nicolson, 1982; Zöpf A. Wehrmacht zwischen Tradition und Ideologie. Der NS-Führungsoffizier im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt am Main: Lang, 1988; Lau T. Normenwandel der deutschen militärischen Elite seit 1918. Frankfurt am Main: Lang, 1988.

⁸⁹ Absolon R. Wehrgesetz und Wehrdienst. 1935-1945. Das Personalwesen in der Wehrmacht. Boppard am Rhein: Boldt, 1960.

⁹⁰ Bald D. Der deutsche Offizier. Sozial- und Bildungsgeschichte des deutschen Offizierkorps im 20. Jahrhundert. München: Bernard & Graefe, 1982.

⁹¹ Foertsch H. Schuld und Verhängnis: die Fritsch-Krise im Frühjahr 1938 als Wendepunkt in der Geschichte der nationalsozialistischen Zeit. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1951; Deutsch H. Hitler and his generals. The hidden Crisis, January-June 1938. Minneapolis: University of Minnesota, 1974.

выделить основополагающую работу Карла Деметра⁹², в которой автор пытается рассмотреть немецких офицеров через различные морально-этические категории, такие как понятие о чести, долге, справедливости и т.п. Фактически это было первое исследование такого рода, к сожалению, явно недостаточного объёма для столь глубокой темы. Ощущается в нем и недостаток источникового материала, особенно в главах, посвященных рейхсверу и вермахту, так как первое издание работы вышло еще до широкого ввода в научный оборот документов этого времени⁹³. Тем не менее, дефицит документов за 1918-1945 гг. не мешает автору сделать обоснованный вывод о значительной деформации традиционного кодекса чести германского офицера под всеохватным влиянием национал-социалистической идеологии. Кроме исследования Деметра можно также отметить работу Ганса Дрифтмана об образовательно-воспитательной системе германской армии в 1871-1939 гг.⁹⁴. Автор анализирует образовательные программы в германских военных училищах и демонстрирует, как система морально-этических ценностей воспроизводила себя в каждом новом поколении офицеров в том числе и через тематику лекций и других занятий.

После распада СССР и открытия доступа к советским архивам для историков из ФРГ стали появляться исследования вокруг советско-германского военного сотрудничества 1921-1933 гг. Здесь следует выделить работы Манфреда Цайдлера⁹⁵, в которых автор обращается не только к практическим аспектам сотрудничества (организация учебных центров рейхсвера на территории СССР, обмен делегациями и др.), но и к проблеме восприятия германскими офицерами РККА и СССР. По мнению Цайдлера, в

⁹² Demeter K. Das deutsche Offizierkorps in Gesellschaft und Staat 1650 – 1945. Frankfurt am Main: Bernard & Graefe, 1962. На рус. яз.: Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650-1945. М.: Центрполиграф, 2007.

⁹³ Изначально книга планировалась к изданию в 1939 г.

⁹⁴ Driftmann H. Grundzüge des militärischen Erziehungs- und Bildungswesens in der Zeit 1871-1939. Regensburg: Walhalla und Praetoria, 1980.

⁹⁵ Zeidler M. Reichswehr und Rote Armee 1920-1933: Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. München: Oldenbourg, 1993.

целом восприятие Красной Армии офицерами рейхсвера носило позитивный характер, чему способствовали интенсивность рабочих контактов и почти дружеские отношения между руководителями делегаций. После сворачивания военного сотрудничества в 1933 г. уровень информированности о Советском Союзе и его армии стремительно падал, постепенно уступая место пропагандистским категориям национал-социалистической идеологии⁹⁶.

Интересно заметить, что отдельные работы, посвященные исключительно истории рейхсвера в 1919-1933 гг., выходили в свет в значительной степени обособленно от научных дискуссий вокруг истории вермахта⁹⁷, т.е. интерес к проблеме взаимной ответственности армии и политического режима по-прежнему концентрировался на периоде национал-социализма. Но авторы этих исследований едины в оценке рейхсвера как чуждого для Веймарской республики организма за счет наличия внутри него мощного антидемократического потенциала. Впрочем, они же склонны возлагать большую ответственность на республиканских политиков, которые поспешили обратиться за помощью к консервативному генералитету в своей борьбе против леворадикальных революционных сил, тем самым сразу оказавшись в зависимости от него.

Очередным мощным импульсом к развенчанию легенды о «чистом вермахте» и стимулом острых общественных дискуссий стала передвижная выставка «Война на уничтожение. Преступления Вермахта в 1941-44 гг.», открытая в 1995 г. и посвященная действиям вермахта на Восточном фронте. Организатором её выступил профессор-историк Ханнес Геер из Гамбургского института социальных исследований. За четыре года (1995-1999 гг.) её смогли посетить жители 33-х городов Германии и Австрии. Значение этой выставки вышло далеко за пределы культурно-научной

⁹⁶ Zeidler M. Das Bild der Wehrmacht von Rußland und der Roten Armee zwischen 1933 und 1939 // Das Rußlandbild im dritten Reich. Hrsg. von Volkmann H.-E. Köln: Böhlau Verlag, 1994. S. 105-125.

⁹⁷ Carsten F. Reichswehr und Politik 1918-1933. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1965; Gordon H. The Reichswehr and the German Republic 1919-1926. London: Kennikat Press, 1972.

проблематики. Обилие фото- и видеоматериалов, новых документов ещё раз привлекло внимание общественности к высокому уровню нацификации вермахта, участвовавшего в карательных акциях против мирного населения не только и не столько по приказам партийных чиновников, но и демонстрируя самостоятельность, с инициативой на местах. Выставка имела широкий общественный резонанс, вызывая диаметрально противоположные эмоции у посетителей. Предсказуемо негативная реакция последовала со стороны правых общественно-политических сил ФРГ. В 1997 г. в центре Мюнхена прошла одна из самых крупных демонстраций, направленных против выставки - в ней приняли участие 5 тысяч человек. За 1999 г. было зарегистрировано четыре крупные демонстрации неонацистов в Саарбрюккене, Кёльне, Гамбурге, Бонне.

Впрочем, критика выставки имела под собой не только политическую основу. В 1997 г. польский историк Богдан Музиаль и его венгерский коллега Кристиан Унгвари установили, что некоторые фотографии якобы зафиксировали следы преступлений не гитлеровского вермахта, а сталинского НКВД. В частности, это касалось фотографий, сделанных в украинском городе Золочев в 1941 г., где солдаты вермахта были запечатлены рядом с множеством трупов местных жителей. По мнению критиков, тела принадлежат не расстрелянным солдатами вермахта евреям, как это указано в подписи к фотографии, а политическим заключенным местной тюрьмы, в спешке уничтоженным сотрудниками НКВД перед приходом немцев. И хотя дальнейшие научные изыскания доказали соответствие подписи фотоснимка его содержанию⁹⁸, ряд вопросов о надежности представленных на выставке источников продолжал вызывать критику в том числе и в авторитетных научных кругах, в результате чего выставка была закрыта в 1999 г. Спустя два года она была снова открыта уже

⁹⁸ <http://dw.com/p/1QGR> Дата обращения: 23.08.2015. Важную роль в установлении реальных виновников расправы над местными жителями сыграли показания очевидцев событий.

в уточненном варианте с новыми фотодоказательствами преступлений вермахта.

На очередной волне интереса к истории вермахта и германских вооруженных сил в целом стали появляться новые работы, окончательно обозначившие разрыв с легендой о «чистом вермахте». Внимание историков сосредоточилось вокруг личностных аспектов представителей германского генералитета, благодаря чему значительное развитие получил жанр исторической биографии. Нацификация рейхсвера-вермахта теперь могла рассматриваться персонально с учетом всего перечня факторов, влиявших на личность офицера в условиях становления гитлеровской диктатуры. Исследовательский интерес стали вызывать новые, до сих пор малоизученные и узкотематические аспекты истории германской армии, её положения в германском обществе и государстве. В то же время, распад Советского Союза и допуск немецких исследователей в некогда закрытые для них российские архивы позволили ввести в научный оборот огромное количество документов о советско-германском военном сотрудничестве 1921-1933 гг., значительно актуализировав данную тему.

В рамках нового этапа изучения германской армии и её офицерского корпуса следует выделить исследование немецкого историка Вольфрама Ветте⁹⁹, в котором он проводит сравнение традиционных представлений германских офицеров с национал-социалистической идеологией. Так, много места уделено изначальному образу России и Советского Союза у генералитета рейхсвера и вермахта, который, по мнению автора, отчасти и позволил офицерам с энтузиазмом воспринимать геополитические концепции национал-социалистов. Подробно раскрывается механизм лояльности генералов, который включал в себя наравне с морально-идеологическими категориями еще и вполне практичный аспект увеличенного жалования, разовых крупных выплат и ситуативной финансовой поддержки.

⁹⁹ Wette W. Die Wehrmacht. Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. Frankfurt am Main: Fischer, 2005.

По мере достижения определенного консенсуса среди историков по вопросу о роли и месте армии и офицерского корпуса в истории Германии первой половины XX века стали появляться работы, стремящиеся рассмотреть ранее малоизученные аспекты проблемы, найти новые исследовательские подходы. Так, существенное развитие получило направление «новой биографии». В вышедших относительно недавно работах, посвященных таким представителям германского офицерского корпуса как генералы Франц Гальдер¹⁰⁰, Вернер фон Бломберг¹⁰¹, Фридрих Фромм¹⁰², Людвиг Бек¹⁰³, биографии военачальников рассматриваются в широком историческом контексте, демонстрирующим их типичность и, в то же время, уникальность как представителей военного сословия Германии. В этой связи особенно интересным является биографическое исследование о генерале Людвиге Беке как об одном из лидеров Сопротивления, возникшего внутри офицерской среды, т.к. генерал прошел длительный путь мировоззренческой трансформации от поддержки НСДАП в веймарский период до дистанцирования от нее ко второй половине 1930-х гг. Клаус-Юргену Мюллеру удалось представить достаточно объемный портрет генерала Людвига Бека на фоне стремительно меняющейся эпохи: от кайзеровских времен до гитлеровской диктатуры. Генерал показан как типичный представитель овеянного славой и вековыми традициями офицерского корпуса Германии, который привели к Гитлеру и его партии шок от поражения в войне и последствия Версальского договора. Критическое отношение к нацистскому режиму окончательно сложилось у него в момент, когда система национал-социалистического государства была уже полностью сформирована, что делало невозможным по-настоящему эффективные меры по противодействию ей.

¹⁰⁰ Hartmann C. Halder, Generalstabschef Hitlers 1938 – 1942. Paderborn: Schöningh, 1991.

¹⁰¹ Schäfer K. Werner von Blomberg: Hitlers erster Feldmarschall; eine Biographie. Paderborn: Schöningh, 2006.

¹⁰² Kroener B. «Der starke Mann im Heimatkriegsgebiet» - Generaloberst Friedrich Fromm: eine Biographie. Paderborn: Schöningh, 2005.

¹⁰³ Müller K-J. Generaloberst Ludwig Beck: eine Biographie. Paderborn: Schöningh, 2008.

Наравне с биографиями отдельных представителей офицерского корпуса германской армии определенной популярностью пользуется жанр сборников биографий генералов вермахта¹⁰⁴. Как правило, авторы подобных исследований стремятся предоставить читателю краткий обзор жизненного пути генералов, сопровождающийся попытками провести их типологизацию во вводной части исследования. Методика данных работ приближена к методу просопографии (коллективной биографии), однако книг, полностью ему соответствующих, пока не появилось. К сожалению, именно в рамках этого направления велико количество научно-популярных, зачастую поверхностных изданий, пользующихся повышенным спросом у массового читателя.

Другая тенденция связана с анализом ранее малоизученных аспектов деятельности офицерского корпуса в немецком обществе. Показательной является работа Кристиана Халлера, посвященная изданиям военной периодики в Веймарской республике¹⁰⁵. Автор проводит глубокую аналитику основных военных газет: тираж, авторский коллектив, реакция на основные события эпохи Веймарской республики и т.д. Исследование показывает, что военная периодика имела значительное распространение в медийном пространстве Веймарской Германии, оказывая влияние на формирование информационной среды, культурного и идеологического поля.

Трансформацию военно-управленческого аппарата Германии в период Третьего рейха анализирует немецкий историк Юрген Форстер¹⁰⁶. Исследователь приходит к выводу, что целью военно-организационного развития вермахта до 1939 г. было его превращение в эффективный и мощный военный механизм, однако полностью зависимый от политической

¹⁰⁴ Барнетт К. Военная элита рейха. Смоленск: Русич, 1999; Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1999; Тоомсваре У. Стратеги Третьего рейха. Ростов-на-Дону: «Феникс». 1999; Кноп Г. Генералы Третьего рейха. М.: АСТ, 2006; Hitlers militärische Elite. Hrsg von Ueberschär G. Darmstadt: Wiss. Buchges., 2011.

¹⁰⁵ Haller C. Militärzeitschriften in der Weimarer Republik und ihr soziokultureller Hintergrund. Trier: Kliometria, 2012.

¹⁰⁶ Förster J. Die Wehrmacht im NS-Staat. Eine strukturgeschichtliche Analyse. München: Oldenbourg Verlag, 2009.

воли фюрера Адольфа Гитлера. Компаративное исследование мемуаров представителей генералитета провел историк Михаэль Бертрам, подтвердившей в своей работе основной набор мотивов самооправдания в воспоминаниях высокопоставленных военных¹⁰⁷.

История изучения германского офицерского корпуса отечественными учеными отличается от характерных для западной историографии трендов как в позитивном, так и в негативном смысле. Советские историки, затрагивая вопросы, связанные с немецкой армией, руководствовались в первую очередь заданно-классовым марксистско-ленинским подходом, в соответствии с которым офицерский корпус представлялся орудием господствующего класса – аристократии и крупной буржуазии¹⁰⁸. Генералитет рейхсвера признавался едва ли не основным виновником прихода Гитлера к власти¹⁰⁹. Сам фашизм, как советские историки называли и германский национал-социализм, признавался неотделимым от милитаризма, т.е. от деятельного заинтересованного участия армии в происходивших внутри фашистского государства процессов¹¹⁰. Значимое влияние на сам стиль написания работ советскими историками оказывало и инерционное воздействие военной пропаганды.

Закономерно главными темами советских исследований германского офицерского корпуса до начала Второй мировой войны оставалось изучение связей военного руководства с нацистскими лидерами, их совместная работа по планированию и реализации захватнических планов, в первую очередь по отношению к СССР. История республиканского рейхсвера, как правило, давалась в предельно сжатом схематичном виде в качестве краткосрочного интервала между кайзеровской армией и вермахтом. Тема советско-

¹⁰⁷ Bertram M. Das Bild der NS-Herrschaft in den Memoiren führender Generale des Dritten Reiches. Eine kritische Untersuchung. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2009.

¹⁰⁸ Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961; Германский империализм и милитаризм. Сб. статей под ред. А.С. Ерусалимского. М.: Наука, 1965; Проэктор Д.М. Оруженосцы Третьего рейха. М.: Воениздат, 1971.

¹⁰⁹ Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. М.: «Мысль», 1978.

¹¹⁰ Галкин А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. с. 90-91. Бессонов Б.Н. Фашизм: политика, идеология. М.: Высшая школа, 1985. с. 48.

германского военного-сотрудничества 1921-1933 гг. не рассматривалась до конца 1980 – начала 1990-х гг. в принципе.

В контексте изучения германского офицерского корпуса советскими исследователями показательной является трактовка событий заговора 20 июля 1944 г. Деятельность офицеров-заговорщиков характеризовалась в исключительно негативных тонах. Мотивация офицеров сводилась к желанию устранить фюрера, реставрировать старые порядки на вильгельмовский манер, заключить сепаратный мир на западном фронте и продолжить с новой силой вооруженную борьбу с Советским Союзом. По мнению советских историков, заговорщики руководствовались узкими классовыми интересами и не стремились к фундаментальной перестройке принципов гитлеровского государства. Эта точка зрения радикально расходилась с формировавшимися в то время концепциями в ФРГ, склонными, наоборот, к избыточной идеализации заговорщиков и их целей.

В то же время именно вокруг темы июльского заговора генералов в эпоху «оттепели» первой половины 1960-х гг. стали появляться исторические исследования, в которых предпринималась попытка «очеловечить» германский офицерский корпус, взглянуть на его мировоззренческие установки в отрыве от строго классового подхода. В первую очередь, речь идёт о монографии Д.Е. Мельникова¹¹¹, в которой впервые в СССР был проведен анализ генезиса моральных воззрений офицеров-заговорщиков, в первую очередь, полковника графа Клауса фон Штауффенберга как безусловного лидера среди них. Автором справедливо отмечается значимость религиозных мотивов в формировании личности Штауффенберга, его идеализм как в первоначальной поддержке идей нацистов, так и в их последующем отрицании. Несмотря на predeterminedность основных выводов, работа Мельникова оставалась позитивным исключением из магистрального для советской историографии идеологизированного подхода.

¹¹¹ Мельников Д. Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Причины и следствия. М.: «Международные отношения», 1965.

Близкими к позиции советских историков были работы восточногерманских исследователей, научную деятельность которых можно и нужно рассматривать по объективным причинам во взаимосвязи с усилиями советских коллег, хотя зачастую у немцев было больше возможностей доступа к первоисточникам и литературе. В своих трудах историки ГДР особенно подчеркивали связь «военщины» и крупного капитала, которая привела к падению Веймарской республики и приходу к власти Гитлера в 1933 г.¹¹² Так же как и в советской историографии, определенные тенденции отхода от базового исследовательского тренда и одновременно центровой его интерес складывались вокруг трактовок заговора 20 июля 1944 г. В работе Курта Финкера, посвященной лидеру заговорщиков графу фон Штауффенбергу, дается подробная картина его становления как германского офицера, сопровождающаяся обращением к идейному миру и политическим взглядам полковника¹¹³. Как и в исследовании Д.Е. Мельникова, Штауффенберг предстает как человек идеалистических взглядов и, более того, находящийся в известной оппозиции к консервативному крылу заговорщиков, выступая за формирование широкого антифашистского фронта. Впрочем, сам Мельников в предисловии к работе Финкера выразил свои критические замечания относительно, по его мнению, неоправданного преувеличения восточногерманским коллегой морально-этических мотивов Штауффенберга в его пути к оппозиции гитлеровскому режиму, в то время как ключевым фактором здесь оставалось ухудшение военного положения Германии в 1943-1944 гг., в первую очередь – на Восточном фронте.

Внимание современных российских историков к германскому офицерскому корпусу также хронологически смещено в сторону периода Третьего рейха. И здесь, как и в ФРГ, не последнюю роль играет по-прежнему большой запрос среди широкой общественности на темы,

¹¹² Gossweiler K. Das Kapital. Reichwehr und NSDAP 1919-1924. Berlin: Akad.-Verl., 1984; Pyge B. Как Гитлер пришел к власти: германский фашизм и монополии. М.: «Мысль», 1985.

¹¹³ Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга. М.: «Прогресс», 1974.

связанные с гитлеровской Германией, объективный интерес к вопросам Великой Отечественной войны. Выбор конкретных проблем для исследований определяется логичным желанием заполнить лакуны советской историографии и рассмотреть вопросы, уже в какой-то мере изученные зарубежными коллегами. Важно значение по-прежнему имеет тема советско-германского военного сотрудничества 1921-1933 гг., сопряженная с открытием и вводом в научный оборот новых источников из российских архивов.

Здесь следует положительно выделить работы ярославского историка А.М. Ермакова¹¹⁴. В своих книгах исследователь подчеркивает и детально анализирует трансформацию положения вермахта во время гитлеровского правления от обладающего большим политическим влиянием, элитным социальным составом и особым самосознанием инструмента государственной власти в послушное орудие фюрера – многомиллионную машину расовой и мировоззренческой войны. Причину таких изменений Ермаков видит в симпатии военачальников рейхсвера по отношению к Гитлеру, берущей свое начало еще до 1933 г. на фоне кризиса легитимации Веймарской республики среди офицеров. Этот кризис получил значительное развитие не только под воздействием тяжелого положения Германии после Первой мировой войны, но и вследствие устойчивых монархических традиций, уходящих своими корнями в кайзеровские времена. Ермаков уделяет значительное внимание психологическому фактору, описывая пропаганду национал-социалистических идей в армии в течение 1930-х гг. Как можно убедиться, тезисы А.М. Ермакова во многом повторяют работы Манфреда Мессершмидта и Клауса-Юргена Мюллера. Однако использование новых источников, оптимизация аналитического материала делают исследования данного автора самоценными научными работами.

¹¹⁴ Ермаков А.М. Очерки истории германского вермахта. 1933-1939. Ярославль: ЯГПУ, 2000; Его же. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. М.: Эксмо, 2006; Его же. Вермахт против евреев. Война на уничтожение. М.: Яуза-пресс, 2009.

Интересны портреты участников заговора 20 июля 1944 г., присутствующие в исследованиях Б.Л. Хавкина¹¹⁵. Анализ биографий генералов-заговорщиков восполняет очевидный пробел еще советской историографии в изучении эволюции моральных воззрений германских офицеров на протяжении всего межвоенного периода 1918-1939 гг. На примере биографии генерала Хеннинга фон Трескова автор признает, что «неприятие им гитлеровского режима находилось в постоянном конфликте с его обязательствами перед армией, частью которой он был»¹¹⁶. Это противоречие во многом оставалось причиной известной нерешительности заговорщиков из среды офицерского корпуса, мешавшей им устранить верховного главнокомандующего вермахтом А. Гитлера в разгар ожесточенных боев на Восточном и Западном фронтах.

По-прежнему значимой для отечественной историографии темой является советско-германское военное сотрудничество 1921-1933 гг. Уход от резких тенденциозных оценок конца 1980-х – начала 1990-х гг. и продолжающееся изучение документов, ставших доступными относительно недавно, привели к появлению ряда исследований, сочетающих богатый источниковый материал и глубокую аналитику¹¹⁷. На место стремления к скандальному «правдоискательству» пришло изучение механизмов военного сотрудничества, его реального значения в процессе военного строительства двух стран, анализ восприятия военными служащими Германии и СССР друг друга. Появление биографических исследований об отдельных офицерах –

¹¹⁵ Хавкин Б.Л. Сопrotивление в рядах вермахта на восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // Новая и новейшая история. № 1. 2013. с. 157-175; Национальный комитет «Свободная Германия» и попытка создания немецкого антигитлеровского правительства // Новая и новейшая история. № 4. 2015. с. 31-52; Россия и Германия. 1900-1945. Сплетение истории. М.: Новый хронограф, 2014. с. 252-407.

¹¹⁶ Хавкин Б.Л. Сопrotивление в рядах вермахта на восточном фронте и генерал Х. фон Тресков // Новая и новейшая история. № 1. 2013. с. 160.

¹¹⁷ Захаров В.В. Военные аспекты взаимоотношений СССР и Германии: 1921 – июнь 1941 г. М.: ГА ВС, 1992; Кантор Ю.З. Заключенная дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920-1930-е года. СПб.: Питер, 2009.

организаторов советско-германского военного сотрудничества – указывает на сохраняющийся научный потенциал данной темы¹¹⁸.

Скорее научно-популярный характер носит работа О.Ю. Пленкова, посвященная истории рейхсвера и вермахта на ранних этапах развития¹¹⁹. В ней автор популярно излагает историю германских вооруженных сил, зачастую озвучивая крайне неоднозначные выводы. Так, Пленков убежден в невозможности какой-либо стратификации офицерского корпуса Третьего рейха, считая, что каждый представлял «сам себя»¹²⁰, в то время как попытки такой категоризации уже небезуспешно проводились в исторической науке¹²¹. Бóльшую академическую ценность представляет серьезное исследование этого же автора об идейных истоках национал-социализма, в котором проводится аналитика различных идеологических течений (в первую очередь, представителей «консервативной революции»), интеллектуальный багаж которых был использован нацистами¹²².

Генералитету кайзеровской армии в годы Первой мировой войны и первых лет Веймарской республики посвящена монография саратовского историка Л.В. Ланника¹²³. Автор анализирует трансформацию германского офицерского корпуса в военные годы, представляя читателям картину возвышения технократического дуумвирата Гинденбурга-Людендорфа взамен старой военной элиты, жившей в устаревшей системе координат войн за объединение Германии. Особое значение в работе отводится Восточному фронту Первой мировой войны как месту утверждения стратегических талантов представителей офицерского корпуса Германии, подлинной «кузнице кадров» немецкой армии. По мнению автора, образ России,

¹¹⁸ Захаров В.В. Между Берлином и Москвой: руководитель спецгруппы «Р» германского рейхсвера Оскар Риттер фон Нидермайер // Веймарская республика: история, историография, источниковедение: межвуз. сб. науч. тр., Вып. 5. Иваново: Иван. Гос. ун-т, 2011. с. 44-60.

¹¹⁹ Пленков О.Ю. Тайны Третьего рейха. «Гладиаторы» вермахта в действии. М.: «Олма Медиа Групп», 2010.

¹²⁰ Там же. с. 33.

¹²¹ Напр: Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии... с. 162-163.

¹²² Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом. Спб: «Владимир Даль», 2011.

¹²³ Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2012.

сложившийся у германской военной элиты, сыграл важную роль в её геополитических и политических установках после Первой мировой войны, с одной стороны, предопределив т.н. «восточный курс» командующего рейхсвером Ганса фон Секта, направленный на военно-техническое сотрудничество с восточным соседом, а с другой, подготовив отдельные точки соприкосновения с национал-социалистической идеологией, неотъемлемой частью которой был поиск «жизненного пространства» для немецкого народа на просторах России.

Германскому офицерскому корпусу как элитарной группе, принимавшей непосредственное участие в политических процессах последних лет Веймарской республики, посвящена монография О.Ю. Кутарева¹²⁴. В отличие от исторических трактовок данного вопроса советскими историками, автор склонен рассматривать генералитет лишь как одну из элитарных групп Веймарской Германии, которая объективно не обладала монополией на высший арбитраж политического поля страны. Однако даже тактика благожелательного по отношению к нацистам нейтралитета значительно способствовала успеху «национал-социалистической революции» 30 января 1933 г.

В целом, несмотря на давнюю традицию изучения германской армии и офицерского корпуса, многочисленные работы по самым разным аспектам их существования, представляется справедливым говорить о наличии потенциала для дальнейших исследований, посвященных вооруженным силам Германии в межвоенный период 1918-1939 гг. Хотя легенда о «чистом вермахте» была убедительно опровергнута в целом перечне авторитетных работ, проблематика нацификации немецкой армии, а в более широком смысле – вся система отношений между гитлеровской партией и вооруженными силами – еще имеет много белых пятен. Сложившееся в современной исторической науке представление о «частичной идентичности целей» офицерского корпуса и нацистов позволяет исследователю при

¹²⁴ Кутарев О.В. Германские элиты в эпоху становления нацизма. СПб.: Алетей, 2013.

желании акцентировать внимание как на слове «частичная», так и на слове «идентичность», порой приходя к противоположным выводам на основании схожего набора фактов. Очевидно, что составить адекватное представление о мировоззренческой картине германского офицера возможно только при комплексном исследовании его политических взглядов, статуса в немецком обществе, морально-этических представлений.

При этом необходимо признать очевидный переко́с внимания и отечественных, и зарубежных исследователей к периоду национал-социализма и уделять особое внимание эпохе Веймарской республики, а в отдельных аспектах – и кайзеровскому периоду. Проблемное поле взаимоотношений офицерского корпуса и тоталитарного (в данном случае – гитлеровского) государства и общества не может рассматриваться без вопроса об офицере в государстве демократическом. Анализируя положение офицерского корпуса в немецком обществе в конкретный исторический период, важно не забыть и о взглядах самих офицеров на это общество и свое место в нём, составляющих неотъемлемую часть их мировоззренческой картины в целом. Иными словами, критически важную роль при обращении к вопросам социального статуса и морали играет анализ широкого конкретно-исторического контекста, повседневных практик. Наше исследование является определенным шагом в этом научном направлении.

Глава 1. Общественный статус германского офицерского корпуса. 1918-1939 гг.

§ 1.1. Статус германского офицерского корпуса в 1918-1933 гг.

Понятие общественного (социального) статуса имеет множество научных определений. Применительно к индивиду или социальной группе представляется возможным обозначить его в качестве места в иерархически организованной общественной структуре, соотносимого с положением других индивидов или социальных групп¹²⁵. Общественный статус складывается из совокупности различных условий и предпосылок, таких как правовое положение, финансовое состояние, моральный авторитет и др. Он может испытывать значительные трансформации в течение как коротких, так и продолжительных хронологических отрезков. Многофакторность понятия социального статуса выводит его за рамки формально-юридического определения – декларируемый на законодательном уровне социальный статус может не соответствовать таковому, сложившемуся под влиянием традиции, давления финансового положения или общественного авторитета¹²⁶.

Общественный статус или положение в обществе и государстве германского офицерского корпуса, сформировавшийся к началу Первой мировой войны, явился следствием особенностей исторического развития страны, военного дела, совокупности психологических и мировоззренческих факторов.

Во-первых, высокий статус военного человека достался кайзеровской империи «в наследство» от Пруссии, ставшей ядром объединительных процессов германских земель и государств. Страна, которую современники

¹²⁵ Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. с. 54-56.

¹²⁶ Показательным примером может служить соотношение кастового характера современного индийского общества с декларируемым демократическим принципом его устройства.

зачастую именовали «армией, которая имеет государство»¹²⁷, обладала уходящей в средневековые традиции глубокого уважения к армейской службе, истоки которой возможно отнести к периоду немецкой колонизации земель к востоку от Эльбы в XI-XII вв. и даже еще ранее. В соответствии с ними воинское ремесло представлялось идеальным и идеализированным видом деятельности, направленным на защиту государства и народа от внешних угроз. Земли Бранденбурга–Пруссии были слишком разнесены в пространстве, и государство не имело иной альтернативы, кроме как собирать их воедино с помощью военной силы. Победоносные войны прусских королей укрепляли позиции военных в обществе, делали их его основой. Немецкий историк Манфред Мессершмидт, анализируя т.н. «фридрицианский образец» армии Пруссии¹²⁸, выделил его три основных элемента: преобладание и особое положение дворянства в офицерском корпусе, командную власть монарха и его авторитет как полководца и государственного деятеля¹²⁹.

Не лишенный иррациональных мотивов прусский авторитет военного человека, в первую очередь офицера благородного происхождения, получил тенденцию к распространению и в Германской империи. Земли с самобытной исторической традицией – Бавария, Саксония, Вюртемберг и др. - в целом гармонично переняли прусский образец. Унаследованная от Пруссии статусная иерархия немецкого общества последней трети XIX–начала XX вв. могла быть охарактеризована категоричным высказыванием канцлера Отто фон Бисмарка: «Человек начинается со звания лейтенанта»¹³⁰. Гиперболизированный трепет перед офицерским мундиром в Германской империи нередко приобретал гротескные формы и делал реальностью

¹²⁷ Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом международного университета в Москве, 2007. с. 154.

¹²⁸ Под ним М. Мессершмидт подразумевает модель строительства вооруженных сил Пруссии, восходящую ко времени правления короля Фридриха II Гогенцоллерна, Фридриха Великого (1740-1786 гг.).

¹²⁹ Messerschmidt M. Militarismus. Vernichtungskrieg. Geschichtspolitik. Paderborn: Schöningh, 2006. S. 27.

¹³⁰ Kitchen M. A Military History of Germany from the eighteenth century to the present day. London: Weidenfeld and Nicolson, 1975. p. 184.

истории, достойные театральные постановки¹³¹. В то же время, возникновение точечных конфликтных ситуаций на стыке авторитета гражданской и военной власти (например, т.н. «инцидент в Цаберне»¹³²) свидетельствовали о наличии определенного протестного потенциала, во всяком случае, на территориях, не имевших столь давней традиции высокого авторитета военных.

Во-вторых, наравне с восходящим к прусским традициям авторитетом фигуры военного человека, сами обстоятельства основания единого германского государства выдвигали на первый план торжество военных добродетелей и их главных носителей – солдат и офицеров. В результате трех победоносных молниеносных войн, особенно триумфальной победы над французской армией под Седаном в 1870 г., оформился особый духовный контекст объединения Германии, которое происходило под звуки ружейных залпов, лязг штыков и грохот артиллерийских орудий. И здесь уместно вспомнить еще одну широко известную цитату из наследия О. фон Бисмарка: «Не речами и постановлениями решаются великие современные вопросы, [...] а железом и кровью»¹³³. По крайней мере в Германии это произошло именно так. Главным творцом объединения, наравне с дипломатическим гением «железного канцлера», была германская армия, в особенности её офицерский корпус, который с полным правом рассчитывал на статус демиурга и фундамента Германской империи. Гельмут фон Мольтке-старший, Альбрехт фон Роон и многие другие военачальники, проявившие себя в ходе войн за объединение Германии,полнили пантеон героев германской истории, которая все чаще с подачи имперской идеологии стала

¹³¹ Широкую известность получила история башмачника Вильгельма Фойгта, сумевшего с помощью украденной формы капитана германской армии арестовать бургомистра берлинского района Кёпеник и конфисковать казённые денежные средства. Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004. с. 449-450.

¹³² «Инцидент в Цаберне» - конфликт в небольшом эльзасском городе между командованием гарнизона одной из расквартированных частей и городской общественности на почве оскорбительного поведения лейтенанта фон Фостнера (офицер показательно обещал своим подчиненным по 10 марок за каждого убитого при вынужденной самообороне «эльзасского болвана»). Caspar G.-A., Marwitz U. Tradition in deutschen Streitkräften bis 1945. Bonn: Mittler, 1986. S. 180.

¹³³ Цитата из выступления Отто фон Бисмарка на собрании бюджетной комиссии палаты депутатов в сентябре 1862 г.

сводиться к веренице победоносных войн – от разгрома римских легионов германским вождем Арминием в Тевтобургском лесу до триумфа над Францией в сражении под Седаном¹³⁴.

В-третьих, исключительный общественный статус офицерского корпуса в кайзеровской Германии был следствием особенностей внутри- и внешнеполитического развития страны, обусловленных спецификой тогдашнего уровня развития военного дела. С момента окончания франко-прусской войны 1870-1871 гг. и до начала Первой мировой войны Германия не принимала участия в крупномасштабных вооруженных конфликтах, однако однозначно связывала свое положение в мире с победоносной войной в будущем. Бурное экономическое развитие и стремление заполучить свой кусок колониального пирога неизбежно сталкивали кайзеровскую империю с другими ведущими мировыми державами – Великобританией и Францией, стремившимися сохранить свои позиции ведущих колониальных империй.

Вектор военной политики страны был направлен не только на реализацию амбициозных внешнеполитических целей, но и на обеспечение эффективного сосуществования армии и общества в условиях мирного времени. Только так мог быть достигнут необходимый уровень консенсуса и общественной поддержки агрессивной идеологии молодой империи. Специфический феномен националистического милитаризма конца XIX-начала XX века был следствием почти интуитивного поиска баланса между опережающим развитием мощных вооруженных сил и их гармоничным встраиванием в жизнь общества мирного времени.

В этом непростом деле важнейшим фактором, определявшим особенности положения вооруженных сил и офицерского корпуса в Германской империи, был принцип всеобщей воинской повинности, в соответствии с которым происходило комплектование кайзеровской армии.

¹³⁴ Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk: Das Problem des "Militarismus" in Deutschland. Bd. 2. München: Oldenbourg, 1960. S. 125.

На территории германских земель он был впервые введен в Пруссии в 1814 г.¹³⁵, а после 1871 г. распространился на всю Германию¹³⁶.

Введение всеобщей воинской повинности вносило принципиальные изменения в роль и место вооруженных сил в обществе и государстве. Российский исследователь И.С. Даниленко справедливо утверждает, что формирование массовой армии в течение XIX века сместило баланс в устойчивой общественной системе «государство-армия-народ»¹³⁷. Вооруженные силы стали, наравне со школой, государственным институтом, выполняющим функции социализации значительного числа граждан через обязательную военную службу. Широкие слои общества становились полноценными участниками военных процессов наравне с армией – ранее единственным субъектом ведения войны. Теперь они были напрямую заинтересованы в героизации этой части своей жизни. В свою очередь, вооруженные силы приобретали все большее влияние на общество в рамках мирного гражданского процесса. Армейскому руководству требовалось проводить организационную работу с призывным контингентом, резервистами, военнотружущими запаса, неизбежно вторгаясь в структуру гражданского общества. Богатую палитру общественных организаций и объединений дополнили ветеранские общества, военные союзы, объединения инвалидов войны и т.п., выполнявшие роль связующих звеньев, медиаторов между армией, элитой и остальными гражданами¹³⁸. Все чаще армия становилась участником (или организатором) массовых торжественных мероприятий, как правило, патриотической направленности, вносящих

¹³⁵ Впервые в принцип всеобщей воинской повинности был законодательно введен во французской революционной армии в 1792 г. Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб: история и структура. 1657-1945. М.: Центрполиграф, 2005. с. 15.

¹³⁶ В соответствие с ним образовывались трехчастная структура, состоящая из, собственно, регулярной армии, ландвера и ландштурма. Призванный на военную службу человек (призывной возраст 20-21 год), служил в зависимости от рода войск от 2 до 4 лет в регулярной армии, затем на 13-17 лет зачислялся в ландвер, а после этого в ландштурм. Ландвер выступал в качестве формирования резерва, а ландштурм – как местное ополчение. Кроме того, в ландштурм зачислялись мужчины, признанные негодными к службе в регулярной армии, но способные носить оружие.

¹³⁷ Даниленко И.С. Война и общество: некоторые проблемы теории. // Война и общество в XX веке. Кн. 1. М.: Наука, 2005. с. 50.

¹³⁸ Так, к началу Первой мировой войны в Германии насчитывалось около 32 000 автономных ветеранских организаций, объединявших более 3 миллионов человек. Showalter D. The Political Soldiers of Bismarck's Germany: Myths and Realities // German Studies Review, 1994. Vol. 17, Nr. 1. p. 72.

значительный вклад в формирование культурно-идеологического поля Германской империи¹³⁹. Проводившиеся в праздничные дни военные парады демонстрировали населению символ народного единства и гордости в милитаристском оформлении¹⁴⁰.

Таким образом, армия использовалась с разных сторон в качестве полноценного инструмента, способного решать задачи как во внешней, так и во внутренней политике. Вновь обретенная массовость данного института, унифицированность военной службы, легкость безальтернативного внедрения в солдатское сознание необходимых ура-патриотических и шовинистических идей создавали предпосылки для применения армии в качестве средства направленной социализации и идеологизации населения, обеспечения его морально-ценностного единства. Данные задачи имели существенное значение для молодой и агрессивной Германской империи с её многопартийностью, конфессиональным дуализмом и входящими в её состав различными территориями, не утратившими многие элементы политической самостоятельности и глубокое историко-культурное своеобразие¹⁴¹.

Несмотря на то, что и после 1871 г. отдельные земли сохранили привилегию содержать собственную армию (Бавария, Саксония, Вюртемберг), именно единые вооруженные силы были призваны нивелировать настроения сепаратизма. Призывной контингент отдельных земель (Эльзас, Лотарингия, Позен) распределялся по воинским частям в других районах Германии¹⁴², а совместные общегерманские военные маневры и парады демонстрировали высокий уровень подготовки германской армии, построенной по прусским образцам, что, безусловно, не

¹³⁹ Fogel J. Nation im Gleichschritt. Der Kult der "Nation in Waffen" in Deutschland und Frankreich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. S. 12-13.

¹⁴⁰ Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk: Das Problem des "Militarismus" in Deutschland... S. 125.

¹⁴¹ Deist W. The German army, the authoritarian nation-state and total war. // Horne J. State, Society and Mobilization in Europe During the First World War. Cambridge. 1997. p. 160.

¹⁴² Так, находящийся на территории Познани 5-й армейский корпус отсылал часть своих новобранцев в другие корпуса, взамен получая этнически немецкий призывной контингент, во избежание преобладания польского элемента в войсках. Аналогичной ситуация была в Эльзасе и Лотарингии, где местных призывников так же перераспределяли по другим частям на территории Германии. Власов Н.А. У истоков германского парламентаризма. Проблема имперского военного закона. 1871-1874. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. с. 83.

оставалось незамеченным для офицеров германских земель с военной автономией. В результате даже в известной своими сепаратистскими настроениями Баварии офицерский корпус, а в более широком смысле и вся армия, приобрел репутацию «твердыни общегерманского образа мыслей»¹⁴³.

Унифицированная военная служба была призвана играть роль своеобразного общегерманского «плавильного котла» для молодого поколения. В своих мемуарах кайзер Вильгельм II писал: «Всеобщая воинская повинность действует в социальном смысле больше, чем все остальное. Она сводит вместе богатых и бедных, сыновей деревни и города. Она заставляет молодых людей, жизненные дороги которых вообще расходятся далеко, знакомиться и понимать друг друга. Сознание того, что они служат одной идее, объединяет их»¹⁴⁴. Рассуждая о проблемах интеграции ранее принадлежавших Франции Эльзаса и Лотарингии в Германскую империю, канцлер Отто фон Бисмарк отметил, что «лучшая и быстрейшая ассимиляция эльзасцев в Германии будет достигнута путем армейского товарищества»¹⁴⁵. Таким образом, концепция строительства вооруженных сил как мощного интеграционного механизма осознавалась и поддерживалась в Германской империи на самом высоком уровне – причем именно на примере не критичного восприятия прусского образца.

Идеи социализирующего потенциала вооруженных сил нашли своё воплощение в оригинальных концепциях «армии-школы нации» и «офицера-воспитателя». Предпосылки их возникновения стоит отнести к началу XIX в., к периоду войн с Наполеоном. Еще в 1814 г. прусское военное законодательство определяло армию как «главную школу для всей нации» (*Hauptbildungsschule der ganzen Nation*), а в 1843 г. писатель и генерал-майор Карл фон Декер характеризовал её как «народный институт» (*Volks-*

¹⁴³ Rumschöttel H. Das bayerische Offizierkorps. 1866-1918. // Das deutsche Offizierkorps 1860-1960. Boppard am Rhein: Boldt, 1980. S. 93. В самой баварской армии перенимались отдельные внешние атрибуты Пруссии – традиционные островерхие каски, даже принципы организации офицерского казино, что, тем не менее, презрительно обозначалось в местной прессе как «опруссачивание» («Verpreußung»).

¹⁴⁴ Вильгельм II. События и люди 1878-1918: Воспоминания. Минск: Харвест, 2003. с. 152.

¹⁴⁵ Цит. по: Власов Н.А. У истоков германского парламентаризма... с. 81.

Institut). Однако впервые подробно и системно концепция «школы нации» была представлена группой анонимных и оставшихся неизвестными авторов в брошюре «Офицер как воспитатель народа», вышедшей в 1888 г. в качестве специального приложения к военно-аналитическому изданию «*Militärwochenblatt*»¹⁴⁶. Представленный в ней материал является обобщенной официальной суммой мнений относительно тенденций развития вооруженных сил и роли офицера в происходящих в армии и обществе процессах. Представляется целесообразным рассмотреть данную работу подробно по причине значимости её тезисов для военной мысли Германии первой половины XX в.¹⁴⁷, а также из-за ее уникальности и не востребоваемости в исследованиях.

Авторы брошюры с самого начала рисуют перед читателями крайне идеализированный облик вооруженных сил. Армия рассматривается в качестве «воплощенной истории народа», его национального характера «в самом чистом виде»¹⁴⁸. В ней нет места «плохому, искусственному или случайному»: существует лишь сумма добродетелей, которой обладает народ. Среди таковых выделялись верность кайзеру, любовь к родине, чувство чести и совокупность моральных установок, опирающихся на христианские религиозные нормы.

Наравне с идеализированным образом вооруженных сил формировался и образ врага внутри страны: «Те, кто проповедуют ненависть к кайзеру, дворянам и даже ненависть к богу – твари, которые настраивают людей друг на друга, разрушают общественный порядок»¹⁴⁹. Указывается на негативное воздействие идей социализма и анархизма, в частности идеи равенства людей («Полное равенство в этом мире невозможно, как показала история всех времен и народов»)¹⁵⁰.

¹⁴⁶ Der Offizier als Erzieher des Volkes. Berlin. 1888.

¹⁴⁷ Как будет рассмотрено ниже, полемизировать с авторами брошюры кайзеровских времен офицеры не переставали даже в гитлеровском вермахте.

¹⁴⁸ Der Offizier als Erzieher des Volkes... S. 9.

¹⁴⁹ Ibid. S. 19.

¹⁵⁰ Ibid. S. 18-19.

Для того, что бы устранить деструктивные тенденции, по мнению авторов, было «необходимо наполнить жизнь широких общественных слоёв чувством верности, патриотизмом, религией и всеми другими идеальными добродетелями»¹⁵¹. Эту задачу могла выполнить только армия-школа нации с офицерами-воспитателями¹⁵². По справедливой логике авторов работы, три года, которые каждый немецкий гражданин был обязан посвятить службе в вооруженных силах, являлись решающей возможностью для государства повлиять на формирование мировоззрения человека: «Время солдатской службы – это последнее средство, последняя возможность для успешной борьбы, внутреннего преодоления ложного народного духа – и мы обязаны его использовать!»¹⁵³. Финальный этап социализации в немецкое общество, совершенно не случайно приходящийся именно на военную службу, должен был окончательно инкорпорировать в него человека или доказать абсолютную невозможность этого. Успех или провал данной социализации напрямую зависел от соответствующих воспитательных навыков офицерского состава.

Важно отметить, что изменение роли офицера в рамках армии-школы нации лежало главным образом в области его взаимоотношений с рядовыми. Отныне командир становится для своих солдат активным проводником государственной идеологии, педагогом-воспитателем, не переставая при этом быть абсолютным авторитетом, военным специалистом¹⁵⁴. Не имея более возможности переложить бремя непосредственного общения и воспитания солдат исключительно на унтер-офицеров, кадровый офицер вынужден быть «ближе к народу», ближе к солдатской массе. Более того, традиционная элитарность благородного происхождения наполняет звание офицера новым смыслом: в соответствии с наставлениями брошюры, офицер как воспитатель должен рассматривать своих солдат в качестве «сосуда», который он

¹⁵¹ Ibid. S. 5.

¹⁵² Der Offizier als Erzieher des Volkes... S. 5.

¹⁵³ Ibidem.

¹⁵⁴ Bracher K-D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Berlin: Ring-Verl, 1971. S. 213.

наполнит такими добродетелями как «верность кайзеру, чувство чести и долга, порядочность, уважение к закону, любовь к родине и божьей страх»¹⁵⁵. По мнению авторов, без такого подхода армия рискует превратиться в грубую солдатчину, дерево без корней, которое обрушится при сильной буре. Только понимающий и осознающий свой долг солдат мог достойно нести свою ратную службу. Соответственно, главная задача офицера теперь выражена в двуединой формуле: «сделать из гражданина лучшего солдата, а из солдата лучшего гражданина»¹⁵⁶.

Таким образом, центральной идеей концепции «армии-школы нации» можно считать представление о вооруженных силах как об институте, в котором призывной контингент проходит комплексную подготовку, включающую в себя, с одной стороны, обучение военно-прикладным навыкам и, с другой, не менее важное привитие имперских политико-государственных ценностей каждому индивиду¹⁵⁷. Источником и проводником государственных идеалов Германской империи в вооруженных силах закономерно становился офицер, получавший, таким образом, функцию «воспитателя». Внутри массовой армии, построенной на принципе всеобщей воинской повинности, он сохранял за собой привилегированный статус «первого слуги кайзера»¹⁵⁸, дававший ему возможность аккумулировать авторитет монарха для достижения воспитательных задач.

Именно офицерский корпус был главным адресатом авторов рассмотренной выше брошюры. Такое разъяснение изменившихся ориентиров в работе с личным составом было особенно важно в связи с расширением самого офицерского корпуса и притоком в его ряды представителей непривилегированных сословий, которым для начала следовало соответствовать корпоративным ценностям. Традиционный источник пополнения офицеров – дворянство – уже не могло восполнить

¹⁵⁵ Der Offizier als Erzieher des Volkes... S. 16.

¹⁵⁶ Der Offizier als Erzieher des Volkes... S. 3.

¹⁵⁷ Bracher K.-D. Die Auflösung der Weimarer Republik... S. 213.

¹⁵⁸ Messerschmidt M. Militarismus. Vernichtungskrieg. Geschichtspolitik...S. 7.

кадровый голод увеличивающейся армии. В течение всего XIX в. процент дворян внутри офицерского корпуса Пруссии, а затем и Германской империи сокращался, усилился приток выходцев из буржуазии. Немецкий историк Карл Деметр приводит данные о социальном составе учащихся военных училищ в период с 1888 до 1913 гг., в соответствии с которыми количество сыновей землевладельцев уменьшилось на 72%. Среди офицеров младших званий процентное соотношение дворян и буржуазии к 1913 г. равнялось 27% к 73%, а в Генеральном штабе было приблизительно равным¹⁵⁹.

Курс на расширение социальной базы офицерского сословия был официально одобрен кайзером Вильгельмом II. В приказе от 29 мая 1890 г. он сообщал: «Подъем уровня образования нашего народа позволяет расширить социальный слой, из которого можно набирать пополнения для офицерского корпуса. Сегодня на право стать офицером могут претендовать не только лица благородного происхождения – благородство характера во все времена было отличительной чертой офицерского сословия, и так должно оставаться и впредь. Но это возможно лишь в том случае, если молодые офицеры будут набираться из тех слоев общества, где честь ценится превыше всего. Будущее моей армии я вижу не только в отпрысках дворянских семей и сыновьях офицеров и государственных служащих, которые по давней традиции служили оплотом нашего офицерского корпуса, но также и в сыновьях достойных буржуазных семейств, воспитавших в своих детях любовь к родине и кайзеру, глубокое уважение к армейской службе и христианскую нравственность»¹⁶⁰. Таким образом, пополнение офицерского корпуса из буржуазии получило высочайшее одобрение и направление. Причем, по мнению кайзера, главным условием инкорпорации в офицерский корпус становится верность традиционным идеалам, а не социальное происхождение.

¹⁵⁹ Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650–1945. М.: Центрполиграф, 2007. с. 42. Британский историк Мартин Китчен оценивает долю дворян в германском офицерском корпусе на момент 1913 г. в 30% и утверждает, что это соответствует «лимиту политической безопасности» армии. Kitchen M. *Military History of Germany from the eighteenth century to the present day...* p. 181.

¹⁶⁰ Цит. по: Деметр К. Германский офицерский корпус... с. 38.

Массовые, но идейно единые вооруженные силы имели важное значение не только в качестве средства цементирования германской нации и государства, но и как армия, способная одержать победу на фронтах будущей войны. Несмотря на имеющиеся среди немецких военных аналитиков разногласия о характере и облике будущей войны, её инструментом при любых раскладах предстояло стать именно массовой армии¹⁶¹. Не был исключением и принятый в итоге за основу будущей военной стратегии «план Шлиффена»¹⁶².

Численность вооруженных сил Германской империи последовательно увеличивалась в течение всей последней трети XIX – начала XX вв. Основные этапы приходились на 1874, 1880 и 1890 гг.¹⁶³. В последний раз закон об увеличении армии был одобрен рейхстагом 5 июля 1913 г., по нему она до 31 марта 1916 г. должна была достигнуть численности в 32000 офицеров, 110000 унтер-офицеров, 661 500 рядовых, что означало её увеличение по отношению к 1912 г. на 117000 человек¹⁶⁴. Таким образом, с учетом резервистов, общее число людей, способных носить оружие и обученных военному делу, достигало 4900 тыс. человек¹⁶⁵. В 1905 г. соотношение гражданских лиц к военнослужащим достигло, по оценке историка Мартина Китчена, пропорции 100 к 11, при том, что в отдельных пограничных землях (Эльзас-Лотарингия) она составляла 100 к 447¹⁶⁶. Тезис Кольмара фон дер Гольца о «вооруженном народе» приобретал вполне реальные черты.

¹⁶¹ Förster S. Images of Future Warfare, 1871-1914. // *Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871-1914.* ed. by Boemeke M, Chickering R and Förster S. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. p. 352. Мысль о необходимости строительства массовых вооруженных сил гармонично сочеталась с представлениями о характере будущей войны таких видных военных теоретиков, как Ф. Бернарди и К. фон дер Гольц. Бернарди Ф. Современная война. Т. 1. СПб.: «Безобразов и Ко», 1912. с. 44-49; Goltz C. v. *Das Volk in Waffen.* Berlin: v. Decker, 1883. S. 138-147.

¹⁶² «План Шлиффена» - стратегический план военного командования Германской империи, который был разработан к началу XX в. План предполагал быструю победу германских войск на Западном фронте в войне с Францией за счет стремительного темпа наступления. Высвободившееся после поражения Франции войско в дальнейшем перебрасывалось на Восточный фронт против России.

¹⁶³ Агеев А.В., Вержховский Д.В. История Первой мировой войны. 1914-1918. М.: Наука, 1975. с. 96-96.

¹⁶⁴ Absolon R. *Wehrgesetz und Wehrdienst. 1935-1945. Das Personalwesen in der Wehrmacht.* Boppard am Rhein: Boldt, 1960. S. 54.

¹⁶⁵ Агеев А.В., Вержховский Д.В. История Первой мировой войны... с. 99.

¹⁶⁶ Kitchen M. *The German Officer Corps. 1890-1914.* Oxford: Clarendon Press, 1968. p. 189.

Таким образом, к началу Первой мировой войны германский офицерский корпус обладал привилегированным общественным статусом, унаследованным от традиций прусского государства и получившим признание во всех частях Германской империи. Всеобщая воинская повинность и увеличение численности вооруженных сил означали, что все большее число немецких граждан оказывалось вовлеченным в систему отношений между армией и обществом. Офицеры обладали заслуженным авторитетом «первых слуг монарха», подлинной основы его власти в стране.

Первая мировая война и германская революция 1918-1919 гг. вместе с последовавшими за ними социально-политическими переменами привели к существенным трансформациям в общественном статусе германского офицерского корпуса. Обладавшая значительным запасом прочности система ценностной и социальной иерархии немецкого государства оказалась на практике не готовой для испытаний военными годами. По мере того как солдатам на фронте стало ясно, что домой с победой не получится вернуться ни к «осеннему листопаду», ни к Рождеству 1914 г. и 1915 гг., а смерть в бою утратила свою героичность, унифицировавшись под пулеметным и артиллерийским огнём, общие настроения стали стремительно отдаляться от царившего летом 1914 г. всеобщего оживления и консенсуса.

По мере затягивания войны фигура офицера начала приобретать в глазах солдат и гражданского населения новое смысловое наполнение. Он, как и раньше, оставался авторитетным командиром, «первым слугой кайзера» и «воспитателем нации». Только теперь эти характеристики приобрели иную остроту, столкнувшись с необходимостью практического применения в боевой обстановке. Авторитет фронтового офицера, храброго в бою и умевшего найти общий язык с подчиненными, поднимался на недостижимую в условиях мирного времени высоту.

Наглядным показателем доверия немецкого народа к военному сословию в военные годы может служить широкое одобрение установившейся летом 1916 г. диктатуры Верховного командования в лице

дуумвирата Гинденбурга-Людендорфа. При этом фигура фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга стала обретать ближе к концу войны черты едва ли не сакрального поклонения. Пожилой генерал, оставивший спокойную жизнь в собственном поместье ради беззаветного служения Германии и её народу, являл собой подлинный образец добродетели верности и чувства долга¹⁶⁷. Гинденбург приобрел беспрецедентный авторитет «эрзац-кайзера» еще при правящем Вильгельме II, задолго до собственной победы на президентских выборах 1925 г. И хотя ряд исследователей усматривают в его культе черты, выходящие далеко за рамки сугубо военных добродетелей¹⁶⁸, статус одного из величайших полководцев Германии, несомненно, был ядром популярности фельдмаршала.

С другой стороны, возросла цена ошибки, некомпетентности офицера, измерявшаяся теперь человеческими жизнями. В особом положении оказались штабные офицеры, которые неизменно ассоциировались с безопасным и сытым тылом, что нередко являлось поводом для язвительного недовольства фронтовиков, в том числе и самих офицеров. Начиная с драматического ухудшения продуктового рациона во время «брюквенной зимы» 1916 -1917 гг. слухи о неподобающе роскошном образе жизни офицеров тыловых районов и штабов приобретали опасную напряженность. Инициированные Верховным командованием и лично Гинденбургом выборочные инспекционные проверки частей закончились безрезультатно¹⁶⁹, дав повод генералитету относиться к подобным сигналам, прежде всего, как к пораженческой пропаганде. Генерал Эрих фон Людендорф упрекал критиков офицерского корпуса в незнании специфики формирования авторитета офицера в войсках, истинной тяжести штабной работы: «Пока в Германии будет существовать известный государственный порядок, должен существовать и авторитет и, следовательно, сохраняться общественное

¹⁶⁷ Goltz A. von der. Hindenburg: power, myth, and the rise of the Nazis. Oxford: University Press, 2011. p. 18.

¹⁶⁸ Ibid. p. 19.

¹⁶⁹ Приказ Гинденбурга от 22 октября 1918 г. // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten. Hrsg. von Messerschmidt M., Gersdorf U. v. Stuttgart: Dt. Verl, 1964. S. 208.

различие. Офицерский корпус должен существовать, и в нем отдельный офицер может жить по-иному чем солдат, и все-таки оставаться его верным другом»¹⁷⁰. Как-либо нарушившие представления о чести офицеры составляли, по его мнению, лишь исключение, а сам офицерский корпус вышел из войны «незапятнанным»¹⁷¹. Кроме того, большие потери в офицерском составе¹⁷² и массовый приток в действующую армию офицеров-резервистов позволял генералитету объяснять те или иные злоупотребления как следствие невысокого качества пополнения¹⁷³. Отдельные генералы связывали ухудшение качества офицерского корпуса с его резким увеличением еще в довоенное время¹⁷⁴.

Несмотря на попытки командования отвести недовольство немецкого общества от офицеров, люди в погонах неизбежно, уже в силу своего положения и роли в действующей армии, становились объектом неприятия для уставших от тягот войны обывателей. Офицеры младших и средних чинов значительно чаще, чем представители генералитета, сталкивались с открытым проявлением недовольства, негативным репутационным клише «затягивателей войны», которым якобы неплохо живется и посреди бедствий¹⁷⁵. В отличие от старших по званию коллег, они были склонны видеть в этом не только следствие направленной на тыл вражеской пропаганды, но и объективный показатель усталости населения от войны, истощенности внутренних ресурсов Германии¹⁷⁶.

¹⁷⁰ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М.-Мн.: АСТ-Харвест, 2005. с. 662.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Людендорф оценивал их в 80-90% от 1914 г. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне... с. 663.

¹⁷³ Существовала и противоположная точка зрения. Вильгельм Грёнер делился в своем письме жене впечатлениями от посещения одной из воинских частей в 1917 г.: «Лейтенанты – отличные парни, почти все резервисты, кадровых офицеров осталось очень мало». Деметр К. Германский офицерский корпус... с. 62.

¹⁷⁴ Gleich G.v. Die alte Armee und ihre Verirrungen. Leipzig: Koehler, 1919. S. 38.

¹⁷⁵ Мюллер В. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. М.: «Вече», 2010. с. 53;

Воспоминания кронпринца Вильгельма. Берлин: Слово, 1922. с. 222-223.

¹⁷⁶ «Многие офицеры, с которыми я разговаривал на марше или на стоянках во время отхода, считали, что печальный конец войны объясняется отречением кайзера и революцией в Берлине и других крупных городах Германии. Реже утверждали, <...> что сопротивление немецкого народа было попросту сломлено в результате затяжной войны и несслыханных жертв, лишений и тягот. Иные офицеры полагали даже, что революция – это лишь внешнее проявление того, что немецкий народ в своей массе хочет покончить с войной<...>. Так думали большинство пожилых офицеров резерва и ландвера. Весь комплекс вопросов они рассматривали в основном с гражданской точки зрения». Мюллер В. Я нашел подлинную родину... с. 54-55.

Наиболее драматичный период для общественного статуса германского офицерского корпуса приходится на период революционных волнений ноября-декабря 1918 г. Восстание 3 ноября 1918 г. в Киле впервые обозначило открытое массовое неповиновение рядового состава офицерам. С разной степенью напряженности во многих гарнизонах происходили стычки между мятежными солдатами и матросами и офицерами. В Киле восставшими был образован первый солдатский Совет, который выступил с требованием увольнения несогласных с его деятельностью офицеров без обеспечения содержания¹⁷⁷.

Радикальные требования Кильского восстания были первым реальным подтверждением деформации высокого статуса офицера в кайзеровской империи в дни Германской революции. Обострение общественных настроений к концу проигранной войны достигло угрожающей стадии, при которой людям с офицерскими погонами на плечах подчас было просто небезопасно появляться в общественных местах¹⁷⁸. Доминантой являлось понятное стремление найти виновных или «предателей». На этом фоне показательны случаи несвойственного германскому обществу неуважения к порядку и закону. Один из фронтовиков-инвалидов оставил о своём пребывании в революционном Берлине в середине ноября 1918 г. следующие воспоминания: «Когда я со своим костылем ковылял к Потсдамскому вокзалу в Берлине, меня остановила группа людей в униформе и красных повязках на руках, которые потребовали, чтобы я отдал им свои погоны и ордена. В ответ я замахнулся на них своей палкой, но моё сопротивление было быстро подавлено. Меня повалили на землю, и только вмешательство сотрудников вокзала выручило меня в этой унижительной ситуации»¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Forderungen des Kieler Soldatenrats, 4.11.1918 // Deutsche Geschichte 1918-1933. Dokumente zur Innen- und Außenpolitik. Hrsg. von Michalka W, Niedhart G. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002. S. 12.

¹⁷⁸ Сменить мундир на гражданский костюм по возвращению в Германию предусмотрительно пришлось даже бескомпромиссному к революционерам Рюдигеру фон дер Гольцу: «... в Штетине в гражданском платье я неузнанным высадился на берег. В Берлине мне еще повезло без побоев добраться до своего жилища». Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике... с. 128.

¹⁷⁹ Цит. по: Эванс Р. Третий рейх: зарождение империи. М.: Астрель, 2010. с. 106.

Столь опасная обстановка в стране требовала от офицеров выработки тактики адаптации и выживания.

От гнева толпы зачастую спасала лишь показная солидарность с «революционными» атрибутами. Молодой генштабист Вильгельм Кейтель писал своему отцу в декабре 1918 г.: «Не прикрепив красный флаг к своей машине, я оказался бы разоруженным, без кокарды, с сорванными погонами, и меня просто-напросто вышвырнули бы из машины»¹⁸⁰. Фельдмаршал Гинденбург с неудовольствием сообщал президенту Фридриху Эберту, что офицер «на каждом шагу подвергается поруганиями и оскорблениями, он почти вне закона», повсеместно распространено «отношение к нему как к человеку, лишенному всяких прав»¹⁸¹. Впрочем, как правило, подобные акты общественной травли офицеров проходили при активной инициативе леворадикальных или люмпенских сил, имели ограниченную поддержку в весьма непродолжительное время. В отличие от революционной России, где за офицерами подчас устраивали настоящую вооруженную охоту, в Германии вообще не было зафиксировано случаев показательных физических расправ над ними¹⁸².

Однако отношение к офицерскому корпусу в целом было действительно негативным, и в революционный период эту элиту армии и общества ждала неминуемая реструктуризация и статуса, и степени воздействия на события. Сознание самих офицеров не поспевало за резкой сменой событий, принять которые большинство было не в состоянии. Внутри действующей армии деструктивное воздействие на авторитет и положение офицера оказывали стихийно создававшиеся по образцу Советской России солдатские Советы, первый из которых был образован в Киле 4 ноября 1918 г. На начальном этапе своего существования круг их фактических

¹⁸⁰ Письмо Кейтеля отцу 10 декабря 1918 г. // Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: «Русич», 2003. с. 39.

¹⁸¹ Письмо Гинденбурга Эберту от 8.12.1918. // Schüddekopf O.-E. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933. Hannover-Frankfurt am Main: : Norddeutsche Verlagsanstalt, 1955. S. 35.

¹⁸² Этим обстоятельством весьма гордились лидеры Германской революции. Шейдеман Ф. Крушение Германской империи. М.-ПГ.: ГИЗ, 1923. с. 284.

полномочий определялся конфигурацией авторитета офицерского корпуса и членов Советов в каждой конкретной воинской части. Во многих из них офицерам удалось поставить солдатские Советы под свой контроль, отведя им роль вспомогательного совещательного органа при командовании части¹⁸³. В других случаях Советы, наоборот, активно вмешивались в повседневную жизнь личного состава, в частности в вопросы отпусков, снабжения, наложения дисциплинарных взысканий. Насаждались нетипичные и чуждые армии отношения панибратства между солдатами и офицерами, катастрофически падала дисциплина среди рядовых¹⁸⁴. Отмечались прецеденты воровства имущества воинских частей¹⁸⁵. Всё это подрывало и без того пошатнувшийся авторитет офицера и в войсках, и в целом в немецком обществе.

Критической точкой для статуса германского офицера, а, в более широком смысле, и для его существования как командной единицы, стал I Всегерманский съезд Советов солдатских и рабочих депутатов, проходивший с 16 по 20 декабря 1918 г. в Берлине. К неприятному удивлению Верховного командования делегаты съезда, в целом настроенные на проведение умеренной политической линии, направили весь свой «революционный» импульс в сторону офицерского корпуса и генералитета. Большой энтузиазм участников съезда вызвало выступление делегата Виктора Лампа во время утреннего заседания 18 декабря, в котором он озвучил т.н. «Гамбургские пункты» и предложил взять их за основу военной реформы¹⁸⁶. «Гамбургские

¹⁸³ Важную роль сыграл приказ В. Грёнера от 10 ноября 1918 г. о введении в войсках совещательных «советов доверенных», создание которых позволило частично поставить под контроль процессы самоорганизации в войсках. В целом, советские историки с сожалением отмечали «низкую классовую зрелость» солдатских Советов, указывая на умеренность их требований. Напр.: Дабкин Я.С. Революция 1918-1919 гг. в Германии. Краткий очерк. М.: Соцэжгиз, 1958. с. 116-117. Про умеренность требований солдатских Советов, желавших в большинстве своём лишь скорейшей демобилизации, пишут и немецкие историки. Напр.: Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб: история и структура. 1657-1945. М.: Центрполиграф, 2005. с. 203.

¹⁸⁴ Schüddekopf Otto-Ernst. Das Heer und die Republik... S. 24; Дабкин Я.С. Ноябрьская революция в Германии. М.: Наука, 1967. с. 42.

¹⁸⁵ О попытке присвоения денежных средств управления ВМФ человеком, действовавшим якобы как представитель солдатских Советов, пишет Эрих Редер. Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935-1943. М.: Центрполиграф, 2005. с. 117.

¹⁸⁶ I Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов. Стенографический отчет. М.: Огиз: Советское законодательство, 1934. с. 112-113.

пункты» подразумевали упразднение воинских знаков отличия, отменяли ношение оружия во внеслужебное время, орденов, упраздняли воинское приветствие старшим по званию. Порядок ношения погон, галунов, аксельбантов должен был определяться солдатскими Советами на местах. Они же признавались ответственными за сохранения порядка и дисциплины в войсках. Командиры назначались на выборной основе. Свои должности сохраняли ответственные за демобилизацию офицеры, при условии гарантий с их стороны о поддержке революции. Обозначалась необходимость формирования новой армии – фольксвера (Volkswehr) на добровольных началах с выборным командованием.

«Гамбургские пункты» были восприняты прежним военным руководством предсказуемо негативно, в них в концентрированном виде видели всю опасность и нелегитимность происходящего¹⁸⁷. Обращаясь напрямую к Эберту, Гинденбург и Грёнер подчеркивали недопустимость ущемления прав офицеров в войсках, которое может привести к неспособности армии выполнять свои задачи в области обороны страны, что было особенно опасно на восточных рубежах Германии¹⁸⁸. Официальный протест направил 19 декабря 1918 г. и генерал фон Сект. Авторитетные военачальники неизменно приводили негативный опыт солдатских Советов в революционной России и указывали на то, что в современной Красной Армии после восстановления принципа единоначалия новые дисциплина и муштра не отличаются от армии царской. Многие офицеры открыто признавали, что не берутся брать на себя ответственность за сохранение целостности и боеспособности вверенных им частей и подразделений при реализации положений «Гамбургских пунктов»¹⁸⁹. Президент Эберт оказался перед ультиматумом – с одной стороны, он был обязан реагировать на

¹⁸⁷Craig G. Politics of Prussian Army. Oxford: At the Clarendon Press, 1955. p. 352.

¹⁸⁸ Telegramm Hindenburgs an die Armee-Oberkommandos: Stellungnahme der OHL zu den Hamburger Punkten. // Das Heer und die Republik... S. 38-39.

¹⁸⁹ Nachschrift einer telefonischen Meldung des Chefs des Stabes des Generalkommandos Lequis, Major v. Harbou, an die Oberste Heersleitung über die militärpolitische Lage nach der Verabschiedung der Sogenannten Hamburger Punkte durch den Reichskongreß der Arbeiter- und Soldatenräte. // Zwischen Revolution und Kapp-Putsch. Militär und Innenpolitik. 1918-1920. Düsseldorf: Droste Verlag, 1977. Bearb. von Hürten H. S. 28-30.

решения легитимного на тот момент съезда, с другой – выполнять договоренности «Пакта Эберта-Грёнера» от 10 ноября 1918 г., гарантировавшего военным неприкосновенность в обмен на политическую лояльность. После непростых переговоров с Гинденбургом и Грёнером «Гамбургские пункты» были гласно и негласно положены «под сукно», и было решено ни в коем случае не способствовать их выполнению. Это, по мысли новой и старой элиты, устраняло угрозу для офицерского корпуса со стороны леворадикальных революционных сил, поскольку линия революции после I съезда Советов не обнаруживала признаков углубления или устойчивого развития. А вскоре после поражения восстания левых независимцев и коммунистов в январе 1919 г. в столице все проекты радикальных реформ армии по советскому образцу лишились своих потенциально влиятельных сторонников.

Де-факто ликвидировав угрозу со стороны солдатских Советов, офицерский корпус, тем не менее, по-прежнему должен был прилагать усилия по сохранению и повышению своего особого общественного статуса уже в условиях Веймарской республики. Представители военной элиты настойчиво напоминали в газетных статьях, письмах руководству страны о важной роли офицерского сословия в истории Германии и прошедшей войне¹⁹⁰. Стремительно набирала обороты «легенда об ударе кинжалом в спину», снимавшая с военных ответственность за поражение в войне и революцию. Окончательно она оформилась во время заседания следственной комиссии рейхстага 18 ноября 1919 г., в ходе которого были вызваны для дачи показаний генерал Людендорф и фельдмаршал Гинденбург, которые публично, ссылаясь на мнение неназванного английского генерала, признали, что поражение в войне Германия потерпела только в тылу, а не на фронте¹⁹¹. Едва адаптировавшись к новому германскому государству, офицерский

¹⁹⁰ Напр. Die deutschen Offizierverluste // MW. Nr. 82. 09.01.1919. S. 1453-1454.

¹⁹¹ Stenographischer Bericht über die öffentlichen Verhandlungen des Untersuchungsausschusses, Berlin. 1919, S. 727-732.

корпус почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы пропагандировать неприкрытый реваншизм.

Путч Каппа-Люттвица 1920 г. в этом смысле был неуклюжей попыткой консервативно-реакционной части офицерского корпуса силой вернуться в дни военной диктатуры 1916-1918 гг¹⁹². Многие офицеры поспешили уверовать в слабость республики перед авторитетом генеральских мундиров. Однако стремительный крах путча выявил неспособность офицерского корпуса самостоятельно перестроить общественно-государственную систему Германии по старым шаблонам, полностью игнорируя настроения широких масс и части политической элиты. Требовалось адаптировать элементы былого исключительного социального положения к меняющимся условиям.

Фактический руководитель с 1920 г. республиканских вооруженных сил – рейхсвера–генерал Ганс фон Сект уделял значительное внимание континуитету привилегированного статуса офицерского корпуса в новом немецком государстве и обществе. Сект стремился не только сохранить армию как инструмент ведения войны в той мере, в какой это позволял «версальский диктат» (сомнений в необходимости реванша у большинства офицеров не было), но сделать её надежной опорой и новой Германии, по-прежнему значимой и уважаемой частью общества. Однако решать задачу конструирования авторитета офицера в Веймарской республике предстояло в новых, незнакомых и неблагоприятных внешне- и внутривнутриполитических условиях. Устоявшаяся система взаимоотношений армии и общества кайзеровской Германии перестала существовать. Были ликвидированы её основы: фигура кайзера, придававшая направленный смысл всей военной и государственной иерархии империи, и всеобщая воинская повинность, служившая основной контактной точкой армии и общества. Место монарха

¹⁹² Британский историк Г. Гордон определил Капповский путч как «безнадежную игру перед лицом непреодолимых сложностей». Gordon H. The Reichswehr and the German Republic 1919-1926. London: Kennikat Press, 1972. p. 140.

должна была заместить отныне идея Отечества, абстрактной «Великой Германии»¹⁹³, а сам рейхсвер комплектовался на контрактной основе.

В своей деятельности по формированию авторитета офицера, а в более широком смысле, военного человека в целом, Сект вынужденно исходил из выборочного, но прочного консенсуса традиционных для Германии установок и новых реалий Веймарской республики. Он стремился сохранить армию в качестве автономной силы, ориентированной на самодостаточное развитие, в минимальной степени зависимое от политиков, тем более извне, из стран-победительниц. Для офицерского корпуса, лишённого ориентира в лице сакральной фигуры монарха, это был едва ли ни единственный реальный путь инкорпорирования в плюралистическое республиканское общество.

Тем не менее, перемены в общественном сознании, тем более в слоях, не являвшихся активными носителями и проводниками революционных идей, не могли произойти слишком быстро. Республика, воспринимавшаяся ими как результат военного поражения и едва ли не предательства, не вызвала прочных симпатий ни по факту своего возникновения, ни по трудным реалиям послевоенной жизни. Даже показательный пример провалившегося Капповского путча еще долгое время не останавливал многих офицеров от участия в антигосударственных акциях, крупнейшей из которых оказался «пивной» путч Гитлера и НСДАП в 1923 г., одним из ярких участников которого был генерал Эрих Людендорф. Впрочем, эта неудавшаяся попытка нацистского переворота в Баварии стала последней серьезной вооруженной пробой на прочность республиканского правительства, и авторитет рейхсвера пострадал после неё в минимальной степени.

Несмотря на произошедшие в Германии перемены, в целом, как и в кайзеровские времена, военная служба оставалась в Веймарской республике желанным карьерным путём. То, что она перестала быть обязанностью для

¹⁹³ Подробно данная концепция рассматривается в 3-й главе данной работы.

молодых людей, только добавляло ей элитарности. Армия быстро преобразовалась из условно-пропагандистского «места для всех» в «место для избранных»¹⁹⁴, поскольку попасть в нее, тем более в ряды офицеров, было непросто. Небольшая численность вооруженных сил позволяла командованию устанавливать высокие требования даже для кандидатов в солдаты и организовывать интенсивную военную подготовку. Недостатка желающих примерить на себя армейский мундир не было – конкурс на одну вакансию мог составлять до десяти человек¹⁹⁵.

Что привлекало немцев периода Веймарской республики в армейской службе? Вероятно, здесь действовали одновременно экономические и психологические соображения. В особенно тяжелые годы экономического кризиса, инфляции и безработицы рейхсвер в представлении многих был в материальном смысле «тихой гаванью», которая давала возможность отгородиться от неурядиц гражданской жизни. Стены казармы практически не пропускали атмосферу политического хаоса, предлагая взамен дух солдатского товарищества. Для солдат армейский паёк был в худшем случае и в буквальном смысле спасением от голода или унижительной очереди за бесплатным супом. Солдат рейхсвера Бруно Винцер вспоминал: «Мы получали в месяц на руки по пятьдесят марок на всем готовом и при бесплатном жилище. Это были большие деньги. Кружка пива стоила пятнадцать, а стакан шнапса – двадцать пфеннингов. Пособие, которое получал безработный на себя и на семью, не составляло и половины нашего жалования»¹⁹⁶. В условиях, когда отчаявшиеся от безденежья и отсутствия перспектив немецкие граждане нередко кончали жизнь самоубийством, армия была пропуском в относительно спокойное существование. Довольствие офицеров было, естественно, выше солдатского, однако, как будет рассмотрено далее, высокие расходы на «представительство мундира»

¹⁹⁴ Кандидатов в солдаты, среди которых был Бруно Винцер, приветствовали словами: «Вы хотите служить в рейхсвере. Мы вас не звали и примем не всех. Рейхсвер был и будет армией избранных, ясно?» - Винцер Б. Солдат трех армий. М.: Прогресс, 1971.с. 47.

¹⁹⁵ Hesse K. Der Reichswehrosoldat. Berlin: Hermann Paetel Verlag, 1927. S. 17.

¹⁹⁶ Винцер Б. Солдат трех армий... с. 66-67.

не позволяли им легкомысленно обращаться с собственными денежными средствами. Например, будущий главнокомандующий ВМФ Третьего рейха Карл Дёниц (в 1920-е гг. – капитан-лейтенант, служивший в Главном командовании ВМС) был вынужден перемещаться по стране в вагонах 4-го класса и воздерживался от посещений театров и музеев¹⁹⁷.

Свою роль играло и то обстоятельство, что рейхсвер в массовом сознании оставался носителем традиции старой кайзеровской армии и всей Германской империи. Пережитое поражение после первого всплеска эмоций быстро перестало экстраполироваться на армию в целом, хранительницу и носительницу национально-государственных традиций и порядка, гаранта силы и величия Германии в будущем. Поражение в войне в силу целого ряда причин не привело к искоренению милитаристского мышления немцев, напротив, во многом усилило его отдельные черты. Героизм в прошлых сражениях смыкался со славой в предстоящих битвах. Солдаты несли службу под знаменами старых воинских частей, командовали ими побывавшие на фронтах Первой мировой войны офицеры. Высокий авторитет армии, пошатнувшийся, но устоявший как наследство кайзеровских времен, сочетался с милитаризованным и агрессивным государственным мышлением значительной части немецкого общества¹⁹⁸.

Значительные усилия военного руководства были направлены на установление тесных связей между армией и обществом. Иностранцев удивляла открытость военных маневров для мирного населения, организация которых обставлялась как большой праздник. Маневры широко освещались в локальной прессе, на них присутствовало большое количество местных жителей, для которых организовывались отдельные площадки для наблюдения с офицерами-консультантами¹⁹⁹. Устраивались импровизированные ярмарки, офицеров, особенно старших, с

¹⁹⁷ Ермаков А.М. Очерки истории германского вермахта. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2000. с. 84.

¹⁹⁸ Эванс Р. Третий Рейх: Зарождение империи... с. 108-109.

¹⁹⁹ Отчет о поездке в Германию командира и военного комиссара 5 стрелкового корпуса И. А. Тодоровского // Reichswehr und Rote Armee: Dokumente aus den Militärarchiven Deutschlands und Russlands 1925 – 1931. Bearb. von Jena K. von Koblenz: Bundesarchiv, 1995. S. 102.

готовностью принимали на постой состоятельные жители окрестных городов и деревень.

В условиях серьезного снижения численности рейхсвера свою роль посредника между армией и обществом выполняли старые и новые полувоенные и квазиармейские организации. Сохранились и даже значительно увеличили численность по сравнению с кайзеровскими временами многочисленные союзы ветеранов, резервистов, различные полувоенные группы²⁰⁰. Они были активными участниками общественного дискурса, помогали в организации различных патриотических массовых мероприятий, военных маневров, отстаивали интересы вооруженных сил в полемике с пацифистами.

Параллельно с восстановлением привилегированного статуса вооруженных сил в целом укреплялось и положение офицера в глазах общества Веймарской республики. Высокий авторитет офицерского корпуса рейхсвера имел в своей основе, главным образом, два обстоятельства: социальное происхождение – зачастую из рядов старой аристократической элиты или верхов буржуазии – и исключительный профессионализм в сфере военного дела: признание и того, и другого по большей части сложилось благодаря усердной деятельности командующего рейхсвером Ганса фон Секта.

Кадровая политика фон Секта, направленная на сохранение в рядах рейхсвера преимущественно штабных офицеров, элиты из элит, закономерно привела к тому, что социальный портрет офицерского корпуса приобрел ярко выраженные аристократические черты. При этом нельзя обойти молчанием, что реальное количество и роль выходцев из дворянства в офицерском корпусе рейхсвера Веймарской республики остается в значительной степени дискуссионным вопросом. По данным немецкого исследователя Карла Деметра процент дворян на офицерских должностях, незначительно

²⁰⁰ Крупнейший военный союз Веймарской Германии Кюфхойзербунд (Kyffhäuserbund) насчитывал почти 2,8 млн. человек в 1930 г. Elliott C. J. The Kriegervereine and the Weimar Republic. // Journal of Contemporary History, 1975. Vol. 10, Nr. 1. p. 118.

колеблясь, на протяжении всего периода Веймарской республики держался в районе всего каких-то 20%²⁰¹. Советский историк А.А. Галкин приводит данные о количестве дворян в германском офицерском корпусе в соответствии с воинскими званиями по состоянию на 1932 г.: 52% генералов, 29% полковников, 23% подполковников, 16% майоров, 17% капитанов, 23% старших лейтенантов и лейтенантов²⁰². Высокий процент аристократов среди офицеров рейхсвера отмечался и советскими военными специалистами: «бросается в глаза громадный процент аристократов как среди офицеров строевых, так и генерального штаба, чего по отношению к генштабу старой германской армии не было», - писал в своем докладе о маневрах рейхсвера в 1925 г. М.Н. Тухачевский²⁰³. Британский историк Сэмюэль Митчем утверждает, что к 1927 г. дворянами были 25 из 27 генералов и 45 из 105 полковников²⁰⁴.

В то же время, один из немецких исследователей веймарской эпохи Николаус фон Прерадович предостерегал от того, чтобы механически относить к аристократии всех генералов Веймарской республики, чьи фамилии имеют приставку «фон»²⁰⁵. Анализируя по биографиям каждой конкретной личности перечень командного состава германских вооруженных сил по состоянию на 1 мая 1930 г., содержащий сведения о 42 генералах, он отмечает, что только 11 из них принадлежало к «старой» аристократии, т.е. имело более чем 100-летнюю родовую историю, остальные в большинстве своем имели буржуазное происхождение. При этом никто из них не принадлежал к юнкерам и восточноэльбским помещикам – тем слоям общества, которым обычно приписывают преобладание в армии. Полностью

²⁰¹ Деметр К. Германский офицерский корпус... с. 69.

²⁰² Галкин А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. с. 91.

²⁰³ Из доклада заместителя начальника штаба РККА М.Н. Тухачевского в Реввоенсовет СССР о результатах изучения рейхсвера во время осенних маневров 1925 г. // *Reichswehr und Rote Armee...* S. 82.

²⁰⁴ Mitcham S. *The Rise of Wehrmacht. The German armed forces and World War II. Vol. 1.* London: Praeger, 2008. p. 15.

²⁰⁵ Своё исследование Николаус фон Прерадович представил в статье: Preradovich N. v. *Die soziale Herkunft der Reichswehr-Generalität 1930* // *VfSW*. 1967. Bd. 54, p. 481-486.

критериям сословия аристократии соответствовали только три генерала²⁰⁶, дворянскую родословную имели также и их жены.

В любом случае, вооруженные силы определенно не были тем общественным институтом Веймарской республики, который испытал на себе широкую демократизацию. Заявления фон Секта о необходимости обновления кадрового состава были труднореализуемы на практике из-за небольшой численности вооруженных сил²⁰⁷. Жесткие требования к желающим строить офицерскую карьеру объективно оставляли больше шансов на военную карьеру аристократии, потомственным военным, состоятельной буржуазии.

Наряду с тем, что в силу социального происхождения фигура офицера ассоциировалась с традиционно элитарными кругами Германии, важную роль в поддержании высокого общественного статуса офицера играла профессионализация военного сословия. Если и к солдатам применялись весьма строгие критерии отбора, то в отношении офицеров это было тем более справедливо. Социальное происхождение кандидата, конечно, учитывалось, но, без сомнения, не менее высокие требования предъявлялись к его служебным качествам и характеристикам. Рост уровня специального образования и профессионализма офицера был отличительной чертой развития военного дела, сопровождал технический прогресс в средствах вооружения, начиная с кануна Первой мировой войны²⁰⁸. Несмотря на то, что в соответствии с Версальским договором Германии запрещалось иметь танки, авиацию, тяжелую артиллерию, химическое оружие, Ганс фон Сект стремился оставить на службе именно офицеров-специалистов, обладающих опытом ведения войны с помощью новой военной техники²⁰⁹, не без основания полагая, что их знания найдут своё применение в будущем.

²⁰⁶ Зойтер фон Лётцен, Эдвин фон Хаммерштейн и Фоллард фон Бокльберг.

²⁰⁷ Erklärung des Oberbefehlshabers der Reichswehr-Gruppe 1, General-major v. Seeckt, in der Presse über die militärpolitische Lage. 26. März 1920 // Die Anfänge der Ära Seeckt. Militär und Innenpolitik 1920-1922. Bearb. von Hürten H. Düsseldorf: Droste Verlag, 1979. S. 89.

²⁰⁸ Lau T. Normenwandel der deutschen militärischen Elite seit 1918. Frankfurt am Main: Lang, 1988. S. 34.

²⁰⁹ Так, фон Сект настоял на том, чтобы как минимум 180 офицеров в новом рейхсвере, не имевшем авиации, были бывшими военными летчиками. Mitcham S. The Rise of Wehrmacht... p. 14.

Новый тип офицера – «военного менеджера», способного эффективно действовать на новой войне с её масштабностью и технократическим характером, а в настоящих условиях умело скрывать от контролеров Антанты различные нарушения «версальского диктата» - был востребован в веймарском рейхсвере в полной мере²¹⁰.

Талантливых офицеров командование стремилось оставить в армии, даже если они могли рассчитывать привлекательную альтернативу на «гражданке». Будущие гитлеровские генералы Хассо фон Мантойфель и Вальтер Модель обладали широкими связями в немецких промышленных кругах и могли рассчитывать на неплохую карьеру вне армии, однако предпочли военную службу – как в силу внутренних убеждений, так и вследствие заинтересованности в них руководства рейхсвера²¹¹. Вильгельм Кейтель неоднократно задумывался над тем, чтобы оставить офицерскую карьеру и вступить в управление собственным именем, однако всякий раз его начальству (правда, не без участия в этом жены Кейтеля) удавалось отговаривать будущего начальника штаба Верховного командования гитлеровского вермахта от такого шага. Хеннинг фон Тресков оставил военную службу в 1920 г., пытаясь попробовать свои силы в качестве предпринимателя, но в 1926 г., не без помощи семейных связей вернулся в рейхсвер²¹².

Реально высокий уровень подготовки немецких офицеров положительно сказывался на их авторитете в немецком обществе. Они снова обретали статус «воспитателей народа», но, в отличие от кайзеровских времен, воспитательный компонент не был предустановлен, а рассматривался с позиций личного примера, авторитета, основанного на выдающихся профессиональных качествах, внутренней сплоченности. Если в первые постреволюционные годы Веймарской республики генералитет

²¹⁰ Haller C. *Militärzeitschriften in der Weimarer Republik und ihr soziokultureller Hintergrund*. Trier: Kliometria, 2012. S. 36; Кноп Г. *Генералы Третьего рейха*. М.: АСТ, 2006. с. 131.

²¹¹ Барнетт К. *Военная элита рейха*. Смоленск: «Русич», 1999. с. 418, 465-466.

²¹² Хавкин Б.Л. *Сопrotивление в рядах вермахта на восточном фронте и генерал Х. фон Тресков* // Новая и новейшая история. № 1. 2013. с. 163.

призывал офицеров на местах «формировать единый фронт из представителей всех кругов общества, имеющих решимость бороться против большевизма»²¹³, то в дальнейшем возобладала концепция фон Секта, в соответствии с которой вооруженные силы должны были превратиться в «опору порядка, неиссякаемый источник национальной мысли, национальной силы»²¹⁴. По воспоминаниям современников, 4 000 офицеров рейхсвера будто бы оказывали «поразительное социальное влияние» на все немецкое общество²¹⁵. Они одновременно олицетворяли ценности «старых-добрых» кайзеровских времен и являлись одним из символов надежды на национальное возрождение. Офицерский корпус был мостом между прошлым и будущим, переброшенным через настоящее на максимально возможной высоте. Условный «окопный лейтенант Первой мировой войны» вновь становился социальным образцом, достойным для подражания²¹⁶.

При этом, соглашаясь с тезисом о сохранении привилегированного статуса офицерского корпуса в Германии 1918-1933 гг., важно помнить, что немецкое общество Веймарской республики характеризовалось плюрализмом, если не противоположными взглядами на самые разные мировоззренческие вопросы. Наряду с континуитетом консервативных традиций, воспевающих героическое прошлое и стремящихся выстроить будущее по его образцу, своих сторонников находили и новые тенденции общественно-политической мысли, направленные на критику традиционных ценностей Германии такого толка. Героизация славных сражений недавней войны, внедряемая в массовое общественное сознание, например, творчеством писателя-фронтовика Эрнста Юнгера, сталкивалась с критическим восприятием недавних событий со стороны условного «потерянного поколения», воспетого другим писателем, также побывавшим

²¹³ Schüddekopf O.-E. Das Heer und die Republik... S. 61.

²¹⁴ Erlaß des Chefs des Generalstabes, Generalmajor v. Seeckt, an die Generalstabsoffiziere, 7 Julie 1919 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 218.

²¹⁵ Деметр К. Германский офицерский корпус... с. 248.

²¹⁶ Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. М.: Эксмо, 2006. с. 184.

на войне, Эрихом-Марией Ремарком²¹⁷. Вместе с ностальгическими сентенциями по поводу потерянного или так и не обретенного величия, новую силу в страдавшем от последствий поражения в войне обществе обрели пацифистские настроения.

В силу того, что армия и офицерский корпус были заметными фигурами в социальной структуре и системе организации государства Веймарской республики, они нередко оказывались вовлеченными в конфликт мировоззренческих традиций и представлений. Стремление фон Секта огородить вооруженные силы от политических дискуссий, зачастую тесно переплетенных с судьбоносными моментами существования нового государства, привело к тому, что рейхсвер был вынужден отстаивать немногословную, практически «безмолвную», позицию честной службы Великой Германии, вследствие чего оказывался уязвимым для критики, которая часто поступала одновременно с противоположных полюсов политического пространства²¹⁸. Наиболее чувствительные удары закономерно приходились на офицерский корпус, как ядро и основу вооруженных сил.

Главными и наиболее последовательными оппонентами рейхсвера – в дебатах ли в рейхстаге, полемике в прессе или выступлениях на митингах – были, хотя не всегда со схожих позиций, представители левых сил политического горизонта Веймарской республики: социал-демократы и коммунисты. Мотивационным императивом для них, помимо сиюминутных политических интересов, служила, идеология пацифизма, получившая значительное распространение в Германии после Первой мировой войны²¹⁹. Прежнее военное руководство, «прусская военщина», обвинялось в том, что

²¹⁷ Разница в подходах указанных писателей к недавнему военному прошлому наиболее рельефно проявляется в романах «В стальных грозах» («In Stahlgewittern», 1920 г.) Эрнста Юнгера и «На западном фронте без перемен» («Im Westen nichts Neues», 1929 г.) Эриха-Марии Ремарка.

²¹⁸ Обобщенно данную ситуацию описал Гюнтер Блюментрит: «Крайне правые круги утверждали, что армия стала «красной», в то время как крайне левые доказывали, что она является инструментом «реакции». Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт. Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад». 1939-1945. М.: Центрполиграф: 2005, с. 21.

²¹⁹ Для коммунистов более характерной была критика рейхсвера с позиций классового подхода, обличающая его офицерский корпус в качестве «орудия господствующих классов».

во имя преследования их своекорыстных интересов Германия и её народ были вовлечены в бессмысленную кровавую бойню, подорвавшую силы империи и унесшую множество человеческих жизней. Применительно к текущей повестке дня руководство рейхсвера критиковалось за откровенно реваншистскую политику, сохранение на службе старых кадров, отличавшихся губительным для республики ультраконсерватизмом.

Отдельные представители пацифистского движения инициировали в прессе целые кампании по дискредитации вооруженных сил. Так, широкий резонанс в 1931 г. вызвала публикация левого журналиста Курта Тухольского «Охраняемый театр военных действий» («Der bewachte Kriegsschauplatz») в журнале «Вельтбюне»²²⁰. Автор обличал различные явления военного времени, в частности, действия военной полиции, и постулировал тезис, в дальнейшем получивший ограниченное распространение в пацифистских кругах Германии: «Солдаты – это убийцы!». Хотя это было не первое подобное категоричное высказывание Курта Тухольского, только после данной публикации оно получило известность²²¹. На публикацию не могли не отреагировать охранительные структуры и прежде всего само военное министерство и лично министр Вильгельм Грёнер. Главному редактору издания Курту фон Осецкому были предъявлены обвинения в оскорблении рейхсвера, однако суд оправдал его из-за отсутствия упоминания в статье конкретных лиц. Тем не менее, ответной реакцией на оправдательный приговор со стороны государства стало введение специальным указом рейхспрезидента закона о наказании в виде тюремного заключения за злонамеренное оскорбление военнослужащих²²². Хотя тезис об «убийцах» Курта Тухольского вызвал длительную философско-правовую дискуссию, продолжающуюся по сути до

²²⁰ Die Weltbühne, 04.08.1931, Nr. 31, S. 191. Статья вышла под псевдонимом Игнац Вробель, под которым Тухольский обычно публиковал пацифистские материалы.

²²¹ Впервые тезис о тождественности солдат и убийц был высказан Тухольским еще в 1912 г. Soldaten sind Mörder. Dokumentation einer Debatte. Hrsg. von. Nepp M, Otto V. Berlin: Links, 1996. S. 14.

²²² Verordnung des Reichspräsidenten zur Erhaltung des inneren Friedens. 19.12.1932 // RGBI. I. №80. 20.12.1932. S. 548-549.

сегодняшнего дня, надо отметить, что первоначальная общественная реакция в Германии не проявила признаков явной поддержки журналиста даже среди идеологически близких сил.

Главный редактор «Вельтбюне» Курт фон Осецкий также самостоятельно публиковал в своем журнале пацифистские и антивоенные материалы. «Мы имеем только маленькую армию, но большой милитаризм. Мы слишком привыкли подчиняться стучащему по столу генеральскому кулаку», - писал он в одной из статей за 1931 г.²²³. В статье «Две милых семейки», вышедшей в 1927 г., объектом его критики стала совместная якобы антиреспубликанская работа армии и юстиции в Германии²²⁴. Являясь главным редактором издания «Вельтбюне», Карл фон Осецкий в целом формировал характерный для пацифистских кругов тренд, обличающий рейхсвер как опасную для демократического государства силу.

Впрочем, голоса, осуждающие армию и офицерский корпус, можно было услышать и в менее тенденциозных изданиях. С первых дней существования рейхсвера он воспринимался в кругах, не разделяющих идеологию консерватизма и национализма, как потенциально инородная организация внутри республики. Сравнительное исследование таких изданий как «Форвертс» (Vorwärts), «Франкфуртер Цайтунг» (Frankfurter Zeitung) и «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен» (Münchner Neueste Nachrichten), предпринятое историком Густавом Трампе, показало, что при всей разнице в редакционной политике они рассматривали офицерский корпус рейхсвера в качестве преимущественно монархического, чья служба республике сопровождается «конфликтом мировоззрений»²²⁵. Естественным образом это порождало как минимум недоверие к офицерскому корпусу и, в худшем случае, обвинения в попытках узурпировать власть. Популярное издание «Берлинер тагеблатт» (Berliner Tageblatt) также акцентировало внимание на

²²³ Цит. по: Биск А.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново: ИвГУ, 1995. с. 142.

²²⁴ Ossietzky C.v. Zwei feine Familien // WB. 22.02.1927. Nr. 8. S. 281-283.

²²⁵ Trampe G. Reichswehr und Presse: Das Wehrproblem der Weimarer Republik im Spiegel von "Frankfurter Zeitung", "Münchner Neueste Nachrichten" und "Vorwärts". München: Univ., 1962.

монархических установках руководства рейхсвера и лично генерала Ганса фон Секта. Журналисты газеты предостерегали офицеров от буквального понимания аполитичности, утверждая, что всем военнослужащим необходимы базовые знания о государстве и конституции²²⁶.

Другим объектом критики оппонентов рейхсвера в медийном пространстве был военный бюджет, по их мнению, чрезмерно раздутый и свидетельствующий о скрытом перевооружении армии в обход условий Версальского договора. Публицист Отто Леманн-Русбюлт привёл в одной из своих работ небольшое собственное исследование, посвященное финансированию рейхсвера. В соответствии с ним, затраты на одного солдата в германской армии превышали таковые во Франции и Австрии и были больше, чем в предвоенном 1913 году, – и, таким образом, считал автор, не могли не быть завышенными²²⁷. Каждое обсуждение бюджета в рейхстаге действительно сопровождалось острыми дискуссиями об объеме финансирования армии. Анализ германского военного бюджета за 1930-1931 гг. И.П. Уборевичем содержит указание на дискуссии в рейхстаге относительно «расточительного хозяйства рейхсвера»²²⁸.

Предвзятый подход многих депутатов рейхстага к армии усугублял и без того неприязненное отношение офицеров к Веймарской республике. Государство с демократическими процедурами было в их представлении неспособно проводить эффективную военную политику, а лишь усложняло и без того непростую работу по сохранению армии в обход условий Версальского договора. Не будет преувеличением отметить, что именно депутаты рейхстага, недальновидно замыкаясь на собственных узкополитических интересах, во многом predeterminedели нежелание военных бороться за Веймарскую республику в кризисные для неё 1932-1933 гг.

Рейхсвер испытывал критику и со стороны идеологически близких консервативных и правых кругов. Несмотря на все усилия Ганса фон Секта,

²²⁶ T.W. // Berliner Tageblatt. 15.11.1920. Nr. 523. S. 1.

²²⁷ Lehmann-Rußbüldt O. Die Reichswehr. Gedanken eines Zivilisten. Berlin: Verl. der Scholle, 1930. S. 22.

²²⁸ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а, Д. 329. Л. 152.

рейхсвер объективно не мог соответствовать критериям полноценных вооруженных сил, способных вести успешные боевые действия против армий сопредельных государств. За всю свою историю армия Веймарской республики не приняла участия ни в одном международном вооруженном конфликте, будучи не в состоянии это сделать не только по дипломатическим, но и по техническим причинам²²⁹. Очевидная неполноценность новой армии вызывала много нареканий у сторонников форсированного национального возрождения.

Настоящим испытанием для авторитета армии и офицерского корпуса стал Рурский кризис 1923 г., сопровождавшийся военной оккупацией стратегически важного немецкого региона франко-бельгийскими войсками. Несмотря на многочисленные провокационные призывы, рейхсвер так и не вступил в открытое боестолкновение с оккупационными силами, а все противодействие им свелось к полупартизанской тактике, организованной по большей части фрайкоровцами и «черным рейхсвером» - незаконными вооруженными формированиями под негласным руководством офицеров. Бездействие военных породило в патриотично настроенных кругах точку зрения об офицерах как представителях «деградирующей профессии», неспособных защитить свою страну²³⁰. Ответить на эти обвинения военному руководству в условиях «версальского диктата» было крайне сложно.

Ограниченность своих возможностей осознавали и сами офицеры. Многие из них испытывали чувство апатии, бесперспективности своей работы. Советские военные специалисты, наряду с высоким профессионализмом офицеров рейхсвера, отмечали бросающийся в глаза упадок духа среди них, вызванный затяжной неблагоприятной политической обстановкой в Германии и отсутствием перспектив на службе²³¹.

²²⁹ Рейхсвер был задействован для подавления инициированных после Капповского путча (1920 г.) восстаний в Рурском промышленном районе и Тюрингии. Манштейн Э. фон. Из жизни солдата. Ростов н/Д.: Феникс., 2000. с. 50-51.

²³⁰ Haller C. *Militärzeitschriften in der Weimarer Republik...* S. 36.

²³¹ Из доклада заместителя начальника штаба РККА М.Н. Тухачевского в Реввоенсовет СССР о результатах изучения Рейхсвера во время осенних маневров 1925 г. // *Reichswehr und Rote Armee...* S. 82-83, 89.

Адаптировавшись к порядкам Веймарской республики, они, тем не менее, были разочарованы скромными возможностями её армии.

К претензиям со стороны консерваторов можно отнести критику «восточного курса» руководства рейхсвера, вынужденного сотрудничать с военными из Советского Союза. Особенно негативно воспринималась информация о присутствии на маневрах советских военспецов – рейхсвер обличали едва ли не в сотрудничестве с КПГ и Интернационалом. Здесь к критике присоединялись и социал-демократы. В сентябре 1927 г. в одной из партийных газет СДПГ города Гослара было написано: «Коммунисты не имеют права кричать больше об империализме. В армии империалистического рейхсвера, а маневрах 17 полка, участвуют русские офицеры»²³². Любопытно и показательное мнение русской эмигрантской прессы, представлявшей взгляды некогда воевавших с Красной Армией людей, видевших в сотрудничестве Красной Армии и рейхсвера прежде всего самоубийственное для капиталистического мира укрепление коммунистического строя: «Никто в Германии, ни одна политическая партия не усматривает в этом сотрудничестве двух органически враждебных друг другу сил преступления, прежде всего, против собственного народа»²³³. Военное руководство оправдывалось типичностью практики военного сотрудничества с другими странами²³⁴ и призывало видеть в Москве не центр «Интернационала», а правительство другой страны, с которым можно и нужно сотрудничать по военным вопросам, впрочем, выступая по отношению к СССР в качестве «идеологически закрытого» государства и решительно отклоняя международный большевизм²³⁵.

²³² Отчет о поездке в Германию командира и военного комиссара 5 стрелкового корпуса И. А. Тодоровского // *Reichswehr und Rote Armee...* S. 101.

²³³ Рейхсвер и Москва // *Возрождение*. 19.02.1932. Nr. 2454. с. 3.

²³⁴ «И когда утверждают, что проводится особая политика по отношению к России, то это во всех отношениях неправда.<...> С Россией мы поддерживаем такие же хорошие отношения, как и с любой другой страной. Мы учимся у них военному делу и показываем их офицерам, чего достигли мы, так же, как мы это делаем со Швецией, Испанией, Швейцарией, США и др.» General von Hammerstein über das Verhältnis der Reichswehr zur Roten Armee, 20.8.1930 // *Deutsche Geschichte 1918-1933. Dokumente zur Innen- und Außenpolitik...* S. 182

²³⁵ *Ibid.* S. 182-183.

Рассуждая в целом об особенностях формирования в обществе и государстве Веймарской республики социального статуса офицерского корпуса рейхсвера, необходимо, на наш взгляд, обозначить очевидную двойственность и непоследовательность этого процесса. С одной стороны, как справедливо замечали многие современники и историки, рейхсвер был в значительной степени отделен от общественной жизни Веймарской Германии и уже в силу этого занимал особое положение в немецком обществе. Принцип внеполитичности военных, заложенный Гансом фон Сектом в основу мировоззренческой позиции теперь ставших республиканскими германских войск, автоматически исключал армию из активной дискуссионной среды немецкого общества, помещая её «по ту сторону добра и зла» политизированной атмосферы в стране. В вопросе сохранения своего авторитета офицеры претендовали на континуитет с традицией кайзеровских времен, хотя объективных предпосылок для этого было не так много.

С другой стороны, Версальский договор серьезно ограничивал реальные возможности германских вооруженных сил. Офицеры могли долгое время поддерживать свой авторитет за счет образов великого прошлого, показательной обособленности и высокого профессионализма, однако отсутствие перспектив адекватного ответа вызовам со стороны вероятных противников подрывало их высокий статус. Это воочию показало развитие событий в кризисном 1923 г. Первый долг военного человека – защищать свою страну от иноземного вторжения, а здесь весь рейхсвер находился в уязвимом положении, имея возможность в лучшем случае лишь бороться с внутренней смутой, но ограниченная лишь такими рамками задача была не в немецких военных традициях²³⁶.

Объективное желание офицерского корпуса рейхсвера сохранить и укрепить боеспособность армии наталкивалось на жесткие внутри- и

²³⁶ С учетом того, что на закате Веймарской республике численность гитлеровских СА превышала рейхсвер в несколько раз, даже эта задача становилась непростой.

внешнеполитические условия Веймарской Германии и, что было еще более неприятно, на критику депутатов рейхстага и пацифистских кругов, что также способствовало формированию атмосферы недоверия между армией и обществом. Несмотря на сохранение своего особого статуса, офицеры не могли в полной мере ощущать себя значимой частью немецкого общества и были уязвимы перед нападками со стороны политических оппонентов. Всё это укрепляло ощущение отчужденности рейхсвера, его замкнутости и закрытости и у самих военных, и в общественном мнении. Дополнительно оно подтверждалось довольно консервативным социальным портретом новой республиканской армии, внутри которой посчастливилось остаться в основном представителям аристократии и потомственным военным.

§ 1.2. Положение германского офицерского корпуса в Третьем рейхе в 1933-1939 гг.

Приход к власти национал-социалистов в 1933 г., ознаменовавший глубокие перемены в немецком обществе, не оставил в стороне положение офицерского корпуса стремительно развивающегося рейхсвера-вермахта²³⁷. Курс на форсированное уничтожение «оков Версаля», неизбежно предполагавший масштабное перевооружение и увеличение численности вооруженных сил, а также расово-националистическая идеология нацизма практически сразу вернули военные вопросы в ряд приоритетных направлений политики государства и в фокус общественного внимания.

Еще задолго до своего назначения рейхсканцлером Адольф Гитлер уделял значительное внимание рейхсверу и его офицерскому корпусу, стремясь заручиться поддержкой военных. Гордясь собственным военным опытом, бывший ефрейтор кайзеровской армии и ветеран Первой мировой войны Адольф Гитлер неоднократно подчеркивал важное значение

²³⁷ Несмотря на то, что официально переименование рейхсвера в вермахт произошло с принятием нового военного закона в 1935 г., термин «вермахт» применительно к германским вооруженным силам использовался в документации военного министерства и СМИ уже с середины 1920-х гг.

вооруженных сил для всей германской истории. В «Моей борьбе» фюрер НСДАП писал, что Германия обязана своей армии буквально «всем»²³⁸. На Ульмском процессе над агитировавшими за нацистов лейтенантами в 1930 г. он снова подтвердил свое глубокое уважение ко всему военному сословию, заявив, что хочет сохранить и развивать рейхсвер как мощные вооруженные силы во главе с его офицерским корпусом и совершенно не заинтересован в его разрушении²³⁹. Даже несмотря на наличие штурмовых отрядов (СА), «партийного войска», претендующего в своих мечтах на роль новой армии в будущем государстве, антиармейская риторика нацистов в период до 1933 г. была в целом весьма ограничена и скорее ситуативно затрагивала отдельные личности²⁴⁰, чем армию и офицерское сословие в целом. Сама идеология национал-социализма, сочетающая в себе культ войны, агрессивный реваншизм и дух фронтового товарищества, объективно не могла выступать против армии и офицеров как носителей добродетелей славного прошлого. Тезис о том, что национал-социализм вырос из духа фронтового братства, будут активно использовать в своей работе пропагандисты НСДАП, а после 1933 г. – и про-нацистски настроенные офицеры²⁴¹. Таким образом, офицерский корпус имел все основания рассчитывать на континуитет и развитие своего привилегированного общественного статуса при установлении нацистского господства.

Действительно, после 1933 г. начался принципиально новый этап встраивания офицерского корпуса рейхсвера в немецкое общество, формирования его статуса и авторитета одновременно на основе старых и новых идеологических постулатов. В основном нацистскими функционерами была сделана ставка на формальное сохранение элитарного статуса

²³⁸ Гитлер А. Моя борьба. Каунас: Т-ОКО, 1992. с. 233.

²³⁹ Auszug aus Hitlers Erklärung über seine Einstellung zur Reichswehr im Ulmer Reichswehrprozeß am 25. 9.1930. // Müller K.-J. Armee und Drittes Reich 1933 -1939: Darstellung und Dokumentation. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1997. S. 156.

²⁴⁰ Можно вспомнить кампанию против фон Секта в *Völkischer Beobachter*, предшествующую «Пивному путчу», отдельные нападки против Грёнера из-за запрета СА в 1932 г.

²⁴¹ Förtsch H. Die neue deutsche Wehrmacht // *Wehrfreiheit*. Jahrbuch der «Deutschen Gesellschaft für Weltpolitik und Wehrwillenshaften». Hamburg. 1935. S. 16.

офицерского корпуса при соблюдении принципиально нового условия - фактически полного встраивания его в унифицированное «народное сообщество», подчиненное воле фюрера Адольфа Гитлера и единственно правильной идеологии нацизма. Роль и место вооруженных сил в обществе Третьего рейха определялись сочетанием таких элементов национал-социалистической идеологии как концепция «двух опор» (*Zwei Säule*) «народного сообщества» (*Volksgemeinschaft*) и «принципа фюрерства». При этом с момента восстановления всеобщей воинской повинности в 1935 г. новый импульс получили и традиционные концепции «армии-школы нации» и «офицера-воспитателя», которые сопровождались идеологически обусловленной трансформацией.

Безусловно, наиболее значительным «реверансом» новой власти в сторону военных была доктрина «двух опор», по которой они фактически приравнивались в своем авторитете к основе всего государства – нацистской партии. Впервые она была озвучена Гитлером перед депутатами рейхстага ровно через год после своего назначения рейхсканцлером – 30 января 1934 г.²⁴². В соответствии с ней вермахт был призван защищать Германию от внешних врагов как надежный «меч фюрера». НСДАП же отвечала за внутреннее развитие страны, являясь единственным выразителем политической воли нации²⁴³. Отчасти концепция «двух опор», как ни странно, продолжала традицию аполитичного рейхсвера Веймарской республики. Как и раньше, даже в еще большей степени, армию не предполагалось использовать для решения внутривнутриполитических задач. Для этого у нацистов появились другие, может быть, более управляемые, преданные и действенные инструменты. Вместе с тем, отстраняя армию от участия в насилии внутри Германии, Гитлер получал определенные гарантии невмешательства офицерского корпуса в тех случаях, когда те или иные

²⁴² *Völkischer Beobachter* 31.1.1934.

²⁴³ Müller K.-J. *Das Heer und Hitler...* S. 63.

акции внутри государства и общества опосредованно затрагивали интересы военных или не совпадали с привычными для них этическими нормами.

Со своей стороны Гитлер показательно гарантировал военным полную неприкосновенность и неограниченное доверие, едва ли не большее, чем даже нацистской партии. В своей речи перед офицерами и партийными функционерами в Кролль-опера 3 января 1935 г. он заявлял: «Возможно, кто-нибудь из партии придет ко мне и скажет: «Все это очень хорошо, мой фюрер, но генерал такой-то говорит и работает против вас!». Тогда я отвечу ему: «Я в это не верю». А если кто-нибудь другой ответит: «Я принесу вам письменные доказательства!», то, когда он мне их принесет, я разорву их в клочья, потому, что моя вера в вермахт непоколебима»²⁴⁴. Однако на деле эти гарантии остались лишь политической риторикой, быстро испаряясь в случае несогласия с проводимой нацистами политикой.

Большое значение для нового положения офицеров в немецком обществе в 1933-1939 гг. имели концепции «народного сообщества» и «принцип фюрерства». В своем сочетании они стремились нивелировать любое неравенство среди граждан немецкой крови и сделать их одинаково зависимыми от политической воли фюрера Адольфа Гитлера. Для офицерского корпуса новой армии это означало немедленное и значительное размывание социального состава и сословной замкнутости – как вследствие объективной необходимости набрать значительное число офицеров для только что сформированных дивизий, так и в новых кадровых подходах, ориентированных не только на социальный статус и профессионализм, но и – или даже прежде всего – на политическую лояльность режиму и фюреру. Офицерам отныне предписывалось укреплять связь с народом, что на практике означало принудительное установление более тесных отношений с НСДАП и ее многочисленными организациями. Так, в указе от 29 июня 1934 г. военный министр Вернер фон Бломберг предписывал руководству воинских частей проводить совместные праздничные и иные мероприятия с

²⁴⁴ Цит. по: O'Neill R. The German Army and the Nazi Party, 1933-1939. London: Cassell, 1966. p. 97.

местными партийными органами и нацистской массовой досуговой организацией «Сила через радость»²⁴⁵. Аналогичные призывы звучали по отношению к сближению с Гитлерюгендом, СА и СС.

Под предлогом укрепления «народного духа» внутри армии и офицерского корпуса фактически проводилась политика по нацификации вооруженных сил, с ведома и при непосредственном участии военного министерства. При этом большинство элементов национал-социалистической идеологии преподносились как производные от традиционных солдатских добродетелей и поэтому изначально духовно близкие офицерам. В уже упомянутом выше указе от 29 июня 1934 г. военный министр В. фон Бломберг предписывал распространять во всех воинских частях печатные издания нацистского союза «Народный дух и родина» (Reichsbund Volkstum und Heimat) для культурно-просветительской работы²⁴⁶. Однако суть нацизма состояла не столько в элементах «народнической» концепции, сколько в расово-биологической теории, в гипертрофированном виде развивавшей идею избранности германской расы. В такой трактовке это мировоззрение многим офицерам предстояло не только усвоить как единственно правильное, но и сделать его руководством к действию. В то же время национал-социализм, особенно в ранний период своего правления, преподносился офицерам, прежде всего, как производное от истинного «солдатского духа», и нацификация зачастую проводилась под видом своеобразного возвращения «к истокам», традиционным для военного сословия добродетелям.

«Принцип фюрерства» вводился в вооруженные силы через присягу, которая с августа 1934 г. была ориентирована лично на Гитлера, а не на Отечество-Германию, как это было раньше. Тогда офицерский корпус внешне, казалось, никак не отреагировал на то, что оказался связан текстом присяги лично с фюрером. Для большинства офицеров «фюрер-принцип»

²⁴⁵ Erlaß des Reichswehrministers, Generaloberst v. Blomberg, 29. Juni 1934 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 258.

²⁴⁶ Ibidem.

был своеобразной вариацией понятных для армии отношений командира и подчиненного, и они зачастую просто не могли понять (или не обращали на это особого внимания в условиях массовой поддержки нацистов), что же принципиально новое для военной среды вносила концепция абсолютной личной верности и преданности вождю. Безусловный характер подчинения, устранение любых элементов сомнений и дискуссий, безальтернативная поддержка любых акций и политики национал-социализма – все эти характерные для «принципа фюрерства» черты в полной мере проявятся только после начала Второй мировой войны.

Необходимость укреплять связь офицерского корпуса с народными массами диктовалась и фактическим возвращением к жизни концепций «армии-школы нации» и «офицера-воспитателя» в том виде, в котором они существовали при всеобщей воинской повинности, но с иным идеологическим наполнением. Как и в вильгельмовской Германии, служба в армии с принятием нового военного закона в 1935 г. снова становилась последней и во многом решающей ступенью социализации молодых немцев. Гитлер придавал большое значение воспитательному потенциалу вооруженных сил и выражал позитивную оценку кайзеровской армии как «самой могучей школы для всей немецкой нации»²⁴⁷. В таком же качестве он хотел видеть вермахт и в Третьем рейхе, конечно, с учетом всех характерных особенностей нацистского государства.

С Гитлером были солидарны и многие офицеры, которые стремились прояснить и сформулировать роль офицерского корпуса в новых условиях, совмещая старые традиции с идеологией национал-социализма и текущими политическими реалиями. Влиятельный немецкий военный публицист эпохи Третьего рейха Герман Фёрч указывал, что в задачи вермахта, наряду с обороной страны от внешних угроз, входит «политическое образование

²⁴⁷ Гитлер А. Моя борьба... С. 232.

германского народа»²⁴⁸, тем самым возвращая к жизни концепции «армии-школы нации» и «офицера-воспитателя». Рейхсверовский идеал аполитичного офицера веймарского периода был решительно отброшен в сторону. Он признавался уместным для позорной республики, где армию действительно следовало защищать от дестабилизирующего влияния множества партий, преследовавших своекорыстные интересы. Но теперь, в новых условиях, когда весь немецкий народ оказался объединенным национально ориентированной партией с безусловным лидером во главе, по словам Бломберга, «время аполитичности прошло»²⁴⁹. Утверждая преемственность с военными добродетелями, восходящими еще к прусской армии, военные идеологи особенно подчеркивали необходимость единства с НСДАП и народом. В 1938 г. адмирал Канарис сформулировал четыре главные задачи вермахта в немецком обществе, в соответствии с которыми он должен был быть²⁵⁰:

- 1) Образцом воплощения национал-социалистического мировоззрения.
- 2) Образцом воплощения чистой идеи фюрерства.
- 3) Школой воспитания молодых солдат для немецкого государства
- 4) Олицетворением народного сообщества в образцовой форме.

Таким образом, армия одновременно должна была совмещать образовательные, воспитательные функции и служить проводником национал-социалистической идеологии. При этом она представлялась в качестве идеальной модели германского «народного сообщества», основанного на дисциплине и строгой иерархии.

Настоящий показательный разбор кайзеровской концепции «офицера-воспитателя» предложил майор Корс из Мюнхена в своей статье «Офицер как воспитатель в Третьем рейхе»²⁵¹. Это название он подчеркнуто взял из

²⁴⁸ Förtsch H. Die neue deutsche Wehrmacht // Wehrfreiheit. Jahrbuch der «Deutschen Gesellschaft für Weltpolitik und Wehrwissenschaften». Hamburg. 1935. S. 17.

²⁴⁹ Кноп Г. История вермахта. Итоги. СПб.: «Питер», 2009. с. 25.

²⁵⁰ Kanaris W. Politik und Wehrmacht // Wehrmacht und Partei. Hrsg von Donnevert R. Leipzig:Barth, 1939. S. 45.

²⁵¹ Cohrs W. Der Offizier als Erzieher im Dritten Reich // Wehrmacht und Partei. Hrsg. von Donnevert R. Leipzig: Barth, 1939.

старой брошюры, вышедшей в 1888 г. - «Офицер как воспитатель народа». Отдавая должное её оставшимся безымянными авторам, он, тем не менее, отмечает, что цель с того времени – полное воспитание немецкого народа – достигнута так и не была, а следствием явилось поражение в Первой мировой войне. По мнению майора Корса, в этом не было вины офицеров – они не имели возможности действовать эффективно в условиях бессильного парламентаризма и господства «внутренних врагов» (социал-демократов, пацифистов и др.) в немецком обществе. Отсутствовала и единая система «воспитания» - фактически офицер действовал без поддержки государства в ограниченных масштабах компетенций вооруженных сил. Только Третий рейх с единой «народной общностью» и выстроенной всеобъемлющей системой идеологического воздействия на массы смог обеспечить офицерам положение настоящего «воспитателя нации», - заключает автор. Сам офицер теперь уже не аполитичный и зачастую идейно аморфный «слуга кайзера», но сознательный национал-социалист, единый до последней буквы в своих мировоззренческих убеждениях со своим народом и НСДАП. Сочетание командных и политико-воспитательных функций дает возможность автору определять офицера не просто как руководителя (Vorgesetzter), а как «фюрера» (Führer) – харизматичного лидера для своих подчиненных с высоким авторитетом. Так на уровне офицерского корпуса находит реальное и понятное военным воплощение партийный «принцип фюрерства», пронизывавший отныне все немецкое общество и государственные структуры.

Несмотря на всю кажущуюся логичность размышлений майора Корса, надо сразу же заметить, что вся система социализации граждан в Третьем рейхе в реальности, наоборот, снижала значение воспитательных функций офицера в немецком обществе. Молодые люди, как правило, попадали в армию уже после продолжительного членства в Гитлерюгенде и года трудовой повинности, где проводилась всесторонняя интеграция в «народное сообщество», предполагавшая даже более интенсивную идеологическую

обработку, чем в вооруженных силах. В отличие от партийных руководителей, изначально определенных еще доктриной «двух опор» в «политические воспитатели», офицеры были еще и военными командирами и они, естественно, не могли тратить всё свое служебное время на решение приоритетных воспитательных задач с личным составом. Сам Гитлер, рассуждая о воспитании молодежи в одной из своих речей в 1938 г., упоминал службу в вермахте лишь в конце, хотя и в качестве последней, решающей фазы, придавая бóльшее внимание допризывным национал-социалистическим союзам: «...когда эти мальчики и девочки в десять лет приходят в наши организации и зачастую только там впервые получают и ощущают свежий воздух, через четыре года они попадают из Юнгфолька в Гитлерюгенд, где мы их оставляем еще на четыре года, а затем мы отдаем их не в руки старых родителей и школьных воспитателей, но сразу же принимаем в партию или Рабочий фронт, в СА или СС, в НСКК²⁵² и т. д. А если они там пробудут полтора или два года и не станут совершенными национал-социалистами, тогда их призовут на «трудовую повинность» и будут шлифовать в течение шести-семи месяцев с помощью весьма определенного символа – немецкой лопаты. А тем, что останется через шесть или семь месяцев от классового сознания или сословного высокомерия, в последующие два года займётся вермахт»²⁵³. Как и в кайзеровские времена, вермахт оставался последней ступенью социализации молодых немцев, однако одновременно его фактическое значение «школы нации» было снижено за счет выстраивания единой системы работы с молодежью допризывного возраста в Третьем рейхе, в первую очередь, в Гитлерюгенде²⁵⁴.

²⁵² NSKK, Nationalsozialistisches Kraftfahrkorps – Национал-социалистический механизированный корпус.

²⁵³ Цит. по: Seifert M. Kulturarbeit im Reichsarbeitsdienst. Münster. 1996. S. 173.

²⁵⁴ Высокий боевой дух частей, сформированных непосредственно из членов Гитлерюгенда на заключительном этапе Второй мировой войны (напр. 12 дивизия СС «Гитлерюгенд», сформированная преимущественно из 17-летних воспитанников гитлеровской молодежной организации), может служить показателем того, что задача по социализации молодого поколения в основном выполнялась еще до службы в вермахте.

Примечательно и то, что при этом и военное, и партийное руководство отказалось от удобного на первый взгляд решения ввести в войсках институт, подобный советским комиссарам²⁵⁵. В вермахте офицер принципиально сохранялся в качестве единоличной авторитетной командной фигуры, что должно было свидетельствовать о высоком доверии к нему и одновременно предъявляло не столько к профессиональным качествам, сколько к мировоззренческим нацистским взглядам высокие требования. Национал-социализму в качестве состояния души офицера любого ранга альтернативы просто не могло быть. В статье «Партия и вермахт», опубликованной в почти одноименном сборнике «Вермахт и партия» в 1939 г., провозглашается, что «в Германии нет политических комиссаров, т.к. не существует принципиальных различий между военным и политическим руководителем»²⁵⁶. Если офицер и сталкивался с трудностями во время воспитательной работы с личным составом, то ему рекомендовалось обращаться не к своей совести или тем более к религиозным убеждениям, а к книге «Моя борьба», речам Гитлера и других нацистских функционеров²⁵⁷, где все было прописано за него.

В самом немецком обществе времен Третьего рейха офицерский корпус по-прежнему рассматривался в качестве особой привилегированной группы. Бурное развитие вооруженных сил закономерно приковывало внимание к новой армии, которая вопреки Версальскому договору с видимой легкостью пересаживалась из фанерных танков в современные образцы военной техники, заново покоряла воздушное пространство на боевых самолетах, без единого выстрела торжественно вступала в различные земли с немецкоязычным населением, тем самым строя новое немецкое будущее, свободное от «версальского позора». Сами офицеры, даже те из них, кто был

²⁵⁵ Должность офицера по национал-социалистическому воспитанию (Nationalsozialistische Führungsoffizier, NSFO) была введена только в конце 1944 г.

²⁵⁶ Donnevert R. Partei und Wehrmacht // Wehrmacht und Partei. Hrsg. von Donnevert R. Leipzig: Barth, 1939. S. 29.

²⁵⁷ Über politisches Denken und Willen des Offiziers. Von Generalmajor z. B. Haenicke. // Deutsche Wehr. Nr. 28. 14 июля 1939 г. S. 506-507.

настроен по отношению к нацистам с осторожностью, не без удовольствия отмечали позитивные перемены со времен гнетущей атмосферы Веймарской республики. Генерал Мориц фон Фабер дю Фор описывал свои впечатления от первых учений в 1935 г. обновленной германской армии следующим образом: «Это были первые маневры после введения всеобщей воинской повинности. Генералы сияли, и все, включая Фрича, демонстрировали верноподданность своему великому полководцу. У меня сложилось впечатление, что всеми ими владела одна лишь мысль: показать себя в деле. [...] Теперь мы что-то значим! – это чувствовалось на каждом шагу... [...] У меня было такое впечатление, что я и сам начинаю держать голову выше, даже не отдавая себе отчета почему»²⁵⁸.

Существенно улучшилось с веймарских времен финансовое довольствие офицеров. По данным российского историка А.М. Ермакова в середине 1930-х гг. ежегодный доход генерала составлял 24 тыс. рейхсмарок, генерал-лейтенанта – 19 тыс. рейхсмарок, генерал-майора – 16 тыс. рейхсмарок, полковника 12,6 тыс. рейхсмарок, подполковника – 9,7 тыс. рейхсмарок, майора – 7,7 – 8,4 тыс. рейхсмарок, капитана – 4,8 – 6,9 тыс. рейхсмарок, старшего лейтенанта – 2,4 – 4,2 тыс. рейхсмарок при средней зарплате рабочего 110 рейхсмарок в месяц²⁵⁹. Кроме обычного жалования генералам выплачивались и крупные разовые выплаты. Так, в 1935 г. давно пребывавший в отставке фельдмаршал Август фон Маккензен получил в благодарность за свою поддержку гитлеровского правительства имение размером в 1250 га, которое обслуживали около 200 работников. В этом же году значительные денежные подарки получили многие представители генералитета: Герд фон Рундштедт, Эрхардт Мильх и Ганс фон Клюге получили по 250 тысяч рейхсмарок, Ганс фон Клюге 480 тысяч марок, а гросс-адмирал Эрих Редер и Гуго Шперле получили в подарок картины стоимостью от 38 до 90 тысяч рейхсмарок. Вильгельм Кейтель получил 250

²⁵⁸ Faber du Faur M. v. Macht und Ohnmacht: Erinnerungen eines alten Offiziers. Stuttgart: GüntherVerlag, 1953. S. 188-189.

²⁵⁹ Ермаков А.М. Очерки истории германского вермахта... с. 84.

тыс. рейхсмарок в качестве дотации на свое имение и 730 тыс. рейхсмарок в качестве личного подарка от Гитлера²⁶⁰. Не будет сильным преувеличением отметить, что лояльность офицеров гитлеровскому режиму имела под собой, таким образом, и весьма прагматичные соображения.

В то же время, при очевидном росте боевой мощи германской армии в 1933-1939 гг., представления об элитарной роли офицерского корпуса в обществе в данный период всё более ограничивались областью высоких профессиональных качеств, чем признанием особого места в социуме, политической жизни. «Государство фюрера» могло иметь лишь один источник авторитета, и офицеры могли обладать им ровно в той мере, в какой это определялось Адольфом Гитлером. Со смертью в 1934 г. рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга офицерский корпус лишился символического гаранта собственной неприкосновенности. Все проходившие в Третьем рейхе общественно-политические процессы: нацификация, ариизация, построение народного сообщества и т.п. затрагивали офицерский корпус в той же мере, в какой и все население Германии²⁶¹. Категоричное высказывание Германа Геринга: «Кто здесь еврей – решать мне» - относительно кадровой политики в Люфтваффе было позволительно ему как второму человеку в нацистской партии, а не как заслуженному офицеру с боевым прошлым. Сам вермахт не мог противопоставить рейхсмаршалу-нацисту в своем руководстве ни одной фигуры, равной ему по влиянию.

Несмотря на все показательные комплименты в адрес армии и военных, Гитлер неоднократно проявлял характерное недоверие к офицерскому корпусу, имевшее прямые последствия для его общественного статуса. Вопреки им же провозглашенной доктрине «двух опор» монополия вермахта как «оруженосца нации» подвергалась постоянным конкурентным нападкам со стороны «партийных армий» - сначала СА, а затем, после «Ночи длинных

²⁶⁰ Данные по разовым денежным выплатам: Wette W. Die Wehrmacht. Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. Frankfurt am Main: Fischer, 2005. S.155.

²⁶¹ Вопрос влияния нацистской расовой и религиозной политики на офицерский корпус вермахта будет рассмотрен в 3-й главе работы.

ножей» 1934 г., и СС. Если за штурмовиками еще с периода «борьбы за власть» закрепилась сомнительная репутация революционеров с пистолетом в одной руке и пивной кружкой в другой, не слишком дисциплинированных и со значительной долей зараженности взглядами «левой оппозиции» в НСДАП, то части СС воспринимались в партии и обществе как принципиально иное явление. «Черная гвардия» рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера сразу приобрела репутацию закрытого ордена для элиты арийской расы, исключительно преданного лично фюреру и его идеям. Для немецкой молодежи, особенно из бывших низов, представители которых имели теперь новые возможности партийно-государственной карьеры, служба в СС становилась предпочтительнее, чем поступление в офицерское училище²⁶². К тому же особая символика, черные мундиры, руны на петлицах, «мертвая голова» на фуражках выглядели в её глазах зачастую притягательнее традиционных галунов и аксельбантов военной аристократии со своими кастовыми законами и замкнутостью.

В полной мере осознавая свой особый статус, сначала штурмовики (до июня 1934 г.), а затем эсэсовцы не боялись идти и на открытые провокации по отношению к солдатам и офицерам вермахта. Нередко такие эксцессы заканчивались даже публичными драками и избиениями офицеров – чего не было, например, даже в революционном ноябре 1918 г.²⁶³. Наиболее вопиющие случаи разбирались на уровне армейского и эсэсовского руководства²⁶⁴. Впрочем, в таких делах командиры «черной гвардии» взаимодействовали с военными с явной неохотой, в очередной раз используя возможность подчеркнуть свое особое положение в «государстве фюрера».

Сложившаяся ситуация вялотекущего соперничества между вермахтом и СС полностью устраивала Гитлера как руководителя государственной

²⁶² Уже в годы войны, особенно на её завершающем этапе, руководство вермахта сетовало на то, что лучшее по своим качествам пополнение стремится воевать в рядах частей Ваффен-СС. Кейтель В. Размышления перед казнью... с. 330-331.

²⁶³ Про конфликты между вермахтом и СС: O'Neill R. The German Army and the Nazi Party, 1933-1939. London: Cassell, 1966. p. 99-100.

²⁶⁴ Фрай Н. Государство Фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933 – 1945. М.: РОССПЭН, 2009. с. 15-16.

машины, построенной на принципе «управляемого хаоса» («борьбы компетенций») и диктатора, исповедовавшего тезис «разделяй и властвуй». Он был в равной степени заинтересован и в сохранении традиционного офицерского корпуса как организационно-командного ядра вермахта, аккумулировавшего в себе огромный военный опыт, и в создании нового центра военно-политической силы в виде СС, с нуля выстроенных в традициях национал-социалистической расовой идеологии. Данный подход ограничивал роль офицерского корпуса выполнением инструментальных функций вооруженной силы страны, минимизируя его влияние на политические процессы.

Таким образом, общественный статус германского офицерского корпуса в 1918-1939 гг. претерпел сложный период значительной внутренней трансформации. К началу Первой мировой войны офицеры занимали традиционно элитарное положение в восприятии немецкого общества, их исключительное влияние было основано одновременно на социальном происхождении, высоком профессионализме, особой роли «воспитателей нации». Они пользовались авторитетом «первых слуг» кайзера и рассматривались как выразители его власти. Однако четыре года войны, закончившиеся горьким поражением, привели к тому, что офицерский корпус оказался под ударом недовольства миллионов немцев, вынужденно одевших военную форму. Революция 1918/1919 гг. впервые столкнула военную элиту с открытым проявлением неповиновения со стороны солдат, хотя и в относительно мягких формах. Солдатские Советы, которые по сути могли бы заменить офицеров или хотя бы принимать участие в назначениях их на командные должности, были слишком радикальным явлением для всей немецкой военной истории и, за неимением массовой поддержки, оказались обречены на исчезновение.

Наоборот, Версальский договор и сформированная по его условиям армия Веймарской республики оказались теми факторами, которые оказывали определяющее влияние на положение и восприятие офицеров в

обществе в 1919-1933 гг. 100-тысячный рейхсвер, рассматривавшийся и своими творцами, и общественностью как попытка сохранить ценные кадры старой армии, в значительной степени обладал высоким авторитетом лишь в качестве наследника великого прошлого, а не как источник реальной силы.

Успев вовремя минимизировать для себя угрозы со стороны революции 1918/1919 гг., приспособившись к стесненным моральным и материальным условиям своего существования в период республики, офицерский корпус оказался абсолютно не готов к сути революции национал-социалистической. Офицеры, в основном, с определенной долей воодушевления поверили в обещание Гитлера сделать армию одной из надежных опор государства, а Германию – подлинно великой страной. Однако они оставили без должного внимания, а в отдельных случаях и с легкостью приняли расово-биологические и другие аспекты идеологии национал-социализма, личностные качества «фюрера и рейхсканцлера», в результате оказавшись встроенными вместе с остальными в унифицированное общество Третьего рейха со своими скорее призрачными привилегиями, а не с реальным внепартийным высоким статусом.

Глава 2. Офицерский корпус как часть политической элиты Германии. 1918-1939 гг.: иллюзии и реальность

§2.1. Офицерский корпус и политические силы Веймарской республики. 1918-1933 гг.

Понятие политической элиты имеет множество определений в исторической науке, политологии и социологии. Согласно дефиниции авторитетного отечественного элитолога Г.К. Ашина²⁶⁵, элита – это высшая страта в системе стратификации (независимо от оснований этой стратификации), управляющая подсистема в иерархизированной системе, доминантное меньшинство общества, являющаяся референтной группой для большинства общества, модель поведения, формальный и неформальный авторитет. Политическая элита характеризуется им как высокоинтегрированная социальная группа, контролирующая основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества, группа, определяющая государственную политику, влияющая на управление всеми сферами социальной жизни, принимающая важнейшие стратегические решения.

Является ли офицерский корпус, исходя из данного определения, политической элитой в государстве? Безусловно, военное руководство, в особенности генералитет, принадлежат к тем социальным группам, которые принимают непосредственное участие в государственном управлении. На них возложена обязанность по организации вооруженной обороны страны в случае внешней агрессии, военно-стратегическое планирование, проведение военных операций и другие сопутствующие задачи. Представители военного командования наравне с гражданскими руководителями входят в узкий круг лиц, ответственных за управление страной. В то же время, за исключением

²⁶⁵ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. с. 254-255.

ситуаций установления открытой военной диктатуры – хунты – военная элита жестко ограничена в своих властных полномочиях решением специальных задач в области обороны. По мнению ряда исследователей, длительное существование государства в условиях отсутствия вооруженных конфликтов объективно приводит к отмиранию офицерского корпуса как субъекта власти, обретению им сугубо инструментального значения по отношению к ней²⁶⁶. Военные теряют черты политической элиты и становятся элитой функциональной, т.е. ориентированной на выполнение своих профессиональных задач без влияния на политические процессы. При этом обратный процесс – усиление политической власти офицерского корпуса – возможен не только при наступлении военного времени, но и с возникновением общественно-политической нестабильности внутри государства, заставляющей военных прилагать усилия для защиты и собственных интересов, и целей режима²⁶⁷.

Обращаясь к примеру германского офицерского корпуса накануне Первой мировой войны, стоит отметить, что на протяжении всей последней трети XIX – начала XX вв. он укреплял собственное положение как значимая элитарная группа Германской империи. Характерной особенностью положения армии и офицерского корпуса в политическом пространстве вильгельмовской Германии была их фактическая независимость от представительных органов власти. Контроль рейхстага над вооруженными силами ограничивался правом утверждения раз в семь лет военного бюджета, во всех остальных вопросах депутаты рейхстага были практически бессильны в своих инициативах.

Офицерский корпус подчинялся и чувствовал себя подотчетным исключительно фигуре кайзера. С одной стороны это обстоятельство, безусловно, ставило офицеров в положение влиятельной государственной

²⁶⁶ Панов А.И. Офицерский корпус в военных режимах XX века. М.: «Везелица», 1999. с. 22-23.

²⁶⁷ Там же. С. 23.

элиты. Существенное значение здесь имел политический курс последнего императора Вильгельма II, особенности его личности. Его курс на «мировую политику», сопровождавшийся увеличением численности вооруженных сил, их модернизацией и перевооружением, закономерно усиливал политические позиции военных, не давая им замкнуться на тривиальном поддержании действующей боеспособности войск. Он прививал это стремление всему обществу, оно его отзывчиво принимало, в том числе и прежде всего офицеры. Ведь речь шла об их роли в будущем! Генералы видели в кайзере надежного партнера и политического покровителя, способного не только ратовать за увеличение военного бюджета, но и защищать армию от нападков со стороны политических оппонентов: пацифистов и социал-демократов. Любые серьезные посягательства на права военных преследовались в том числе и в судебном порядке. Резонансный «случай в Цаберне»²⁶⁸, уже упомянутый выше, наглядно продемонстрировал неприкосновенность офицеров, даже невысоких званий, перед гражданским правосудием.

В то же время, именно исключительные отношения между кайзером и офицерским корпусом не позволяли последнему трансформироваться в полноценную политическую элиту, оставаясь буквально в полушаге от данного статуса. Каким бы высоким авторитетом не обладал Генеральный штаб или строевое офицерство – они оставались, прежде всего, подданными (в едва ли не в восходящем к средним векам значении этого слова) своего правителя. Прирожденный монархизм офицерского корпуса не позволял им рассматривать себя как группу людей, претендующую на какую-либо исключительную политическую власть, выходящую за рамки компетенции кайзера. Слухи о назначении канцлером начальника Генерального штаба оставались уделом измышлений или опасений либеральной

²⁶⁸ «Случай в Цаберне» - произошедший в 1913 г. конфликт между городским управлением города Цаберн (Эльзас) и командованием расположенной в нём воинской части из-за провокации со стороны офицеров по отношению к местному населению. Обвиняемые офицеры были полностью оправданы или отделались символическими наказаниями.

общественности²⁶⁹. Офицерский корпус неизменно оставался не более чем верным «мечом» кайзера.

Сказывался и культивируемый в самой армейской среде идеалистический облик аполитичного офицера, исключавший всякую политическую активность²⁷⁰. При этом даже в своей профессиональной деятельности офицерам предписывалось, по словам Шлиффена, «оставаться в тени»²⁷¹, что окончательно превращало их в загадочную «вещь в себе», до известной степени оторванную от всякой политической жизни. Характерная этика профессии военного в крайнем случае оставляла им малопочётную роль политических интриганов при дворе кайзера – возможность, которой на самом деле они пользовались весьма активно. При этом важно отметить, что речь никогда не шла о возможности свободы мысли и политических симпатий – либерально-республиканский офицер был бы в своей среде изгоем. Видимость дистанцирования от политики, «надпартийность» при культивируемой «естественности» монархических убеждений – вот портрет германского офицера.

Фактически единственным дозволенным способом открытого проявления политической активности офицеров могло быть лишь выражение своего экспертного мнения по военным и политическим вопросам, но и в этом случае – по большей части не в действующей армии. Из-под пера генералов-отставников выходили не только публицистические брошюры, но и объемные исследования, претендовавшие на фундаментальную научность.

Так, ярким примером плеяды «пишущих генералов» может служить литературная деятельность генерала Фридриха фон Бернхарди, который сделал впечатляющую военную карьеру, имел обширные связи среди военного руководства и лично несколько раз встречался с императором

²⁶⁹ Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в её развитии. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2012. с. 199.

²⁷⁰ Подробнее проблема аполитичности офицерского корпуса рассматривается в главе 3 данной работы.

²⁷¹ Герлиц В. Германский генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М., 2005. с. 100.

Вильгельмом II. Его наиболее известная и резонансная работа – «Германия и следующая война» («Deutschland und der nächste Krieg»)²⁷² – вышла в 1912 г. и многократно переиздавалась в дальнейшем. В своей книге Бернхарди выступал за агрессивный внешнеполитический курс, призывая, в первую очередь, нанести окончательный удар по соседней Франции, еще не оправившейся от поражения 1871 г., что должно, по его мнению, открыть Германии перспективы для установления европейской гегемонии. Подобные мысли не могли не найти живой отклик в германском обществе, с наслаждением вспоминавшем времена франко-прусской войны. Впрочем, в концепциях Бернхарди доставалось и остальным крупным геополитическим игрокам, в частности, особое беспокойство у него вызывал «славянский мир» во главе с Россией, который также якобы угрожал германскому господству. В целом Бернхарди был выразителем империалистических геополитических устремлений, целью которых было установление господства Германии на европейском континенте и в остальном мире.

Другим примером военного публициста-офицера, получившего широкую известность благодаря своим политическим взглядам, был Кольмар фон дер Гольц. Его работа «Вооруженный народ» («Das Volk in Waffen»)²⁷³, вышедшая в 1883 г., в целом созвучна по своему геополитическому пафосу и победной риторике позиции Бернхарди. Различия состояли лишь в деталях – в отличие от Бернхарди Гольц видел главной целью Германии военную победу над Англией. Много места отводилось и рассуждениям о внутренней политике, целью которой становилось формирование «вооруженной нации», способной благодаря своему единству и боевым качествам успешно противостоять всему остальному миру.

Публицистика «пишущих генералов» в духе Бернхарди и фон дер Гольца выполняла задачу нагнетания потенциальных внешнеполитических

²⁷² Bernhardt F. v. Deutschland und der nächste Krieg. Stuttgart-Berlin: Cotta, 1912.

²⁷³ Goltz K. v. Das Volk in Waffen. Berlin. 1883.

угроз, лишний раз напоминая читателям о том, как важно для Германии иметь мощные вооруженные силы. За счет возрастающей апокалиптичности образа будущей войны армия обеспечивала себе фундамент для развития в глазах политиков²⁷⁴. При этом даже эти авторитетные в своих умозаключениях представители офицерского корпуса не рассматривали себя в качестве субъектов политической деятельности. Их литературно-научное творчество все же нельзя оценивать в качестве выражения самостоятельной программы офицерского корпуса как политической элиты. Скорее это было развернутое экспертное мнение, свидетельствующее о том, что данные авторы, даже отойдя от активной деятельности в качестве офицеров и командиров, продолжают верно нести свою службу Германии и кайзеру. Грезившей об окончательном разгроме Франции Бернхарди под конец своей жизни позволял себе критиковать Вильгельма II за нерешительность и пагубное для страны миролюбие, но это недовольство не выходило за рамки неофициального обмена мнениями с коллегами²⁷⁵. В целом все представители весьма обширной военной публицистики кануна Первой мировой войны действовали в рамках магистральных направлений внешней политики германского правительства и основного диапазона общественных настроений лишь с той разницей, что их статус свободных от службы людей позволял выражать свои мысли с большей образностью и прямоотой²⁷⁶.

С другой стороны, деятельность военных способствовала укреплению представлений о войне как об оптимальном способе решения внутри- и внешнеполитических проблем и в общественном мнении, и внутри интеллектуального поля государственной элиты. И Гольц, и Бернхарди видели в войне не просто продолжение политики другими средствами, но едва ли не основное содержание политической деятельности как таковой.

²⁷⁴ Showalter D. From Deterrence to Doomsday Machine: The German Way of War, 1890-1914. // *Journal of Military History*. Nr. 3. 2000. p. 688.

²⁷⁵ Kitchen M. *The German Officer Corps. 1890-1914*. Oxford. 1968. p. 98.

²⁷⁶ По мнению ряда исследователей, успех творчества военных публицистов был обусловлен тем, что они лишь были выразителями общественных настроений, а не их архитекторами. Залевский М.В. *Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке. Кн 1. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 401.*

Война была для них естественным делом. Они небезуспешно развивали идеи Мольтке-старшего о войне как элементе божественного миропорядка, где полностью раскрываются все человеческие добродетели²⁷⁷. В свою очередь концепция «вооруженного народа» Кольмара фон дер Гольца не просто подтверждала эффективность массовых вооруженных сил и всеобщей воинской повинности, но и предвосхищала всеобщую милитаризацию общества в условиях военного времени. Она выступала отправной точкой для появившейся позднее концепции «тотальной войны» генерала Эриха Людендорфа, обосновывающей концентрацию государственной власти в руках военного руководства в условиях затяжного масштабного вооруженного конфликта. Формально оставаясь аполитичным, офицерский корпус, тем не менее, имел готовые рецепты управления страной и в мирное, и в военное время.

Подлинное вторжение офицерского корпуса в сферу политической власти произошло уже в ходе самой Первой мировой войны. Затянувшиеся боевые действия и напряжение всех сил в тылу закономерно привели к доминированию военного управления над гражданским. Очевидно, что после того как миллионы немцев облачились в военную форму, офицеры значительно увеличили своё влияние в качестве политической силы, обладающей широкими возможностями для её применения. Генерал Эрих фон Людендорф однозначно определял офицеров в годы войны как «носителей государственной власти», наделенных соответствующей ответственностью и полномочиями²⁷⁸.

На уровне государственного управления тенденция милитаризации парадоксально нашла свое воплощение в фактическом отстранении от реальной власти кайзера Вильгельма II. Его знаменитая речь в начале войны, призывавшая немцев к объединению перед лицом военной угрозы, стала

²⁷⁷ Wette W. Die Wehrmacht. Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2005. S. 144.

²⁷⁸ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918... с. 358.

«лебединой песней» последнего германского императора как национального политического лидера²⁷⁹. Далее фигура кайзера будет приобретать отчетливые черты символической, приближаясь к британскому идеалу монарха, царствующего, но не правящего. В компетенции Вильгельма II останутся лишь статусно-церемониальные мероприятия (вручение наград, инспекционные проверки и т.п.) и утверждение уже готовых решений военного командования. Вместе с ним постепенно утратят свой политический вес и органы власти мирного времени – рейхстаг, рейхсрат и др. Уже начиная с «чуда под Танненбергом» 1914 г. контроль над ситуацией, как на фронтах войны, так и во внутривластных вопросах начнет переходить в руки генералитета. Летом 1916 г. эта тенденция получит своё законченное оформление с назначением фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга и генерала Эриха Людендорфа начальником Генерального штаба и генерал-квартирмейстером соответственно²⁸⁰.

Фактически военачальники сосредоточили в своих руках все рычаги управления империей, поскольку все ресурсы подлежали мобилизации на военные цели. Если предыдущий глава ОХЛ (Верховное командование сухопутных сил, *die Oberste Heeresleitung*) генерал Фалькенгейн стремился лишней раз не афишировать масштабы компетенции военного командования, стремясь сохранить дух мирного времени, то Гинденбург не видел в этом никаких проблем (впрочем, с учетом ухудшающейся обстановки на фронтах, замалчивать нарастающую милитаризацию было гораздо сложнее)²⁸¹. Многие исследователи склонны отождествлять назначение Гинденбурга начальником ОХЛ с ситуацией «полуотречения» Вильгельма II и концом монархии в Германии²⁸².

²⁷⁹ «В той войне, которая нам предстоит, я не знаю больше никаких партий. Есть только немцы, и я от всей души прощаю те партии, которые выступали против меня в ходе наших внутренних споров». Цит. по: Макдо Дж. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый. М.: АСТ. 2004. с. 558.

²⁸⁰ Указанные назначения Пауля фон Гинденбурга и Эриха Людендорфа состоялись 29 августа 1916 г.

²⁸¹ Ланник Л.В. Германская военная элита периода великой войны... с. 208.

²⁸² Макдо Дж. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый... с. 606.

Внутри военной элиты также происходили процессы трансформации. С момента начала войны кадровые изменения привели на руководящие должности офицеров нового поколения, отличавшихся прагматизмом и вниманием к новым тенденциям мирового развития. Такие представители офицерского корпуса как генералы Эрих Людендорф, Ганс фон Сект, адмирал Рихард Шеер и др. были не просто активными военачальниками, но и офицерами, готовыми к решению задач, выходящих за рамки военной компетенции. Не был исключением и сам фельдмаршал Гинденбург, который, несмотря на свой уже почтенный возраст, умело (хотя в значительной мере – неосознанно) формировал собственный образ национального героя как профессиональный политик, во многом предвосхищая собственную победу на выборах рейхспрезидента Веймарской республики²⁸³. Генералы не боялись зримо вмешиваться в экономику, дипломатию, социальную политику. Благодаря их давлению были отвергнуты мирные инициативы рейхстага, планы по реформированию избирательного законодательства, объявлена «неограниченная подводная война». Иными словами, политическая повестка дня в значительной степени определялась армией и для армии – до тех пор, пока эта армия не потерпит поражение.

«Тихая диктатура»²⁸⁴ Гинденбурга - Людендорфа 1916-1918 гг. означала безоговорочный приоритет военного руководства во всех основных вопросах управления страной и реализовывалась за счёт комплекса различных мер по мобилизации населения и экономики, контроля над внешней политикой. По устоявшемуся мнению, политика военного дуумвирата, т.н. «программа Гинденбурга», не отличалась оригинальностью и ставила во главу угла экстенсивное наращивание военного производства

²⁸³ Показательны торжества в честь 70-летия Пауля фон Гинденбурга в 1917 г. Раушер В. Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент... с. 140.

²⁸⁴ Термин «Тихая диктатура» применительно к деятельности дуумвирата Гинденбурга – Людендорфа в 1916-1918 г. ввел в научный оборот историк Мартин Китчен: Kitchen M. The Silent Dictatorship. New York: Holmes & Meier, 1976.

для нужд фронта, что предполагало милитаризацию экономики: с одной стороны, инфильтрацию военных в гражданские органы управления и, с другой, включение крупных промышленников в структуры военного тыла²⁸⁵. В то время как предшественник Гинденбурга на посту главы ОХЛ генерал Фалькенхейн стремился к оптимизации расходной части военного бюджета, его преемник делал ставку на рост производства военной продукции, зачастую не учитывая реальные возможности промышленного потенциала Германии и последствия его перестройки на военные нужды²⁸⁶. В целом, установившееся авторитарное правление военных полностью укладывалось в представления Людендорфа и его сторонников среди офицеров о «тотальной войне», в которой, собственно, военные действия, политические акции, экономика являются частными проявлениями воли всей нации к победе²⁸⁷.

При этом военное руководство так и не пошло на установление открытой военной диктатуры даже в ситуации, когда к ней, казалось, были готовы все, в том числе, и многие депутаты рейхстага²⁸⁸. Представляется возможным предположить, что явно небезупречное военное положение Германской империи в 1916-1918 гг. вынуждало Гинденбурга и Людендорфа сохранять своеобразную «ширму» из гражданских чиновников, за которую было бы удобно спрятаться в случае поражения (что в итоге и произошло). После отставки канцлера Т. фон Бетман-Гольвега, последней относительно самостоятельной гражданской фигуры в окружении кайзера, генералитет предпочел не узурпировать власть, а выставить кандидатуру юриста Георга Михаэлиса, лишённого всякой самостоятельности перед могущественным ОХЛ. Многочисленные предложения назначить канцлером влиятельных военных – фельдмаршала Гинденбурга, генерала Людендорфа, адмирала

²⁸⁵ Ланник Л.В. Германская военная элита периода великой войны... с. 262.

²⁸⁶ Там же. с. 206.

²⁸⁷ Lüdendorf E. Der totale Krieg. München. 1935. S. 10.

²⁸⁸ Так, в генерале Людендорфе видели потенциального «нового Кромвеля», способного «железной рукой» привести Германию к победе в войне. Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб... с. 181.

Тирпица – неизменно натыкались на решительный отказ со стороны самих кандидатов на пост главы правительства²⁸⁹.

Действительно, с наступившим глубоким кризисом на фронтах осенью 1918 г., за которым последовал общий коллапс государственной власти и монархии в Германии, военные поспешили дистанцироваться от активного участия в политической жизни страны. События, ставшие точкой отчета для печальной истории возникновения Веймарской республики – подписание Германией перемирия в Компьене, провозглашение республики, заключение Версальского мирного договора – проходили без активного участия военных (по крайней мере, так могло представляться стороннему наблюдателю)²⁹⁰. Даже очевидная роль генералитета в отречении кайзера значительно ретушировалась во избежание нежелательных репутационных потерь. Запущенная офицерским корпусом «легенда об ударе кинжалом в спину» легла на подготовленную почву общественно-политических настроений, не желавших признавать очевидность и предопределенность поражения Германии, и полностью выводила военных из зоны ответственности за поражение в войне, подставляя под удар разноликих «предателей» в тылу²⁹¹.

И всё же германская революция и отречение кайзера Вильгельма Позначали фундаментальные перемены в положении офицерского корпуса как политической элиты, которые требовали гораздо больших усилий, чем тривиальное сохранение репутации. Несмотря на то, что реальное влияние последнего императора Германии к 1918 г. было невелико, сам институт монархии обеспечивал офицерам высокое политическое покровительство, давал им возможность чувствовать себя вне политики и над политикой, задавал основы жизни и осмысленности военной службы²⁹². Теперь, после

²⁸⁹ Гёрлиц. В. Германский генеральный штаб... с. 184.

²⁹⁰ Там же. с. 197; Раушер В. Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент... с. 181.

²⁹¹ Считается, что автором легенды является генерал Эрих Людендорф, хотя в той или иной степени её основные положения воспроизводили сразу после 1918 г. и генералитет, и бывший кайзер Вильгельм II, и лидер СДПГ Фридрих Эберт. Эванс Р. Третий рейх: Зарождение империи... с. 97.

²⁹² Gröner W. Lebenserinnerungen. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1972. S. 467; Манштейн Э. фон. Из жизни солдата. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. с. 22-23.

отречения кайзера, система координат государственного устройства Германии полностью обновилась, перешла в неудобное и непривычное, прежде всего для офицеров, поле. Вопрос о политической власти превращался в вопрос элементарного выживания. Кайзеровский офицерский корпус оказался перед опасной перспективой повторить судьбу своих коллег из русской царской армии, уничтоженных в ходе революции и гражданской войны – если они не приняли новую власть и не стали служить ей.

В это беспокойное время на первый план выдвинулись офицеры, обладавшие прагматичным политическим мышлением. Пришедший на место активного, но недостаточно гибкого по отношению к своим оппонентам Эриха Людендорфа, генерал Вильгельм Грёнер, заняв пост 1-го генерал-квартирмейстера, был готов к нестандартным и непопулярным решениям²⁹³. Уроженец славящегося своими либеральными традициями Вюртемберга Грёнер не побоялся проявить решимость и убедить кайзера Вильгельма II отречься от престола, фактически отказав последнему кайзеру в поддержке армии²⁹⁴. В основе его стратегии лежало стремление блокироваться с умеренными политическими силами, оказавшимися у власти после падения монархии Гогенцоллернов, и создать вместе с ними такую конфигурацию государственного устройства Германии, в которой военные имели бы гарантии собственной неприкосновенности и рычаги влияния на государственный аппарат.

К этому же времени относится начало головокружительной карьеры другого офицера, впоследствии снискавшего сомнительную славу в качестве «политического генерала» Веймарской республики и одного из её «могильщиков». Майор Курт фон Шлейхер, близкий друг сына фельдмаршала Гинденбурга Оскара, получил в октябре 1918 г. назначение в качестве адъютанта при генерале Грёнере. Действуя в фарватере своего

²⁹³ Вильгельм Грёнер был назначен первым генерал-квартирмейстером 28 октября 1918 г.

²⁹⁴ Сам кайзер расценивал деятельность Грёнера в дни, непосредственно предшествующие своему отречению, как предательскую. Во время прощания перед своим отъездом из Ставки Грёнер был единственным офицером, кого Вильгельм II не удостоил рукопожатием.

начальника, Шлейхер проводил основную работу по налаживанию связей между армией и различными политическими силами Германии, выступая в качестве посредника между офицерским корпусом и лидерами партий, чиновниками. Приобретенный опыт работы в политическом поле и, видимо, врожденная склонность к интригам позволили ему в дальнейшем играть ключевую роль в государственных делах, используя при этом свои связи с генералитетом рейхсвера.

Важным достижением политики Грёнера в дни революции стала принципиальная договоренность о сотрудничестве между СНУ и Верховным командованием вооруженных сил, достигнутая в ходе телефонных переговоров между этим генералом и сопредседателем СНУ Фридрихом Эбертом 10 ноября 1918 г. Благодаря Грёнеру армия получала зыбкую опору в виде тогдашней социал-демократической государственной власти, имевшей революционное происхождение, но бравшей на себя обязательства обеспечивать интересы военных при гарантии собственной вооруженной защиты. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением исследователей, призывающих рассматривать пакт Эберта-Грёнера не просто как договоренность двух наделенных властью государственных деятелей, но и как оформление системы взаимодействия политической и военной элиты при поддержке широких слоев общества и солдатских масс²⁹⁵. Офицеры получили точку опоры, с помощью которой стало возможным бороться против радикальных революционных сил, адаптироваться к новой обстановке, не принимая при этом облика оголтелых консерваторов и контрреволюционеров.

Благодаря заключенному соглашению о сотрудничестве военным удалось ликвидировать угрозу излишней демократизации армии и создания альтернативных вооруженных формирований, чего требовали представители

²⁹⁵ Kluge U. Die deutsche Revolution 1918/1919. Staat, Politik und Gesellschaft zwischen Weltkrieg und Kapp-Putsch. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verlag. 1985. S. 143.

радикальных революционных сил в солдатских Советах²⁹⁶. «Единственное достижение революции»²⁹⁷ - движение рабочих и солдатских Советов, и без того испытывавшее недостаток политической воли, оказалось бессильно перед негласным союзом двух сил «старого мира» - армии и чиновничества. По прежнему ориентируясь на авторитет председателя СНУ Фридриха Эберта, Советы шаг за шагом загоняли себя в политический тупик. После первых проявлений недовольства деятельностью солдатских Советов со стороны военных Эберт поспешил направить в войска телеграмму, в которой подтверждал командные полномочия офицеров, неизменность воинской дисциплины и субординации, отводя Советам функции совещательного органа в вопросах снабжения, оформления отпусков, наложения дисциплинарных взысканий²⁹⁸. В начале декабря 1918 г. им же были отклонены требования Съезда солдатских Советов в Бад-Эмсе по предоставлению Советам реальных властных полномочий и ограничению власти офицеров²⁹⁹. Решительный отказ председателя СДПГ встретила идея левых радикалов о формировании «Красной Гвардии»³⁰⁰. Наконец, Эберт проигнорировал принятые I Всегерманским съездом Советов «Гамбургские пункты», представлявшие собой проект военной реформы, целью которой было создание формирования новой армии – фольксвера (Volkswehr) на добровольных началах с выборным командованием³⁰¹. Предпринять что-либо против соглашения между генералитетом и Эбертом левые силы оказались не в состоянии³⁰².

²⁹⁶ Aufruf des Vollzugsrats zur Bildung einer Roten Garde vom 12.11.1918 // Die deutsche Revolution 1918-1919 – Dokumente. Hrsg. Von Ritter G., Miller S. Frankfurt a/M: Fischer Bücherei GmbH. 1968. S. 95.

²⁹⁷ Характеристика принадлежит председателю берлинского Исполкома советов Рихарду Мюллеру. I Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов. Стенографический отчет. М.: Огиз: Советское законодательство, 1934. с. 42.

²⁹⁸ Aus dem Telegramm des Rates der Volksbeauftragten vom 12. November 1918 an die Oberste Heersleitung // Schüddekopf O.-E. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933. Hannover-Frankfurt am Main: Norddeutsche Verlagsanstalt, 1955. S. 20.

²⁹⁹ Винклер Г.-А. Веймар 1918-1933... с. 51.

³⁰⁰ Аленин Ф. Г. Советы в Германской революции. М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1934. с. 40.

³⁰¹ I Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов. Стенографический отчет... с. 112-113.

³⁰² Мюллер Р. Мировая война и Германская революция. Т. 2. М.: Издательство «Недра», 1925. с. 253.

Так, пакт «Эберта-Грёнера» выдержал испытания напряженных дней конца 1918 - начала 1919 гг. Однако по мере промежуточной стабилизации внутривластной обстановки после разгрома мятежа «спартакистов» (КПП и части НСДПГ) в январе 1919 г. внутри офицерского корпуса стали намечаться разногласия вокруг приемлемой модели действий в сложившихся кризисных условиях. Их контуры начали вырисовываться еще в последние недели войны. Один из чиновников при Генеральном штабе в своем письме еще от 29 октября 1918 г. писал, что среди офицерского корпуса распространяются слухи об отречении кайзера и отставке Гинденбурга³⁰³. Особенно неприятной неожиданностью для автора письма стало то, что позиция офицерского корпуса насчет этих слухов не была единой – старшие офицеры выступали за кайзера и фельдмаршала, а их младшие коллеги не испытывали глубокого пиетета ни к одному из них. Основа политического консенсуса офицерского корпуса – монархизм изживал себя и перестал цементировать его единство. После отречения кайзера, которое частью офицерства было воспринято как нарушение присяги, и первых реформ СНУ раскол среди военных стал приобретать более рельефные очертания. Компьенское перемирие, подписание Версальского договора, принятие новой конституции Национальным собранием оформили контуры новой Германии, которая соответствовала самым мрачным прогнозам консервативных аналитиков и характеризовалась офицерами беспощадной формулой «без армии, без оружия и без чести» (*heerlos, wehrlos, ehrelos*)³⁰⁴. Старые традиции внеполитичности и сдержанности были забыты, свою позицию теперь мог и не стеснялся высказать каждый, и она была различной.

Оставаясь единым в уничижительной оценке положения послевоенной Германии, офицерский корпус разделился на несколько групп в определении оптимального стиля поведения и адаптации в сложившихся условиях. В

³⁰³ Der Beauftragte des Auswärtigen Amtes im Großen Hauptquartier, von Hitze, am 29 Oktober 1918 an den Staatssekretär Dr. Solf // Schüddekopf O.-E. Das Heer und die Republik... S. 48.

³⁰⁴ Кноп Г. История вермахта. Итоги. СПб: Питер, 2009. с. 27.

первую очередь, многих влиятельных сторонников имели идеи быстрого реванша, устранения Версальского договора и «гнилой» республики путем открытой военной силы. В полном соответствии с духом «легенды об ударе кинжалом в спину» они считали германскую армию непобежденной на полях сражений и готовой воевать со странами Антанты дальше³⁰⁵. Непременным условием для восстановления авторитета Германии становилось установление военной диктатуры с перспективой реставрации монархии Гогенцоллернов – республика однозначно ассоциировалась с «версальским диктатом». Подобные идеи разделяли офицеры старшего поколения, находившиеся на командных должностях и имевшие широкие связи среди высшего чиновничества, крупных аграриев и промышленников. В целом это были одиозные представители «старого мира», почувствовавшие нешуточную угрозу своему и без того зыбкому положению, ставившие риск государственного переворота и новой войны выше туманных и спорных перспектив занять подобающее их прошлому статусу место в новой Германии. Для них СНУ и Эберт выполнили свою задачу на рубеже 1918-1919 гг. и теперь были должны уйти в тень.

Наиболее влиятельная группировка реваншистов сложилась вокруг командующего Ивоенным округом (Берлин) генерала Вальтера Лютвица, в которую наравне с армейскими офицерами входили и многие консервативные политики. К ним примыкали многие представители «фрайкора» - добровольческих формирований, возникших как временная альтернатива кайзеровским вооруженным силам, переживавшим реорганизационный период. Особенно многочисленными были т.н. «балтийцы» (отряды фрайкора, воевавшие на территории Прибалтики), которые считали, что правительство обмануло их, не предоставив в пользование земельные наделы в Прибалтике и других регионах страны, как

³⁰⁵ Успешные действия отрядов фрайкора в Прибалтике и Польше служил аргументом в пользу того, что Германия еще может вести успешные боевые действия.

якобы обещало³⁰⁶. Реваншистам негласно симпатизировал и генерал Вальтер Рейнхардт, возглавлявший временный рейхсвер в 1919-1920 гг³⁰⁷. В целом они представляли собой значительную политическую силу, опасность которой современники понимали, но недооценивали³⁰⁸.

Радикальным реваншистам оппонировали сторонники прагматичной политической линии. Их ядро составляли офицеры Генерального штаба, как правило, хорошо образованные и имеющие разностороннее представление о положении дел в Германии и остальном мире. Они выступали за осторожную политику, сотрудничество с новым немецким правительством, уже обязанным военным сохранением своей власти, и постепенное формирование условий для обхода условий Версальского договора. Подобные настроения можно встретить, к примеру, в одном из писем молодого генштабиста Вильгельма Кейтеля: «Но мы, благодарение Богу, еще здоровы и достаточно молоды, чтобы попытаться серьезной и честной работой восстановить то, что было бессмысленно и глупо разрушено всего за несколько дней. Думаю, при помощи Национального собрания мы вновь создадим жизнеспособное государство и постепенно преодолеем последствия революции и несчастливой войны, т.е. то, чего вполне можно было избежать»³⁰⁹. Аналогичные по духу мысли высказывал Вильгельм Грёнер, который, критикуя реваншистов из среды офицеров, заявлял, что целью армии в сложившихся условиях не является втягивание 60-ти миллионов немцев в авантюру, которая закончится развалом страны³¹⁰.

Наиболее ярким представителем и, в значительной степени, идеологом этой группы офицеров был генерал Ганс фон Сект, занимавший должность начальника Войскового управления и до 1920 г. еще не имевшей

³⁰⁶ Die politischen Forderungen der Baltikumer: Antrag des Generals von der Goltz an die Regierung vom August 1919 // Schüddekopf O. Das Heer und die Republik... S. 100

³⁰⁷ Craig G. The politics of Prussian army. 1640-1945. Oxford: At the Clarendon Press, 1955. p. 369.

³⁰⁸ Филипп Шейдемманн заявлял 28 декабря 1918 г.: «Найдется, конечно, десяток другой офицеров, способных выкинуть безумные номера. Но действительная опасность грозит революции с другой стороны». Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983. с. 119.

³⁰⁹ Письмо Вильгельма Кейтеля тестю. 10 декабря 1918 г. // Кейтель В. Размышления перед казнью... с. 40.

³¹⁰ Gröner W. Lebenserinnerungen... S. 684.

монопольной командной власти над рейхсвером³¹¹. Образованнейший генштабист, он был склонен рассматривать военное поражение Германии и революцию в отрыве от теорий заговора, популярных в консервативных кругах, принимая во внимание объективные экономические и социальные трудности военного противостояния³¹². Фон Сект был убежденным монархистом, но признавал, что в сложившихся условиях реставрация дома Гогенцоллернов невозможна. Он не испытывал симпатий ни к республике, ни к её конституции, которую он, по собственному признанию, даже не удостоил своим прочтением³¹³. Однако генерал усматривал в сложившемся положении возможность для постепенного восстановления вооруженных сил, превращения армии и офицерского корпуса в «источник национальной силы», который станет плацдармом для возвращения Германии в ранг великих держав³¹⁴. Каким бы грабительским не выглядел Версальский договор – ему придется следовать хотя бы на уровне риторики, избегая ненужных провокаций стран Антанты³¹⁵. Иными словами, в своих политических взглядах фон Сект выступал за своеобразный тактический легитимизм – скрытую работу по послевоенному восстановлению страны с опорой на рейхсвер при формальном соблюдении всех ограничений, с которыми пришлось считаться послевоенной Германии. Понятие Отечества для него оказалось выше монархии и Второго Рейха.

Наконец, следует выделить многочисленную группу молодых офицеров-фронтовиков, у которых еще не сформировалось устоявшееся представление о новой Германии и своём будущем в ней или оно было в силу

³¹¹ До кадровых изменений в армии, последовавших за Капповским путчем, фон Сект как начальник Войскового управления, выполнявшего функцию Генерального штаба, был подчинен генералу Вальтеру Рейнхардту и министру обороны Густаву Носке. Подробнее об аппаратном противостоянии фон Секта и Рейнхардта: Meier-Welcker H. Die Stellung des Chefs der Heeresleitung in den Anfängen der Republik. Zur Entstehungsgeschichte des Reichswehrministeriums. // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1956. 4. Jg., S. 145-160.

³¹² Gordon H. The Character of Hans von Seeckt. // Military Affairs, 1956. VI. 20, Nr. 2. p. 98.

³¹³ Die ungeliebte Republik... S. 91.

³¹⁴ Erlaß des Chefs des Generalstabes, Generalmajor v. Seeckt, an die Generalstabsoffiziere, 7. Juli 1919 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten. Hrsg. von Messerschmidt M, Gersdorf U. v. Stuttgart. 1964. S. 217-218.

³¹⁵ Erlaß des Chefs des Allgemeinen Truppenamtes, Generalmajor v. Seeckt, an die Generalstabsoffiziere, 18. Oktober 1919. // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 221.

обстоятельств смутным и неопределенным. По большей части они не успели заработать влияния и авторитета, в то же время достаточно пробыв в окопах на передовой. После окончания войны они продолжили сражаться в составе добровольческих корпусов и не были склонны к размышлениям в долгосрочных перспективах. Важным объединяющим фактором для этих людей оставался опыт «фронтового братства», ставший для них абстрактным идеалом в том числе и в политике³¹⁶. Они не имели тесных контактов с невоенными элитными кругами как старшие офицеры-монархисты и не обладали широким кругозором генштабистов, позволявшим по достоинству оценить отделенные перспективы тактического легитимизма. При этом идеализм в целеполагании нередко сочетался у них с прагматичным взглядом на способы достижения поставленных целей. В результате они не имели перед собой четких границ, за которые нельзя было переступать в борьбе за собственные политические взгляды³¹⁷. Именно эта неразборчивость в средствах предопределила в дальнейшем симпатии этой группы к национал-социалистическому движению, возрождавшему авторитет армии и «фронтового братства» и также отдававшее предпочтение решительным действиям, а не продолжительной рефлексии³¹⁸. Идеал офицера вне политики полностью растворялся под влиянием внешних обстоятельств. Один из характерных представителей молодых фронтовиков капитан Эрнст Рем считал, что в сложившихся после революции в Германии условиях офицер даже обязан заниматься политикой, т.к. армия стала субъектом политических отношений, оказавшись под непосредственным управлением политиков – гражданских лиц³¹⁹.

Было бы неверно полагать, что три выделенные группы отражают весь спектр мнений и взглядов в офицерской среде. Годы боевых действий,

³¹⁶ Эванс Р. Третий рейх: Зарождение империи. М.: Астрель, 2010. с. 105.

³¹⁷ О примате цели над средством утверждал и Эрих Людендорф. Lüdendorf E. Der Totale Krieg. München 1935. S.10.

³¹⁸ Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. М.: Центрполиграф, 2005. с. 124.

³¹⁹ Röhm E. The Memoirs of Ernst Röhm. London: Frontline Books, 2012. p. 27-28.

военное поражение и революция инициировали множество центробежных тенденций внутри офицерского корпуса различных регионов. Германия и в этом не успела до конца стать единой. Так, общегерманские монархические устремления баварских офицеров часто шли рядом с их сепаратистскими настроениями, проявившимися с новой силой в условиях военного поражения³²⁰. Первому командующему рейхсвером Вальтеру Рейнхардту с огромным трудом удалось сохранить централизованное военное управление от посягательств на широкую автономию со стороны Баварии, Саксонии и Вюртемберга³²¹. Офицеры Генерального штаба часто воспринимались своими товарищами-фронтовиками в качестве высокомерных «штабных крыс», оторванных от реальной обстановки и инерционно это отношение сохранялось и после войны. Неявные линии разлома шли по категориям социального происхождения, разницы в званиях, должностях³²². Со временем нередко трансформировались и сами взгляды офицеров: так, генерал Людендорф отметился участием и в промонархическом Капповском путче, и в «пивном» путче нацистов 1923 г., а монархические воззрения фельдмаршала Гинденбурга не помешали ему дважды избираться рейхспрезидентом Германии и оставаться реальным гарантом республиканской конституции.

Водоразделом в споре о политическом будущем внутри офицерского корпуса стал Капповский путч 13-17 марта 1920 г., организованный совместными усилиями командующего I военным округом (Берлин) генерала Вальтера Лютвица и консервативного чиновника, депутата последнего имперского рейхстага и со-основателя патриотической Немецкой отечественной партии (*Deutsche Vaterlandspartei*) Вольфганга Каппа. Как последовательный противник выполнения Версальского договора, Лютвиц

³²⁰ Показательна фигура генерала фон Лоссова, который, действуя в связке с баварским правительством, допускал открытое неповиновение приказам из Берлина и ввел для военнослужащих Баварии отдельную присягу. Галкин А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. с. 102.

³²¹ Mulligan W. Civil-Military Relations in the Early Weimar Republic // *The Historical Journal*. Nr. 4. 2002. p. 833-834.

³²² Мюллер В. Я нашел подлинную родину... с. 76-77.

до последнего сопротивлялся сокращению армии. Особое внимание генерала было сосредоточено вокруг частей фрайкора, сохранявших высокую боеспособность и мотивацию. Закон о временном рейхсвере от 6 марта 1919 г. предписывал роспуск фрайкора и его частичное включение в 400-тысячный временный рейхсвер³²³. За расплывчатыми формулировками скрывалась фактическая ликвидация добровольческих формирований, слишком часто видевших в своем командире высший авторитет и способных стать неуправляемыми. Лютвиц пытался настаивать на сохранении таких прекрасно показавших себя в бою частей как бригада Эрхардта и отрядов, воевавших в Прибалтике – «балтийцев», однако, оценив бесперспективность своих действий в правовом поле, решился на открытый мятеж против правительства.

Политическая программа путчистов соответствовала воззрениям офицеров-консерваторов. Она подразумевала отказ от соблюдения условий Версальского договора, в первую очередь – от сокращения численности вооруженных сил и выдачи «военных преступников» странам Антанты. Во внутренней политике предполагалось распустить Национальное собрание, провести новые выборы в рейхстаг без участия в них социалистов³²⁴. В экономической сфере анонсировались значительные налоговые послабления, предоставление предприятиям большей финансовой самостоятельности³²⁵.

Капповский путч убедительно доказал бесперспективность силового установления военной диктатуры без сформированной опоры на широкие народные массы, которым во многом были чужды звавшие в прошлое лозунги путчистов. Издаваемые правительством Каппа законы не исполнялись на местах. Рабочие объявили бессрочную забастовку, несмотря на изданный запрет на стачки с наказанием в виде смертной казни³²⁶.

³²³ Gesetz über die Bildung einer vorläufigen Reichswehr // RGL. Nr. 57, 12 März 1919 г. S. 295-296.

³²⁴ Brammer K. Fünf Tage Militärdiktatur. Berlin: Verl. für Politik und Wirtschaft, 1920. S. 18-23.

³²⁵ Панкевич Ф.И. Капповский путч в Германии. М.: Наука, 1972. с. 66.

³²⁶ Aufruf der SPD zum Generalstreik, 13.3.1920 // Deutsche Geschichte 1918-1933... S. 59; Панкевич Ф. И. Капповский путч в Германии... с. 63.

Деятельность правительства была парализована, а власть его распространялась на несколько берлинских кварталов, взятых под контроль верными Люттвицу воинскими частями. После пяти дней безуспешных попыток укрепить власть правительство Каппа самораспустилось, организаторы путча бежали в Швецию.

Офицерский корпус в полном соответствии с обозначившимся расколом, также как и немецкий народ, не продемонстрировал повсеместную солидарность с путчистами. Фактический командующий рейхсвером в отсутствие примкнувшего к Люттвицу Рейнхардта генерал Ганс фон Сект занял выжидательную позицию, ёмко обозначенную получившей впоследствии известность формулой: «Войска не стреляют в войска» («Truppe schießt nicht auf Truppe»)³²⁷. Фон Сект отказался от любых активных действий, но и не выразил поддержки путчистам в Берлине. Вероятно он, как и многие патриотично настроенные офицеры, симпатизировал программным установкам дуумвирата Каппа-Люттвица, но военный переворот в его представлении был неоправданно опасной и нелегитимной авантюрой. При этом за счет своей выжидательной позиции фон Сект не рисковал собственной репутацией даже в случае гипотетической победы путчистов, которые, как и правительство Эберта, могли расценить его нейтралитет как благожелательный. Так или иначе, его тактика невмешательства повлияла на крах путча и предопределила его собственное авторитетное возвышение.

Провал Капповского путча привел к усилению политических позиций военной элиты в Веймарской республике. После того как были отправлены в отставку большинство его реакционных участников, офицерский корпус укрепил своё внутреннее единство, избавившись от закоренелых

³²⁷ Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб... с. 215. Иногда можно встретить перевод данной фразы как «Рейхсвер не стреляет в рейхсвер».

консерваторов³²⁸. В этом смысле путч Каппа-Лютвица стал важным этапом отсечения несогласных с адаптационной стратегией офицеров, выдвигаемой Гансом фон Сектом. Сам генерал смог устранить своего ближайшего конкурента – имевшего неосторожность выразить поддержку путчистам Вальтера Рейнхардта, и полностью сосредоточить в своих руках командную власть над армией. Тем офицерам, «которые не извлекли уроков из мартовских событий и желали повторить нечто им подобное», фон Сект открыто указал на дверь³²⁹. Рейхспрезидент Эберт гарантировал командующему рейхсвером своё полное доверие и поддержку. Вместе с офицерами-путчистами в отставку был отправлен и военный министр Густав Носке, считавшийся относительно самостоятельной гражданской фигурой в структуре военного управления, что значительно ослабило контроль государства над армией. Возможные рассуждения о необходимости «демократизации» офицерского корпуса, его формирования на новой основе, предписывалось незамедлительно пресекать³³⁰.

После провала Капповского путча для офицерского корпуса стало очевидно, что открытая военная диктатура не будет иметь широкой общественной поддержки³³¹. Идея о быстром реванше хотя бы внутри Германии показала свою несостоятельность³³². Получивший всю полноту военной власти Ганс фон Сект утвердил в рейхсвере своей политической курс и сосредоточил усилия своих подчиненных на планомерной работе по сохранению и укреплению боеспособности рейхсвера.

³²⁸ По итогам путча было возбуждено судебное следствие против 852 офицеров, из них 412 были амнистированы как «попутчики» или «случайные участники», 109 офицеров признаны невиновными. См. Панкевич Ф. И. Капповский путч в Германии... с. 152.

³²⁹ Erlaß des General von Seeckt vom 18. April 1920 über die Stellung des zukünftigen Offizierkorps (Auszug) // Ursachen und Folgen: Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart; eine Urkunden- und Dokumentensammlung zur Zeitgeschichte. Hrsg. und Bearb.: Michaelis H. Bd. VII. Berlin. 1962. S. 446.

³³⁰ Meldung des Oberbefehlshabers des Reichswehr-Gruppe 4, General-major v. Möhl, an den Stellvertretenden Reichswehrminister, General-major v. Seeckt, über die aus dem Kapp-Lüttwitz-Putsch herrührenden Gefahren für das Offizierkorps. 20 März 1920 // Die Anfänge der Ära Seeckt. Militär und Innenpolitik 1920-1922. Bearb. von Hürten H. Düsseldorf: DrosteVerlag, 1979. S. 68.

³³¹ Манштейн Э. фон. Из жизни солдата. Ростов н/Д: Феникс, 2000. с. 53.

³³² Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве... с. 193.

В соответствии с военным законом 1921 г. прямое вмешательство офицерского корпуса в политику, как и в кайзеровские времена, оставалось невозможным. Офицером было запрещено состоять в партиях и принимать участие в любой политической деятельности³³³. При этом лавинообразно нарастающая политизация постмонархической Германии требовала от офицерского корпуса выработки механизмов, способных обеспечить присутствие интересов рейхсвера в решении государственных вопросов. Для сохранения своего политического влияния в демократической Веймарской Германии фон Секту и его окружению было необходимо обеспечить себе эффективные инструменты влияния. Их формирование началось с первых дней существования республики и продолжалось в течение всего её существования.

Во-первых, широкое распространение получила практика внедрения агентов из числа военнослужащих в многочисленные политические партии и кружки, число которых после войны многократно увеличилось. Целью сети референтов и агентов был сбор информации, аналитика, назначение на руководящие или ответственные должности своих людей. В случае, если та или иная организация представляла для офицерского корпуса интерес, с ней устанавливались более тесные связи, оказывалась помощь в финансировании и организационных вопросах.

Одним из таких информаторов был ефрейтор Адольф Гитлер, посетивший в данном статусе собрание небольшой Немецкой рабочей партии в мюнхенской пивной «Штернээкерброй»³³⁴. Подготовленные им отчеты, в которых этот небольшой политический кружок представлялся как перспективная организация, произвели на командование баварского рейхсвера сдержанно-положительное впечатление. Гитлер вступил в эту партию, дальнейшее развитие которой стало неразрывно связано с его

³³³ Wehrgesetz vom 23. März 1921 // RGBL. 1921, S. 329-341.

³³⁴ Фест И. Гитлер. Биография. Путь наверх. М.: Вече, 2007. с. 191.

именем. На начальном этапе своего существования НСДАП нередко обращалась по неофициальным каналам за помощью к военным и получала её³³⁵. Впрочем, помощь со стороны армии оказывалась и другим политическим группировкам правого или консервативного толка и нацисты не были однозначными фаворитами среди них³³⁶.

Другой формой политической организации офицерского корпуса в Веймарской республике стали офицерские союзы. Самыми влиятельными из них были основанный 28 ноября 1918 г. «Германский офицерский союз» (Deutscher Offizierbund, ГОС) и образованное 16 декабря 1918 г. «Национальный союз германских офицеров» (Nationalverband Deutscher Offiziere, НСГО). Спустя несколько недель после своего создания обе организации уже насчитывали свыше 100 тыс. человек³³⁷. Между собой они состояли в сдержанно конкурентных отношениях: НСГО последовательно стоял на ультраконсервативных позициях, упрекая, часто безосновательно, своих оппонентов из ГОС в аполитичности. После непродолжительных внутренних споров члены «Национального союза германских офицеров» и «Германского офицерского союза» отказались от трансформации в политические объединения или создания на собственной базе полноценной «партии офицеров» в соответствии с идеалом публичной аполитичности³³⁸. Они сосредоточили усилия на комплексной поддержке офицерского корпуса: финансовой, юридической и информационной.

Оба офицерских союза лоббировали увеличение пенсий офицерам, оказывали посильное содействие в их трудоустройстве, организовывали

³³⁵ Так, командующий 7-й баварской дивизии генерал фон Эпп профинансировал покупку газеты «Мюнхенер беобахтер», ставшей впоследствии нацистским официозом «Фелькишер беобахтер». Стоимость сделки составила 60 тыс. марок. Галкин А.А. Германский фашизм... с. 98-99.

³³⁶ О поддержке рейхсвера правых политических группировок пишет пресс-секретарь Гитлера Эрнст Ханфштагелль: Ханфштагелль Э. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2007. с. 91-92. Так же см. Галкин А.А. Германский фашизм... с. 97.

³³⁷ Der deutsche Offizierbund an die politischen Parteien // MW. Nr. 81, 7 января 1919 г. S. 1432.

³³⁸ Обмен мнениями проходил на страницах «Военного еженедельника». См. Soll der deutsche Offizierbund Politik treiben? MW. №80, 4 января 1919 г. S. 1411-1414., Nie "deutscher Offizierbund" - nie "Nationalverband Deutscher Offiziere" // MW. 7 января 1919 г. S. 1431-1432., Offizierbund und Politik // MW. 14 января 1919 г. S. 1485-1488.

курсы переподготовки для гражданских специальностей. Значимой была их функция посредника между офицерами на службе, которые по закону не имели своего политического голоса, и правительством. В своих политических убеждениях и ГОС, и НСГО выступали с крайне консервативных позиций, активно критикуя Версальский договор, сокращение вооруженных сил и их переход на добровольную основу комплектования. На собраниях офицерских союзов проходило обсуждение актуальных политических вопросов, велись дебаты о военном строительстве. В целом, они выступали как своеобразный «офицерский профсоюз», преследуя в основном задачи социально-экономической поддержки офицерского корпуса. В качестве примера их успешной работы можно привести назначение правительством одинакового размера пенсии офицерам запаса и кадровым офицерам, что улучшало материальное положение «запасников», укрепляло корпоративные связи внутри офицерского корпуса³³⁹.

Схожие с офицерскими союзами функции выполняли ветеранские организации. После окончания Первой мировой войны, когда фронтовиками было большинство немцев мужского пола, их численность заметно увеличилась. Наиболее многочисленной ветеранской организацией оставался созданный 13 ноября 1918 г. Францем Зельдте и примкнувшим к нему позднее Теодором Дустербергом союз «Стальной шлем», насчитывавший к середине 1920-х гг. более 300 тыс. человек³⁴⁰. Вплоть до прихода Гитлера к власти в 1933 г. штурмовики северо-восточных регионов Германии значительно уступали «Стальному шлему» в численности и влиянии. По сравнению с офицерскими союзами, ветеранские объединения отличались большей демократичностью и массовостью, разветвлённой организационной структурой. Однако разница в социальном составе не означала различий в

³³⁹ Биллик В.И. Демобилизация армии и офицерские союзы в Германии в период революции 1918-1919 гг. // Германский империализм и милитаризм. М.: Наука, 1965. с. 274.

³⁴⁰ Эванс Р. Третий рейх: Зарождение империи... с. 107-108. К началу 1930-х гг. численность «Стального шлема» оценивается более чем в 500 тыс. человек.

политических установках. Так же как и офицерские союзы, ветеранские объединения стояли на консервативных антиреспубликанских позициях, презирая Версальский договор и порожденную им новую германскую государственность. Основу их деятельности составляла организация патриотических мероприятий, установка памятников жертвам войны, празднование годовщин побед немецкого оружия, торжественные митинги и т.п. Члены ветеранских союзов рассматривали себя, особенно в первые годы республики, и в качестве непосредственного боевого резерва рейхсвера, готового прийти на помощь армии в тяжелый для неё момент.

Нельзя утверждать, что военные союзы находились под безусловным контролем со стороны офицерского корпуса. Нередко они предпочитали свободу и трансформировались в радикальные политические организации с амбициозными целями. Наиболее показательным примером является организация «Консул», которая выбрала для себя путь открытого политического террора по отношению к республике. Жертвами её стали политики Матиас Эрцбергер и Вальтер Ратенау. Союз «Оберланд», образовавшийся из военнослужащих распущенного 37-го егерского батальона, принимал активное участие в сепаратистских акциях на территории Баварии и в гитлеровском «Пивном» путче, выступая, таким образом, против официального курса руководства рейхсвера.

Наконец, важнейшую роль в политическом самоопределении офицерского корпуса играла сама личность Ганса фон Секта, который оставался главным лоббистом интересов армии внутри политической элиты Германии. Впрочем, отдавая должное организационным талантам генерала, стоит отметить, что успех его деятельности во многом определялся совместной работой с министром рейхсвера. После ухода Густава Носке этот пост занял Отто Гесслер – гражданский чиновник, бывший бургомистр городов Регенсбург и Нюрнберг, монархист и сторонник династии

Виттельсбахов, являвшийся «республиканцем по велению разума»³⁴¹. Он безоговорочно признавал авторитет фон Секта как военного специалиста.

В отличие от своего предшественника Гесслер не пытался проводить на своем посту самостоятельную политику в области обороны. Он предпочел предоставить Секту полную свободу действий в армии, взяв на себя роль защитника интересов рейхсвера, «ответчика» перед депутатами рейхстага и «честного маклера» в отношениях между армией и правительством. По собственному признанию, он стремился укреплять авторитет вооруженных сил, устранять конфликты между гражданской и военной властью, регулировать вопросы на стыке армии и политики³⁴². Тандем фон Сект-Гесслер можно признать логичным продолжением «пакта Эберта-Грёнера», воплотившим в плоскости реальной политики устные договоренности гражданских властей и армии. В то время как генералитет рейхсвера пытался сохранить армию, её организационную структуру и материально-техническое обеспечение под «гнётом Версаля», правительство защищало его перед радикальными и пацифистскими политическими силами и закрывало глаза на нарушения условий стран-победительниц. При этом Сект, как и Гесслер, имел прямой доступ к президенту Эберту, что значительно обесценивало саму должность военного министра, закрепляя за ней, главным образом, посреднические функции.

Таким образом, благодаря выстраиваемой офицерским корпусом системе участия в общественно-политической жизни Веймарской Германии, руководство рейхсвера получало разностороннюю информацию о текущем раскладе политических сил в республике, начиная от мелких политических союзов, заканчивая депутатами рейхстага и членами правительства. Стали конструироваться рычаги влияния: финансирование и поддержка отдельных

³⁴¹ «В любом случае республика не является для меня кровным делом; в лучшем случае я являюсь республиканцем по велению разума, в то время как теперь повсеместно требуется быть республиканцем по велению сердца». Цит. по: Винклер Г.-А. Веймар 1918-1933... с. 152-153.

³⁴² Gessler O. Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1958. S. 132, 139.

политических групп, участие в формировании общественного мнения. Безусловно, рейхсвер был далек от того, чтобы мечтать о единоличной узурпации политической власти в Веймарской Германии³⁴³. Однако он имел четкое представление о своих текущих целях и задачах в новых условиях, успешно отстаивал свои интересы перед политическими оппонентами.

Вместе с тем офицерский корпус по-прежнему оставался расколот в своих политических убеждениях. Всего три года спустя после провала путча Каппа-Лютвица, гитлеровский «пивной» путч 9 ноября 1923 г. показал, что и тактический легитимизм фон Секта не имеет абсолютной поддержки в офицерской среде. Уязвимым звеном оказались офицеры младшей возрастной группы и воспитанники военных училищ – будущие офицеры. Компактный и мизерный офицерский корпус рейхсвера в 4 000 человек не мог удовлетворить стремление молодых фаненюнкеров в быстром карьерном росте. Пройдя все ступени непростого отбора в военные училища, окончив их и получив заветные погоны, молодые офицеры зачастую испытывали сильное разочарование, попадая в действующую армию. В силу юного возраста они не разделяли монархизма старших офицеров и не могли в полной мере почувствовать дух «фронтового братства» ветеранов «Великой войны». Перед новоиспеченными офицерами и воспитанниками военных училищ обрисовывалась проблемная перспектива долгой службы в одном звании и должности в атмосфере моральной отчужденности от старших товарищей. При этом неизменно осторожная риторика фон Секта представлялась им бездеятельным соглашательством перед «диктатом Версаля», которое приобрело в ходе оккупации франко-бельгийскими войсками Рурской области (1923 г.) чуть ли не преступные в отношении Германии формы.

³⁴³ Советские историки, тем не менее, были склонны абсолютизировать политическое влияние рейхсвера в Веймарской республике. Напр. Галкин А.А. Германский фашизм... с. 93; Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология, политика. М.: Высшая школа, 1985. с. 54; Безыменский Л. А. Германские генералы – с Гитлером и без него... с. 13.

«Пивной» путч привлек к себе и других представителей офицерского корпуса, посчитавших, что настал благоприятный момент отбросить показную лояльность правительству в Берлине. К ним можно отнести, в первую очередь, офицеров-фронтовиков, бывших фрайкоровцев, которые остались вне рамок легального рейхсвера после сокращения армии и роспуска большинства добровольческих отрядов. Не имея возможности найти себя в мирной жизни, они стремительно пополняли ряды военизированных организаций политических партий – в том числе и нацистских штурмовиков СА, что приводило к их политизации. Стараясь сохранять прежние связи в армейской среде, эти офицеры нередко выполняли роль посредников между политиками и военными. Так, поддержка «пивного» путча курсантами мюнхенского пехотного училища была во многом заслугой лейтенанта Россбаха, бывшего фрайкоровца, на тот момент уже активного члена СА, убедившего преподавателей и воспитанников в необходимости поддержать этот «поход на Берлин»³⁴⁴.

Воспользоваться ситуацией постарались также офицеры-монархисты, которые принадлежали к ближайшему окружению военного министра Баварии генералу фон Лоссову. Действуя в связке с монархическими группировками и полицией, за несколько недель до самого путча он фактически отказался подчиняться приказам из Берлина и инициировал 22 октября 1923 г. принятие новой присяги во вверенных ему войсках баварскому Генеральному комиссару-сепаратисту Г. фон Кару³⁴⁵. Среди личного состава вооруженных сил распространялись слухи о скором «народном восстании» под руководством рейхсвера, решающую роль в котором будут играть баварские части³⁴⁶. Хотя Лоссов не испытывал

³⁴⁴ По одной из версии он прикрывался именем генерала Людендорфа. Деметр К. Германский офицерский корпус... с. 195.

³⁴⁵ Галкин А.А. Германский фашизм... с. 102.

³⁴⁶ Schreiben des Leutenants Leist, III. / Inf.-Reg. 12, an Oberstlt, Frhr. von Hammerstein. 1923 Oktober 22, München. // Vogelsang T. Die Reichswehr in Bayern und der Münchner Putsch 1923. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 5. Jahrg., 1. H., S. 96.

симпатий к Гитлеру и НСДАП, он намеревался использовать нацистов в качестве «политической пехоты», обеспечивающей массовость своей акции.

Дискуссионными остаются позиция и роль в «Пивном путче» самого руководства рейхсвера во главе с Гансом фон Сектом. Советские историки считали, что «пивной путч» был частью нереализованной многоходовой комбинации фон Секта по установлению в Германии нового правительства – директории, представлявшей собой закамуфлированную военную диктатуру³⁴⁷. Западная историография более осторожна в оценках фон Секта и признает за ним, как и в случае с Капповским путчем, лишь негласную поддержку многих идей путчистов³⁴⁸. Так или иначе, общим для всех историков может являться констатация того факта, что лидер и главный вдохновитель тактического легитимизма не считал, что настал подходящий момент для разрыва с властями Веймарской республики, тем более если эта инициатива исходила от Гитлера и НСДАП³⁴⁹. Показательна крайне жесткая реакция фон Секта по отношению к поддержавшим путчистов воспитанникам военного училища. Начальник Войскового управления прервал учебный процесс, отправив виновников произошедшего под следствие, а всех остальных преподавателей и учеников – в отпуск³⁵⁰. Впоследствии школу перенесли из беспокойного Мюнхена в Дрезден³⁵¹. Неприятному эпизоду он дал оценку как «пятну на чести молодой армии», возложив ответственность за произошедшее на преподавательский состав училища, оказавшийся неспособным обеспечить эффективную

³⁴⁷ План не удалось реализовать из-за решительной позиции президента Эберта, отказавшегося назначать Секта канцлером. См: Галкин А.А. Германский фашизм. с. 102-104., Версию об активном участии Секта в событиях 1923 г. озвучивает в своих мемуарах бывший офицер рейхсвера В. Мюллер. Мюллер В.: Я нашел подлинную родину... с. 94-99. Противоположная точка зрения изложена Эрнстом Ханфштангелем со слов адъютанта Секта полковника Зельхова: Ханфштагель Э. Мой друг Адольф... с. 104-105.

³⁴⁸ Kitchen M. A Military history of Germany from the eighteenth century to the present day. London. 1975. p. 242.

³⁴⁹ Г.-А. Винклер убежден, что своими импульсивными действиями Гитлер нарушил план фон Секта, который был готов к сотрудничеству с путчистами на равных началах, но при главенствующей роли среди них фон Кара и Лоссова. Винклер Г.-А. Веймар 1918-1933... с. 284.

³⁵⁰ Erlaß des Reichswehrministeriums – Chefs der Heersleitung, General der Infanterie v. Seeckt, 15. November 1923 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 232-233.

³⁵¹ Кноп Г. Генералы Третьего рейха... с. 28.

воспитательную работу среди молодежи³⁵². Даже если фон Сект имел связи с путчистами в Мюнхене, с момента взятия Гитлером инициативы в свои руки в пивной «Бюргербройкеллер» события развивались вне сферы его контроля и влияния.

Несмотря на то, что «пивной» путч по своему размаху значительно уступал мятежу Каппа, его последствия для политических взглядов офицерского корпуса были гораздо масштабнее. Нацистское движение, еще слабое и маргинальное, тем не менее, смогло привлечь на свою сторону многих офицеров: от генерала Эриха Людендорфа до воспитанников офицерских училищ. Последовавший судебный процесс, на котором лидер НСДАП и прославленный военачальник сидели бок-о-бок, только укрепил авторитет Адольфа Гитлера в качестве последовательного борца с «версальским диктатом». Жесткая реакция фон Секта, направленная на неудовлетворительное качество воспроизводства традиционных ценностей среди молодого офицерского пополнения, свидетельствует о понимании генералом уязвимости проводимого руководством рейхсвера курса. Однако его желание ограничить патриотические чувства офицеров, их стремление к активной деятельности рамками аполитичного служения Германии продемонстрировало свою зыбкость перед агрессивным натиском нацистов.

При всей успешности деятельности фон Секта в военно-организационных и военно-технических вопросах, после «пивного» путча был достигнут определенный «потолок» его возможностей по превращению офицерского корпуса в полноценную политическую элиту. Радикальные перемены в положении рейхсвера были невозможны при сохранении Версальского договора. Фон Сект не имел четкого понимания, как избавиться от его унижительных положений, и кулуарно признавал непреодолимую слабость Германии спустя уже почти 10 лет после окончания

³⁵² Erlaß des Chefs der Heersleitung, General der Infanterie v. Seeckt, 31. Januar 1924 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 235.

войны³⁵³. Несмотря на тайную работу по перевооружению армии, рейхсвер скорее консервировался в своем статусе, чем укреплял его. Большинство офицеров пребывало в апатии из-за слабости вооруженных сил, медленного продвижения по службе, неопределенных перспектив на будущее. Чуть лучше обстояли дела в Войсковом управлении, где велась работа по перевооружению в обход Версальского договора и его сотрудники чувствовали значимость результатов собственного труда³⁵⁴.

Офицерский корпус оставался зависим от политиков Веймарской республики, большинство из которых так или иначе выступали в своих речах против «версальского диктата», однако в реальности не имели политической воли на решительные шаги по его устранению. На этом фоне росли симпатии военных к политическим силам, отличавшимся радикальной риторикой. В разговоре с прибывшим на маневры рейхсвера в 1925 г. Михаилом Тухачевским один из германских офицеров признался, что «вступил бы охотнее всего в партию Гитлера, а во вторую очередь в компартию»³⁵⁵. При том, что вторая часть фразы вызывает определенные сомнения, показателен ее радикализм. Хотя почти все значимые немецкие партии (кроме СДПГ и КППГ) характеризовались как «дружелюбно настроенные» по отношению к рейхсверу, в целом политическим порядком республики выносился неутешительный вердикт: «Нет твердой власти, нет полной воли у президента, есть рейхстаг с политическим многоязычием, нет устойчивого правительства, нет должного внимания к рейхсверу»³⁵⁶. Партии с умеренной риторикой: партия Центра, Немецкая народная партия, Немецкая демократическая партия и др. – не вызывали по-настоящему живого отклика среди офицеров. Запрос в среде военных на обновление политической карты

³⁵³ Die ungeliebte Republik. Dokumentation zur Innen- und Aussenpolitik Weimars. 1918-1933. München. 1980. Hrsg von Michalka W. und Niedhart G.. S. 188.

³⁵⁴ Из доклада заместителя начальника штаба РККА М.Н. Тухачевского в Реввоенсовет СССР о результатах изучения рейхсвера во время осенних маневров 1925 г. // Reichswehr und Rote Armee... S. 83

³⁵⁵ Там же. S. 82-83.

³⁵⁶ Отчет о поездке в Германию командира и военного комиссара 5 стрелкового корпуса И. А. Тодоровского // Reichswehr und Rote Armee... S. 106-107.

Германии любой ценой в сторону сильной власти ощущался даже в «золотые двадцатые» (1925-1929 гг.). С наступлением в 1929 г. мирового экономического кризиса масштабы и острота этого запроса только возросли.

Молодые офицеры уже не боялись открыто заявлять свою солидарность с партией Гитлера. В казармы начала проникать нацистская агитационная литература, офицеры тайно устанавливали связи с гитлеровской партией. «Ульмский процесс» 1930 г. над тремя лейтенантами Лудином, Шерингером и Вендтом наглядно продемонстрировал масштаб поддержки НСДАП в армии. Подсудимые не побоялись охарактеризовать своих начальников как «бюрократов-генералов» и нашли в своей критике поддержку со стороны многих командиров³⁵⁷.

Смерть Фридриха Эберта и избрание фельдмаршала Гинденбурга рейхспрезидентом Германии в 1925 г. серьезно ослабили позиции фон Секта. Если Эберт безоговорочно доверял ему все вопросы, связанные с армией, то Гинденбург, обладая авторитетом «эрзац-кайзера», претендовал на то, чтобы замкнуть на себе всю политическую и военную власть. Чрезмерно независимый фон Сект был, таким образом, просто не нужен новому руководству. В 1926 г. после скандала с присутствием на военных маневрах представителя династии Гогенцоллернов он подал в отставку, сохранив, впрочем, значительный авторитет в армии³⁵⁸.

После отставки фон Секта и Гесслера³⁵⁹ изменилась конфигурация на верхнем уровне военного управления. Пришедший на место Гесслера генерал Вильгельм Грёнер сместил центр военной власти в министерство рейхсвера,

³⁵⁷ Одним из старших офицеров, вставших на защиту обвиняемых на Ульмском процессе, был будущий лидер немецкого Сопротивления генерал Людвиг Бек. Свидетелем со стороны защиты выступал сам фюрер НСДАП А. Гитлер, поспешивший заверить присутствующих в отсутствии у своей партии планов насильственного свержения власти. Находящиеся под судом офицеры получили обвинение в распространении нацистской агитации в армии и по итогам процесса отбыли непродолжительное тюремное заключение.

³⁵⁸ О высоком авторитете фон Секта свидетельствовали, в частности, советские военные специалисты. Уборевич сообщал в своем служебном отчете, что генерал «пользуется в рейхсвере исключительным влиянием и популярностью». В Дрезденском военном училище портреты фон Секта соседствовали с портретами Гинденбурга. РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 329с. Л. 13.

³⁵⁹ Военный министр Отто Гесслер ушел в отставку в 1928 г.

оставив командованию вооруженных сил инструментальные функции. В 1931 г. он также получил пост министра внутренних дел, сосредоточив поистине монопольную власть над силовыми структурами Веймарской республики. Как и фон Сект, Грёнер стремился укрепить положение офицерского корпуса в германском государстве. Цель своей работы он видел в том, чтобы «в политическом процессе Германии ничего нельзя было изменить без решающего слова армии, положенного на весы»³⁶⁰. Однако его политика была отлична от курса на строительство «государства в государстве» фон Секта. По его мнению, армия не образовывала внутри государства некую самодостаточную единицу, а служила для него краеугольным камнем, прочной основой, обеспечивающей процессы экономического и социального развития³⁶¹. Таким образом, Грёнер стремился к большей открытости рейхсвера перед государством и обществом, укреплению связей между армией и государством³⁶². «Версальский диктат» предполагалось преодолеть не одними лишь усилиями военных, а при тесном взаимодействии со всеми политическими силами Германии.

Военная политика нового министра тесно увязывалась с экономикой и социальной сферой. Одной из идей Грёнера было создание для борьбы с безработицей «добровольной рабочей службы», представлявшей собой аналог военизированной милиции³⁶³. Вместе с вопросом трудоустройства решалась задача легального содержания армейского резерва и проблема увеличивающих свою численность «политических армий» – СА и «Союза красных фронтовиков» – за счет сокращения их потенциальной социальной базы. Впрочем, идея не нашла поддержки ни у консервативной части офицеров, видевших в проекте не источник резерва, а потенциальную замену

³⁶⁰ Цит по.: Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP. Stuttgart. 1962. S. 95.

³⁶¹ Craig G. Reichswehr and National Socialism: The Policy of Wilhelm Groener, 1928-1932 // Political Science Quarterly, Nr. 2. 1948. p. 198.

³⁶² Groener über "Klare politische Linie" der Reichswehr am Schluss der Herbstmanoever 1930 vor der Presse. // Schüdekopf O. Das Heer und die Republik... S. 305.

³⁶³ Groener W. German Military Power since Versailles // Foreign Affairs, Nr. 3. 1933. p. 441.

рейхсверу, ни у контролеров Антанты, небезосновательно усматривавших в ней очередную попытку обхода условий Версальского договора.

Большое значение имело учреждение в 1929 г. специальной министерской службы, призванной осуществлять контроль рейхсвера со стороны рейхстага. Во главе ее был поставлен генерал Курт фон Шлейхер, который фактически превратил данное ведомство в полноценный посреднический орган между армией и государством, а с учетом безусловных политических талантов генерала – и в лоббистский орган рейхсвера. Впоследствии монополия Шлейхера на диалог с политиками возвысит его над военной элитой Германии и подготовит его непродолжительное канцлерство.

Попытки Вильгельма Грёнера демократизировать армию не встретили широкого понимания среди офицеров. Уже во время Ульмского процесса 1930 г. многие представители офицерского корпуса, среди которых были лидер НСГО Рюдигер фон Гольц и генерал Ганс фон Сект, выступили с критикой военного руководства, которое будто бы разрушало единство офицерского сословия³⁶⁴, очевидно имея в виду лично Грёнера. Заигрывание с политиками Веймарской республики признавалось проявлением слабости. В открытом письме на имя Грёнера один из обвиняемых Ульмского процесса, лейтенант Шерингер писал: «Министерство рейхсвера известно своим «здоровым пацифизмом». Подобные представления несовместимы с понятием боеготовности. Господин министр ссылается здесь на генерала фон Секта. Он-де тоже подвергался атакам со стороны политических партий и был вынужден идти на «компромиссы». Однако обращаться к политической ориентации предыдущего шефа Войскового управления здесь неуместно. Генералом фон Сектом и военным министром Гесслером никогда не нарушались основы военной дисциплины, товарищества, чести и

³⁶⁴ Не без чувства обиды Грёнер в одном из частных писем заявил, что фон Сект в своей критике «идёт рука об руку с господином Геббельсом». Craig G. Reichswehr and National Socialism: The Policy of Wilhelm Groener, 1928-1932 // Political Science Quarterly, 1948. Nr. 2. p. 207.

боеготовности. Войска чувствовали себя выше партий как ядро будущей армии-освободительницы, как верная защита страны. Ничего подобного сейчас нет»³⁶⁵. Запрет СА и «Союза красных фронтовиков» также был использован как повод для критики якобы необдуманной политики военного министерства уже со стороны генерала Шлейхера. В Грёнере, держа в памяти его заслуги по сохранению армии в 1918-1919 гг., были готовы видеть исключительно лоббиста рейхсвера, способного лавировать между узкими партийными интересами, сохраняя замкнутость офицерского корпуса³⁶⁶. Активность генерала вне данных рамок не находила понимания у офицеров.

В последние годы существования Веймарской республики (1930-1933 гг.) все высшие государственные должности так или иначе были заняты профессиональными военными, что еще раз развенчивает тезис о реальности «аполитичности» офицеров. Во главе государства стоял престарелый фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, три последних канцлера либо были военными (Курт фон Шлейхер), либо бывшими офицерами с сохранившимися служебными связями (Генрих Брюнинг, Франц фон Папен), профильное министерство рейхсвера также возглавлялось генералами (Вильгельм Грёнер, Курт фон Шлейхер, Фердинанд фон Бредов). Однако офицерский корпус, как и прежде, затруднялся с определением единой политической линии и не представлял собой целостной политической элиты. Даже оказавшись у руля власти, он не выказывал желания проводить собственную политику и брать на себя ответственность, но, держа в голове уроки Капповского путча, очевидно стремился найти на политическом горизонте силу, способную обеспечить правительству опору масс.

³⁶⁵ Offener Brief des Leutnants a. D. Scheringer aus der Festungshaft an den Minister Groener vom 28.10.1930 // Schüddekopf O. Das Heer und die Republik... S. 302-303.

³⁶⁶ В своем докладе о работе в Рейхсвере в 1930 г. Уборевич писал: «Грёнер рассматривается как комбинаторская фигура, как человек, который сумеет защитить в парламенте интересы рейхсвера и в то же самое время будет сохранять внутри последнего прежние традиции». РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, д. 329с. Л. 12.

Закономерным камнем преткновения стала проблема резко усилившихся с 1929 г. позиций нацистов³⁶⁷. Всё большее число офицеров, из которых многие имели высокое звание и должность, видело в Гитлере единственную национальную политическую силу, способную вытащить Германию из системного кризиса. Еще больше сторонников нацистов было в унтер-офицерском и рядовом составе³⁶⁸. Предлагая простые решения с позиций силы для непростых проблем общества и государства, Гитлер выгодно выделялся из сумбурной политической атмосферы Веймарской республики. Программа НСДАП была созвучна с воззрениями офицерского корпуса в главном – бескомпромиссной отрицании Версальского договора. Фельдмаршал Фердинанд Шёрнер, находясь в советском плену, вспоминал: «На нас, солдат, действовала особенно его ясная, лишенная всякого компромисса позиция по отношению к Версальскому договору, который привел Германию к хозяйственной катастрофе. Мысли о реванше и вооружении были нам всем очень близки. Существовавшие до этого времени правительства и старые политические партии казались нам лишёнными всякой активности»³⁶⁹. При этом в начале 1930-х гг. нацисты стали подлинно массовой партией, сотрудничество с которой обеспечило бы военной элите широкую общественную поддержку, чего не могла дать ни одна другая идеологически близкая политическая сила. «Если не считать вопроса о темпах, то Гитлер стремится к тому же, что и рейхсвер» - заявил после переговоров с нацистскими лидерами в 1931 г. генерал Курт фон Хаммерштейн³⁷⁰.

³⁶⁷ Эванс Р. Третий рейх: зарождение империи. М.: Астрель. 2010. С. 267. Успехи НСДАП на региональных выборах увенчались триумфом на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г.

³⁶⁸ Уже после назначения Гитлера канцлером офицеры жаловались, что многие унтер-офицеры «в своем обожании национал-социализма переходят границы приличия». Auszug aus dem Briefwechsel zweier junger Offiziere des Reichsheeres 1932-1933 // Müller K.-J. Armee und Drittes Reich. 1933-1939. Darstellung und Dokumentation. Paderborn. 1989. S. 149.

³⁶⁹ Из показаний генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера «О моей военной и политической жизни» от 25 августа 1945 г. // Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944-1951. Макаров В.Г., Христофоров В.С., М., 2009. с. 88.

³⁷⁰ Галкин А.А. Германский фашизм... с. 113-114.

В конце концов, о своей поддержке Гитлера стал говорить и Ганс фон Сект, всё еще обладавший большим авторитетом внутри офицерского корпуса, даже находясь в отставке. В одном из своих интервью в декабре 1930 г. он открыто выступил за включение партии Гитлера в состав правительства и, более того, считал это необходимым³⁷¹. Генерал усматривал в нацистском движении качества, необходимые будущему правительству Германии: национальное чувство, здоровый милитаризм, понимание социальных проблем. После личной встречи с лидером НСДАП в 1931 г. фон Сект уже призывал рассматривать нацистов в качестве «спасительного фактора» для Германии³⁷². На президентских выборах 1932 г. генерал, отчасти нарушая внутрикастовую офицерскую солидарность, отдал свой голос за Гитлера, а не за фельдмаршала Гинденбурга³⁷³.

При этом оставалось и много офицеров, относящихся к нацистам высокомерно-скептически. Со временем они явно теряли сторонников, но их позицию усиливала стойкая антипатия по отношению к Гитлеру рейхспрезидента Гинденбурга, готового предоставить «богемскому ефрейтору» в лучшем случае лишь пост министра почты³⁷⁴. Демарши штурмовиков и провокационная агитация Геббельса были тем, что офицерский корпус не мог принять и после 1933 г.

В оппозицию лидеру НСДАП встал и почти запутавшийся в своих интригах генерал Шлейхер, предложивший в качестве альтернативы нацистам, уже став канцлером в конце 1932 г., утопичную концепцию «поперечного фронта» (Querfront) – политической коалиции консервативных сил с участием левого крыла НСДАП во главе с Грегором Штрассером³⁷⁵. Тактика Шлейхера наглядно демонстрирует, что последний канцлер

³⁷¹ Aus der Antwort Seeckt auf die von der "DAZ" im Dezember 1930 veranstaltete Umfrage: "Was halten Sie von einer Regierungsbeteiligung Hitlers?". // Schüddekopf O. Das Heer und die Republik... S. 323.

³⁷² Герлиц В. Германский генеральный штаб... С. 252; Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. с. 36.

³⁷³ Стальные мускулы. М.: Терра, 1998. с. 53-55.

³⁷⁴ Фест И. Гитлер. Биография. Путь наверх... С. 497. Мнение Гинденбурга о Гитлере стремительно изменится на прямо противоположное уже после его назначения канцлером в течение 1933 г.

³⁷⁵ Vogelsang T. Kurt von Schleicher. Ein General als Politiker. Göttingen: Musterstedt Verlag, 1965. S. 92.

Веймарской республики, как и другие офицеры-скептики, был склонен недооценивать способности Гитлера как лидера партии, бескомпромиссный характер его политической борьбы. Тщетно пытаясь укротить нацистов с помощью дворцовых интриг и закулисных переговоров, Шлейхер лишь терял время и дезориентировал консервативные правительственные силы, все более стремившиеся выйти из затянувшегося кризиса любой ценой.

В целом офицерский корпус наблюдал за разворачивающейся картиной финала республики пассивно, обеспечивая партии Гитлера, как сознательно, так и неосознанно, благожелательный нейтралитет. Закулисные переговоры нацистов с представителями генералитета продемонстрировали нежелание военных принимать активную роль в драме краха республики³⁷⁶. В кризисные моменты военные не забывали напоминать, что они не имеют права заниматься политикой и, в случае легального прихода Гитлера к власти, продолжат служить Германии как и прежде³⁷⁷. При этом они, естественно, не проявляли желания бескомпромиссно защищать агонизирующий республиканский строй. Традиционные политические силы продолжали демонстрировать неспособность бороться с нараставшими трудностями, вызванными экономическим кризисом и безработицей. По образному выражению генерала Гюнтера Блюментрита «армия, конечно, не могла исполнять роль няньки при таком правительстве»³⁷⁸. В этих условиях дать шанс НСДАП, за которой чувствовалась сила и фанатичная уверенность, были готовы даже самые убежденные скептики³⁷⁹. 29 января 1933 г. на совещании представителей генералитета военные дали понять, что не будут

³⁷⁶ Галкин А.А. Германский фашизм... с. 113-114.

³⁷⁷ Auszug aus dem Briefwechsel zweier junger Offizier der Reichsheeres 1932-1933 // Müller K-J. Armee und Drittes Reich. 1933-1939. Darstellung und Dokumentation. Paderborn. 1989. S. 149.

³⁷⁸ Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт. Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад»... с. 30.

³⁷⁹ Слабость оппонентов Гитлера подвела многих офицеров к мысли, что он рано или поздно придет к власти в любом случае. Кутарев О.Ю. Германские элиты в эпоху становления нацизма. СПб.: Алетейя. 2013. с. 48.

иметь ничего против канцлерства Гитлера, окончательно обозначив свою позицию в сложившемся политическом кризисе³⁸⁰.

Свою роль в том, что офицерский корпус расстался с республикой без особых сожалений, сыграл опыт военного сотрудничества рейхсвера с Красной Армией. В более широком и, возможно, неожиданном смысле – комплекс впечатлений от страны победившего социализма, избавленной от парламентской демократии западного образца. Само собой, от офицеров рейхсвера не укрылись картины разрухи и неустроенности, низкого (по сравнению с Германией) уровня жизни советских граждан. Попытки показать немецким делегациям «потемкинские деревни» распознавались ими без особого труда³⁸¹. Но при этом германские офицеры видели очевидный прогресс в индустриализации и, главное, в военном строительстве Советского Союза. Восточный сосед представлялся им одной большой строительной площадкой. А темпы развития РККА были предметом неприкрытой зависти офицеров рейхсвера. Вильгельм Кейтель под впечатлением от своей рабочей поездки в Россию дал армии СССР следующую характеристику: «Красная Армия – это ядро государственного организма; она любимица коммунистической партии и вместе с тем – трамплин для прыжка на высшие посты в государстве»³⁸². Можно, наверное, поверить Гвидо Кноппу, утверждающему, что офицеры рейхсвера буквально бледнели перед якобы неисчерпаемыми возможностями Красной Армии³⁸³. Причину эффективного военного строительства германские офицеры видели, прежде всего, в авторитарной политической системе, обеспечивающей быстрое принятие решений. И это вызывало неприкрытое одобрение. В неофициальных разговорах советским командирам говорилось прямо: «вот у вас хорошо, нет пацифистов и множества партий»³⁸⁴. На этом фоне нетрудно

³⁸⁰ Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP... S. 393.

³⁸¹ Кантор Ю. З. Закаятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920-1930-е годы. СПб., 2009. с. 127-128.

³⁸² Письмо Вильгельма Кейтеля отцу. 29.9.1931 г. // Кейтель В. Размышления перед казнью... с. 54.

³⁸³ Кнопп Г. Генералы Третьего рейха. М.: АСТ, 2007. с. 139.

³⁸⁴ РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 329с. Л. 11.

понять интерес офицеров к нацистам, позиционировавшим себя выше традиционной партийной системы Веймарской республики и стремящимся к строительству сильной Германии для всех немцев.

Сам Гитлер, не забывший опыт «пивного» путча, придавал большое значение позиции офицерского корпуса в критические для республики дни конца 1932 – начала 1933 гг. В своей речи перед членами «Стального шлема» в Ганновере 23 сентября 1933 г. он выразил особую благодарность армии, заявив, что «если бы вооруженные силы не были во время революции на нашей стороне, мы бы здесь не стояли»³⁸⁵. Впрочем, дальнейший ход истории показал, что признательность нацистов по отношению к офицерскому корпусу не означала гарантии политической неприкосновенности в условиях укрепления гитлеровской диктатуры.

§2.2. Политические взгляды офицеров в условиях национал-социалистической диктатуры. 1933-1939 гг.

Назначение Адольфа Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 г. германский офицерский корпус встретил со смешанным ощущением осторожного оптимизма. Для всех было очевидно, что фюрер НСДАП не будет всего лишь ещё одним из многих канцлеров, которых видела на своем коротком веку Веймарская республика³⁸⁶. Однако офицерский корпус еще был далек от того, чтобы оценить и тем более приветствовать реальные масштабы грядущих изменений в немецком обществе и государстве.

Уже 3 февраля 1933 г., спустя считанные дни после своего назначения канцлером, Гитлер провел встречу с генералитетом рейхсвера в служебной квартире генерала Курта фон Хаммерштейн-Экворда, в ходе которой изложил свои взгляды на задачи внутренней и внешней политики Германии.

³⁸⁵ Auszug aus der Rede Hitlers auf dem Stahlhelmmappell in Hannover am 23. September 1933 // Müller K.-J. *Armee und Drittes Reich...* S. 156.

³⁸⁶ Винцер Б. *Солдат трёх армий...* с. 80.

В течение своей более чем двухчасовой речи новый канцлер обрисовывал перед присутствующими головокружительные перспективы Третьего рейха, непосредственным залогом которых могла быть только сильная, перевооруженная по последнему слову техники армия³⁸⁷. Офицерам более не придется беспокоиться о межпартийной разногласии внутри Германии – задачу по наведению порядка в стране полностью брала на себя нацистская партия, взявшая курс на установление сильной авторитарной власти. Среди главных внешнеполитических целей были обозначены отмена Версальского договора и завоевание «жизненного пространства» на Востоке. Таким образом, военные стали первыми свидетелями озвучивания Гитлером своих экспансионистских планов.

Хотя изложенные в выступлении Гитлера тезисы были созвучны воззрениям генералов, встреча получилась неожиданно холодно-сдержанной. Это был один из немногочисленных случаев, когда речь Гитлера не возымела на аудиторию гипнотического эффекта³⁸⁸. Конечно, высокомерно консервативные офицеры, составлявшие большинство слушателей, едва ли были готовы подобно толпе на митингах ловить каждое слово оратора и щедро награждать его овациями. В том, что они услышали 3 февраля 1933 г., не было ничего принципиально нового, отличного от того, что Гитлер говорил, например, в ходе избирательных кампаний последних лет республики (хотя новый статус фюрера НСДАП как главы правительства всё же придавал его словам качественно иное звучание) или писал в своей книге «Моя борьба». Офицеры были удовлетворены программой Гитлера, но ещё не испытывали к нему и предлагаемому им политическому будущему полного доверия.

³⁸⁷ Полного текста речи не сохранилось. Свидетельством озвученных Гитлером тезисов перед военными являются конспекты участников встречи. См. Aufzeichnung des Generalleutnants Liebmann über die Ausführungen des Reichswehrminister von Blomberg vor den Gruppen- und Wehrkreisbefehlshabern im Reichswehrministerium am 3. Februar 1933 // Müller K.-J. Armee und Drittes Reich... S. 158-159; Wirsching A. "Man kann nur Boden germanisieren". Eine neue Quelle zu Hitlers Rede vor den Spitzen der Reichswehr am 3. Februar 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2001, Nr. 3. S. 517-550; Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935-1943 гг. М.: Центрполиграф, 2004. с. 203.

³⁸⁸ Позже сам Гитлер признался, что во время своей речи перед генералами чувствовал, что «говорит со стеной». Фест И. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну. М.: Вече, 2007. с. 7.

Одной из причин, почему генералы по-прежнему смотрели на Гитлера с определенной подозрительностью, были отряды «политической армии» нацистов – СА. Приход Гитлера к власти легализовал миллионную организацию штурмовиков, уводил их с улиц и пивных в поле respectable государственной службы. Шеф СА Эрнст Рем, «ущербный простолюдин» в представлении рейхсверовских офицеров³⁸⁹, также усилил свои позиции. 1 декабря 1933 г. он получил пост министра без портфеля и был, таким образом, равен в своём политическом весе министру рейхсвера Вернеру фон Бломбергу³⁹⁰.

В отличие от Гитлера, получившего после выхода из Ландсбергской тюрьмы в 1924 г. репутацию «законника», Рем никогда не скрывал своего желания покончить с республикой любыми средствами. «Национал-социалистическая революция» означала для него революцию в полном смысле этого слова – со сменой государственной модели, перетряской правящих элит, переделом собственности. Как офицера и военного инструктора его, в первую очередь, занимал вопрос военной реформы. В свою очередь, сохраняя еще с веймарских времен недоверие к генералам рейхсвера, Рем не мог допустить, чтобы основу армии Третьего рейха составили консервативные кадры старого офицерского корпуса, а не его закаленные в окопах Первой мировой войны и уличных драках с коммунистами бойцы СА. Обладая определенным опытом военно-организационной работы, он считал себя одним способным реформировать «серую скалу рейхсвера» в «коричневый поток» штурмовиков³⁹¹. В представлении Рема и его сподвижников СА были не просто вооруженной организацией нацистской партии, но её ядром и идеологическим авангардом, который заслужил своей борьбой достойные дивиденды. Для

³⁸⁹ Auszug aus dem Briefwechsel zweier junger Offiziere des Reichsheeres 1932-1933 // Müller K-J. Armee und Drittes Reich... S. 150.

³⁹⁰ Эрнст Рем получил министерское назначение 1 декабря 1933 г. одновременно с Рудольфом Гессом.

³⁹¹ Фрай Н. Государство Фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945. М.: РОССПЭН, 2009. с. 15.

малообеспеченных бывших ветеранов и фрайкоровцев, мелких лавочников и торговцев – всех тех, кто составлял основу СА – социальная риторика Гитлера была не менее притягательна, чем националистическая. Рем понимал настроения своих людей. Реформа рейхсвера на базе СА одновременно решала несколько задач – снимала социальную напряженность за счет фактического трудоустройства штурмовиков, обеспечивала дальнейшее укрепление позиций Рема в правительственном кабинете, удовлетворение его организаторских амбиций.

Само собой, офицерский корпус рейхсвера не оценил энтузиазма гитлеровского соратника. Не могло быть и речи о том, чтобы доверить армию «выскачкам» и «ущербным плебеям». Единственное, на что мог пойти генералитет – предоставить СА полномочия по организации допризывной подготовки. Однако Рем показал себя неудобным переговорщиком, и попытки поиска компромисса между военными и штурмовиками быстро зашли в тупик. Когда 2 февраля 1934 г. начальник Генерального штаба генерал Вернер фон Фрич созвал совещание командующих военных округов для обсуждения взаимоотношений рейхсвера и СА, Рем не почтил его своим присутствием, ограничив свое участие письменным меморандумом, в котором заявил о намерении соединить армию и СА под своим командованием³⁹². В разгар обсуждения от него пришла уточняющая телеграмма, в которой говорилось: «Я рассматриваю рейхсвер только в качестве тренировочной базы для германского народа. Ведение войны, так же, как и мобилизации, в будущем – задача СА»³⁹³. На совместные с армией маневры Рем послал вместо себя своего заместителя - гомосексуалиста, что было расценено офицерами как явная провокация³⁹⁴.

³⁹² Mitcham S. The Rise of Wehrmacht... p. 26.

³⁹³ Цит. по: O'Neill R. Op. cit. p. 38.

³⁹⁴ Mitcham S. The Rise of Wehrmacht... p. 26.

При том, что офицерский корпус продемонстрировал единство перед угрозой со стороны Рема, фактически он уже не имел возможности бороться с ней самостоятельно. Сотне тысяч профессиональных военных противостояли почти три миллиона штурмовиков, имевших легкий доступ к оружию. Единственным человеком, кто мог поставить точку в борьбе рейхсвера и СА в почти сформировавшемся «государстве фюрера» был сам Адольф Гитлер. И хотя его риторика после 30 января 1933 г. указывала на завершение «национальной революции», вопрос о вооруженных силах нельзя было считать полностью закрытым, пока сохранялась мощная структура СА во главе с харизматичным Эрнстом Ремом.

Сложно сказать, в какой мере офицерский корпус был информирован о глубине противоречий между Гитлером и штурмовиками. Представляется справедливым предположить, что вызывающая независимость Рема, нередко граничащая с самоуправством, не осталась незамеченной для сторонних наблюдателей. Шеф СА, а теперь и министр без портфеля, оставался последним человеком, позволявшим себе обращаться к Гитлеру на «ты». Не стремился он сохранять в секрете и угрозы совершить «вторую революцию», обвиняя рейхсканцлера чуть ли не в предательстве партийных идеалов: «[Гитлер] хочет унаследовать готовую армию, чтоб ему её сформировали «спецы». Когда я слышу это слово, хочется рвать и метать. А потом, говорит он, сделает её национал-социалистической. Но сперва отдаст её под начало прусским генералам. Откуда там потом взяться революционному духу? На своих местах остаются старые козлы, которым новую войну не выиграть. Как вы все ни старайтесь, очки вы мне не вотрете. Тут вы губите душу нашему движению»³⁹⁵. Когда 28 февраля 1934 г. Гитлер на совещании с представителями армии, СА и СС открыто заявил, что штурмовики не будут

³⁹⁵ Цит. по: Фест И. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну... с. 109.

полноценной армией, шеф СА кулуарно высказался в том духе, что не собирается подчиняться «этому нелепому капралу»³⁹⁶.

Наблюдая за нарастающим напряжением на самом верху нацистской партии, руководство рейхсвера предпочло продемонстрировать Гитлеру, что армия является надежным и предсказуемым партнером в отличие от штурмовиков. «Соперничество лояльностей» между рейхсвером и СА, а также надежды на «национальное возрождение» в обществе в целом привели к тому, что в течение 1933-1934 гг. в армии усилиями самого военного руководства стала проводиться политика форсированной нацификации. Армия входила в формирующееся нацистами «народное сообщество» на правах его полноправного члена. Военный министр Бломберг использовал любую возможность, чтобы доказать лояльность армии Гитлеру – от приказов до материалов в прессе³⁹⁷. Штурмовики же оставались в противостоянии с рейхсвером малоактивны, полагая свои прошлые заслуги «периода борьбы» незыблемыми, поживая на победных лаврах января 1933 г. и ликвидируя остатки «Союза красных фронтовиков» и «Рейхсбаннера».

Гитлер, хотя и не без колебаний, по достоинству оценил показательную лояльность рейхсвера. Уже в мае 1933 г. он, как могло показаться, определил новую роль СА в будущей Германии. В своей речи перед штурмовиками он заявил: «Если армия – носитель оружия нации, то вы должны быть носителем воли немецкой нации, способствующим ее политическому формированию. Если армия – военная школа для немецкого народа, то вы должны стать политической школой, чтобы когда-нибудь оба фактора – воспитание политической воли и защита отечества – привели к великому результату. В этом заключается ваша задача, а не в том, чтобы составить какую-то конкуренцию другому крупному институту»³⁹⁸. Таким образом, Гитлер

³⁹⁶ Эванс Р. Третий рейх: дни триумфа... с. 32.

³⁹⁷ Напр. Aufzeichnung des Generalleutnants Liebmann über die Ausführungen des Reichswehrministers auf der Befehlshaberbesprechung am 1. Juni 1933 in Bad Wildungen // Müller K.-J. Armee und Drittes Reich... S. 161-162.

³⁹⁸ Цит. по: Фрай Н. Государство фюрера... с. 18.

недвусмысленно отказал СА в статусе основы будущей армии в самом начале своего канцлерства.

Ситуация политического напряжения продолжалась до лета 1934 г. Рем не был готов идти на компромиссы, но в то же время и сам не шёл на резкое обострение ситуации. Переговоры с военными были безрезультатны. Сложно сказать, насколько сведения о готовящемся путче СА, предоставленные СС и запущенные в массовый оборот Геббельсом, соответствовали действительности. Обстоятельства ликвидации Рема и его окружения свидетельствуют о том, что 30 июня 1934 г. они были застигнуты врасплох. Так или иначе, события «Ночи длинных ножей» обозначили конец притязаниям СА на привилегии «оруженосцев нации». Вместе с тем была ликвидирована последняя серьезная оппозиция Гитлеру в нацистской партии.

Так офицерский корпус рейхсвера сохранил свой статус и функции профессиональной элиты. Однако это была пиррова победа. Запущенный во время противостояния со штурмовиками механизм нацификации армии открыл возможность для встраивания вооруженных сил в систему гитлеровской диктатуры, опрокинув реальный или мнимый принцип аполитичности офицеров. Если еще в январе 1933 г. генералитет выступал в качестве полноценной договаривающейся стороны, благожелательный нейтралитет которой Гитлеру приходилось подтверждать в ходе закулисных переговоров, то к лету-осени 1934 г. баланс сил уже начал смещаться не в пользу военных. Офицерский корпус с показательным смирением отнесся к убийству в ходе «Ночи длинных ножей» генералов Шлейхера и Бредова, явно не желая обострять отношения с нацистами. Оказалось допустимым считать бывшего канцлера с его помощником «ненастоящими офицерами», заигравшимися в политику интриганами, что, впрочем, было недалеко от истины.

Причины показательной лояльности армии заключались не только (и не столько) в страхе перед формирующейся карательной системой

гитлеровской Германии. Офицеры по-прежнему видели в Гитлере политика, способного реализовать амбициозный внешнеполитический курс, провести перевооружение армии, навести порядок в стране. «Частичная идентичность целей» позволяла им не замечать издержек укрепления нацистского государства, ставя во главу угла очевидные успехи в военной политике. Офицеры были готовы даже жертвовать принципами собственной элитарной кастовости, составлявшими не так давно предмет их особой гордости, если этого требовала обстановка.

Важную роль играли и карьерные соображения. Новый военный закон от 23 марта 1935 г. вновь вводил в Германии всеобщую воинскую повинность и увеличивал численность вооруженных сил до 36 дивизий³⁹⁹. Естественно, четырех тысяч офицеров рейхсвера было явно недостаточно для командования новым вермахтом. Сидевшие годами на одних и тех же званиях офицеры наконец-то дождались долгожданного повышения. Многих вернули из отставки или пенсии, перевели из полицейской службы. Увеличился набор в офицерские училища. За четыре года (1935-1939 гг.) офицерский корпус увеличился почти в 5 раз и насчитывал к началу Второй мировой войны более 23 тысяч человек⁴⁰⁰. По справедливому сравнению историка Герхарда Вайнберга карьера офицеров вермахта пересела из трамвая в скорый поезд, который, правда, неся на всех парах к катастрофе⁴⁰¹.

Первые громкие внешнеполитические акции гитлеровского правительства обозначили две противоположные тенденции в оценках внутри офицерского корпуса: формирование безоговорочной веры в «гений фюрера» и появление первых признаков недоверия по отношению к чрезмерно рискованной политике нацистов. Опасения проявляли в основном высшие офицеры, с трудом отрешавшиеся от профессионального

³⁹⁹ Gesetz für den Aufbau der Wehrmacht vom 16. März 1935. // RGLB. 1935, T. I., S. 375.

⁴⁰⁰ Müller R.-D. Hitlers Wehrmacht. 1935 bis 1945. München: Oldenbourg Verlag, 2012. S. 19.

⁴⁰¹ Кноп Г. История вермахта. Итоги...с. 29.

высокомерия по отношению к «ефрейтору». Ввод войск в демилитаризованную Рейнскую область в 1936 г., оккупация Судетского региона в 1937 г., аншлюс Австрии 1938 г., вторжение в Чехословакию в 1939 г. – во всех перечисленных событиях генералы скорее выступали в роли скептиков, справедливо опасаясь развязывания новой войны, к которой Германия еще не была готова. Если очевидный риск вступления трех батальонов вермахта в приграничный с Францией Рейнланд осознавал и сам Гитлер, испытывая серьезные сомнения в успехе⁴⁰², то в ходе следующих акций он действовал с большей уверенностью, уже не забывая упрекать сомневающихся генералов в трусости и нерешительности.

По мере озвучивания новых внешнеполитических целей Гитлеру становилось иногда даже сложнее взаимодействовать с военным руководством. На совещании 5 ноября 1937 г. военный министр Бломберг и начальник Генерального штаба Вернер фон Фрич открыто высказались против планов по расширению «жизненного пространства» для немецкого народа, мотивируя свой скептицизм неготовностью армии решать столь масштабные задачи в краткосрочной перспективе⁴⁰³. Намечающаяся фронда среди генералов, ранее приложивших массу усилий для нацификации вермахта, представляла собой существенную угрозу для планов нацистского руководства. Перед Гитлером встала необходимость провести перестановки в военном руководстве.

В результате 1938 г. был отмечен беспрецедентным кризисом в отношениях Адольфа Гитлера и военной элиты. Наступил момент, когда архитектуре военного командования предстояло приспособиться под «государство фюрера». Как и в случае с ликвидацией руководства СА инициативой в его разрешении полностью владели нацисты, выбирая

⁴⁰² Наумов А.О. Рейнский блеф Гитлера. Ремилитаризация Рейнской области в 1936 г. // Новая и новейшая история. №3. 2011. с. 49.

⁴⁰³ Обстоятельства совещания известны благодаря т.н. «протоколу Хоссбаха – записям военного адъютанта Гитлера полковника Фридриха Хоссбаха. Дашичев В. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы Т. 1, М.: Наука. 1973, с. 123-130.

удобные для этого стратегию и формат. Не желая перечёркивать успехи нацификации армии, тем самым настраивая против себя весь офицерский корпус, гитлеровское руководство предпочло нанести по генералитету точечные удары, формально никак не связанные с политическими убеждениями жертв. Военный министр Вернер фон Бломберг был отправлен на пенсию из-за своей женитьбы на даме, некогда состоявшей на учете в полиции за непристойное поведение. Начальник Генерального штаба Вернер фон Фрич был еще более несправедливо обвинен в гомосексуализме по сфабрикованному доносу.

Тактика нацистов по компрометации генералов оказалась политически успешной. Как и в ситуации с расстрелом Шлейхера и Бредова в 1934 г. офицерский корпус в целом «проглотил» на этот раз бескровное устранение представителей военной элиты. Даже в послевоенных мемуарах генералы не выражали особого сожаления о громких отставках 1938 г.⁴⁰⁴. Некоторое недовольство среди офицеров все же вызвала беспочвенная отставка генерала фон Фрича – сказывалась явная абсурдность выдвинутых обвинений и высокий авторитет генерала. Но здесь Гитлер уже позволил себе проявить снисходительность, публично признав после многочисленных прошений несправедливость обвинений против генерала и даже восстановив его на службе в войсках⁴⁰⁵.

Кризис «Бломберга-Фрича» 1938 г. означал не только показательную отставку двух генералов. Произошли существенные изменения на уровне структуры военного руководства, окончательно оформившие подчиненное положение военных в национал-социалистической диктатуре. Гитлер принял на себя полномочия верховного главнокомандующего. Военное министерство ликвидировалось. Вместо него 4 февраля 1938 г. было

⁴⁰⁴ Напр. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 2004. с. 61; Редер Э. Гросс-адмирал... с. 299.

⁴⁰⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 24. Л. 1. Выдвинутые против Вернера фон Фрича обвинения оказали негативное влияние на его психологическое здоровье. Генерал погиб во время польской кампании 1939 г. при обстоятельствах, указывающих на признаки самоубийства.

учреждено Верховное командование вермахта (Oberkommando der Wehrmacht – ОКВ), высший командный орган, призванный объединять в себе управление над сухопутными силами, флотом, авиацией и войсками СС. Изначально оно ошибочно рассматривалось многими офицерами как незначительно видоизмененный «Большой Генеральный штаб» кайзеровской армии. Начальник штаба ОКВ Вильгельм Кейтель свидетельствовал на Нюрнбергском процессе, что значительно число генералов вермахта, являясь бывшими молодыми офицерами Генерального штаба 1918 г., стремились в том или ином виде воссоздать данный управленческий орган в Третьем рейхе⁴⁰⁶. Верховное командование вермахта в их представлении как раз и являлось таковым.

Формально ОКВ действительно имело широкие полномочия. Однако на деле Верховное командование вермахта было во многом всего лишь личной военной канцелярией Адольфа Гитлера, обеспечивающей связь верховного главнокомандующего с армией. По справедливому замечанию генерала Вальтера Варлимонта, где бы ни говорилось об ОКВ как верховной ставке с командными полномочиями, под этим следовало понимать приказы, исходившие непосредственно от самого Гитлера⁴⁰⁷. Единственным, что наполняло ОКВ реальной властью, была фигура фюрера. Вне его авторитета оно не могло оставаться ни полноценным командным органом, ни контролировать командования видов войск – сухопутных сил, флота и авиации (тем более – войска СС). Образную характеристику тождества ОКВ и Гитлера дал шеф Люфтваффе рейхсмаршал Герман Геринг, однажды заявив, что он не видит никакой разницы в приказах, если на них стоит подпись «От имени фюрера генерал-полковник Кейтель» или же «От имени фюрера майор или ефрейтор»⁴⁰⁸. И хотя это ни в коей мере не снимает с ОКВ ответственности за войну и нацистские преступления, но позднее на

⁴⁰⁶ Показания В. Кейтеля «Главный штаб вооруженных сил (ОКВ) и Генеральный штаб». ГАРФ. Ф. Р7445. Оп. 1. Д. 2087. Л. 12-13.

⁴⁰⁷ Варлимонт В. В ставке Гитлера. М.: Центрполиграф, 2005. с. 17.

⁴⁰⁸ Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич., 1999. с. 231.

Нюрнбергском процессе обвиняемые генералы Вильгельм Кейтель и Альфред Йодль были вынуждены подробно объяснять эту специфику работы ОКВ судьям и обвинителям, для которых данный орган представлялся в качестве полноценного аналога Генерального штаба или военного министерства⁴⁰⁹.

Реформа военного управления 1938 г. устраняла последние остатки влияния офицерского корпуса на политические процессы в Германии. Командная и административная власть в армии полностью замкнулись на Адольфе Гитлере. Конечно, и кайзер Вильгельм II, и рейхспрезиденты Фридрих Эберт, Пауль фон Гинденбург также обладали исключительными полномочиями в военной политике в качестве верховных главнокомандующих. Специфика положения Гитлера как высшего военного руководителя заключалась в том, что на всех уровнях иерархии военного управления были последовательно устранены любые центры силы и влияния, как организационные структуры, так и отдельные личности, способные проявлять излишнюю самостоятельность вне ограниченных вопросах обороны задач. Сложившаяся система исключала возможность появления из офицерской среды «эрзац-кайзера» (или, в соответствие со спецификой эпохи, «эрзац-фюрера») Пауля фон Гинденбурга, «сфинкса» Ганса фон Секта, интригана Курта фон Шлейхера и даже ретивого «гитлерюгенд-квекса»⁴¹⁰ Вернера фон Бломберга. Офицер вермахта устранился как самостоятельно мыслящая фигура, способная на нечто большее, чем выполнение приказов или их передачу по командной цепочке. Одиозная личность начальника штаба ОКВ Вильгельма Кейтеля представляла собой до известной степени идеальный тип гитлеровского офицера – профессионала своего дела, априори во всём согласного с фюрером⁴¹¹. Добродетель

⁴⁰⁹ Гильберт Г. Нюрнбергский дневник. Смоленск: Русич, 2004. с. 136.

⁴¹⁰ Ироничное прозвище было дано Бломбергу по аналогии с героем нацистского пропагандистского фильма за его поддержку НСДАП.

⁴¹¹ Современники из офицерской среды презирали Кейтеля за его соглашательство, наделив его прозвищами «всегда говорящего да» (Ja-Sager) и «лактейтеlem». Однако, по справедливому замечанию шефа ОКВ, никто

солдатского подчинения возводилась в абсолют, подавляя необходимое для офицера критическое восприятие обстановки. Массовый приток на службу молодых лейтенантов, прошедших социализацию при нацистах, лишь масштабировал новые порядки.

При этом сложно говорить и о том, что в 1938 г. офицерский корпус вермахта зафиксировал свой статус функциональной военной элиты Третьего рейха. Партийные «охранные отряды» СС, пришедшие на место штурмовиков, в течение всего периода 1934-1939 гг. эволюционировали от отряда личной охраны фюрера до полноценных дивизий армейского образца. Командование Ваффен-СС⁴¹² было в реальности еще менее зависимо от ОКВ, чем Люфтваффе или Кригсмарине. В памятной записке от 1 февраля 1938 г. Фрич писал: «...Это вооруженное формирование, по мере роста, становится противовесом регулярной армии и угрожает её значимости самим фактом своего существования. Хотя армия имеет определенное право инспекций состояния боевой подготовки в формированиях СС, этот отряд особого назначения развивается совершенно самостоятельно, а его личный состав целенаправленно воспитывается в духе вражды к регулярной армии. Поступающие ко мне сведения неизменно и в один голос говорят о прохладном, если не сказать враждебном, отношении солдат особого назначения ко всему, что связано с армией. Создается впечатление, что подобные умонастроения внутри частей всячески поощряются руководством СС, а внешнее выражение неприязни к армии находит воплощение в том, что солдаты СС отказываются отдавать честь армейским офицерам»⁴¹³. Хотя и Гитлер, и рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер придерживались миролюбивой риторики по отношению к вермахту⁴¹⁴, офицеры небезосновательно

из противников фельдмаршала не предпринял попыток сместить его с занимаемой должности и проводить отличную от него политику.

⁴¹² В состав Ваффен-СС входили все отдельные дивизии СС и ряд вспомогательных служб.

⁴¹³ Цит. по: Барнетт К. Военная элита рейха. Смоленск: Русич, 1999. с. 50.

⁴¹⁴ Ausführungsbestimmungen des Reichsführers SS zu den Richtlinien über die Beilegung von Streitigkeiten zwischen Angehörigen der Wehrmacht und der SS von 25. März 1937 // Müller K.-J. Armee und Drittes Reich... S. 221.

указывали на очевидные параллели с СА, некогда также претендовавшей на статус полноценной армии⁴¹⁵. С началом войны противоречия между армией и войсками СС приведут к многочисленным конфликтам вокруг вопросов подчинения и субординации⁴¹⁶.

Таким образом, в течение всего межвоенного периода (1918-1939 гг.) германский офицерский корпус стремился сохранить и упрочить своё положение значимой элитарной группы немецкого государства. Крах монархии Гогенцоллернов в ноябре 1918 г. вынудил военных искать оптимальный выход из революционного многовластия, который был найден в сотрудничестве с умеренными политическими силами. Взаимодействуя с социал-демократами, офицерам удалось нейтрализовать радикальный вариант развития революции и обеспечить себе место единственного надежного защитника республики. Победив внутреннюю смуту, офицерский корпус был бессилён открыто противостоять диктату стран Антанты и Версальскому договору, сократившему армию до 100 000 человек. Колоссальные усилия, направленные на сохранение боеспособности вооружённых сил, предпринимаемые командующим рейхсвером генералом Хансом фон Сектом, были эффективны в сложившихся условиях, но не могли сами по себе преодолеть кризисное состояние Германии после Первой мировой войны. Офицеры нуждались в политиках, способных, в отличие от социал-демократов, обеспечить не только временную стабильность, но и стимулы к развитию на основе национального единства. Единственной партией на политическом горизонте Веймарской республики, проявлявшей решимость к структурным переменам без левацких экспериментов, казалась НСДАП во главе с Адольфом Гитлером. Частичная идентичность

⁴¹⁵ Stellungnahme der Organisationsabteilung des Truppenamtes zum SS-Problem, vom 12. Oktober 1934 // Müller K.-J. Armee und Drittes Reich... S. 212.

⁴¹⁶ Один из примеров конфронтации между вермахтом и СС приводит немецкий историк Вольфрам Ветте. В 1942 г. в польском городе Пшемьсль солдаты вермахта буквально «отбили» у эсэсовцев евреев-рабочих, которым грозила отправка в местное гетто, перекрыв к нему единственную дорогу через мост. Руководивший операцией старший лейтенант Альберт Баттель мотивировал свой поступок необходимостью мобилизации рабочих для тыловой службы своей воинской части. Ветте В. Спасители в униформе – крупинцы золота на свалке германского национал-социализма // Германия и Россия в судьбе историка: сборник статей, посвященный 90-летию Я.С. Дробкина. М.: «Собрание», 2008. с. 249-250.

геополитических целей нацистов и офицерского корпуса predeterminedила благожелательную позицию армии в дни «национальной революции» 1933 г. Однако идеи о возвращении Германии в ранг великих держав в представлении нацистов были неотделимы от установления «государства фюрера», внутри которого было невозможно существование автономных центров силы и политического плюрализма. И это государство уже не отводило армии роль единственного и первостепенного защитника, формируя другие идеологически выдержанные организации и структуры. Начало Второй мировой войны германский офицерский корпус встретил как «меч фюрера», при этом не обладающий монопольным статусом даже в качестве функциональной элиты.

Глава 3. Кодекс чести германского офицерского корпуса 1918-1939 гг.

§3.1. Кодекс чести германского офицерского корпуса в 1918-1933 гг.

Отличительной особенностью профессии офицера, связанной с выполнением задач в области обороны страны, является формирование среди её представителей специфической совокупности морально-этических представлений, образующей в комплексе своеобразный кодекс чести, цель которого – укрепление внутреннего единства, цементирование и воспроизводство заданной модели поведения офицера в различных жизненных ситуациях.

Стоит отметить, что кодекс чести объективно складывается у любой группы людей, объединенных на основе общих целей и методов их реализации. Он выполняет задачу сплочения группы с точки зрения морали, внося во внутреннее единство элементы иррационального. При этом моральная сторона не обязательно отражает общечеловеческие представления о гуманности и справедливости, примером чему могут служить специфические «кодексы чести» крупных преступных группировок. В большей степени понятия «морального» и «аморального» являются следствием конкретной деятельности, вокруг которой складывается условная человеческая общность.

Так, для человека, находящегося на государственной службе, неизбежно формирование собственно «морального кодекса», где мерой «морального» является преимущественно польза того или иного деяния для страны и Родины. Даже поступки с очевидным негативным смыслом, такие как ложь или обман, приобретают качественно иное наполнение, если их конечной целью является благо государства – организационного ядра сообщества людей, объединенного общими целями и задачами в своей деятельности.

Формирование кодекса чести у людей, реализующих свои профессиональные навыки в сфере военного дела, также несет на себе печать соответствующей специфики. Очевидно, что потенциал любого военнослужащего максимально полно реализуется в условиях боевых действий, неизбежно сопряженных с высоким риском для жизни. Страх перед смертью – одна из базовых психологических констант человека – вступает в противоречие с профессиональными задачами военного. Возникает необходимость в определенном механизме компенсации, способном уравновесить этот страх, сделав возможным успешное выполнение поставленных задач военнослужащими. Российский исследователь А.С. Сенявский выделяет несколько условий, необходимых для формирования такого механизма: опора на собственную этнокультурную систему, устоявшиеся традиции и ключевые ценности социума, опора на устойчивое и целостное мировоззрение личности, использование общих психологических закономерностей, помещение военнослужащего в ситуацию выбора «победа или смерть»⁴¹⁷. Иначе говоря, возникновение такого комплекса является результатом взаимодействия множества факторов, различных по своему масштабу.

Именно кодекс чести является той психологической конструкцией, которая сочетает в себе культурно-исторические и психологические особенности общества, коллектива (в данном случае – воинского) и отдельного человека (военнослужащего). Это отличает его от, например, дисциплинарного устава, формально-юридического документа, призванного определить перечень наказаний за конкретные нарушения.

В отличие от документов военного законодательства, кодекс чести, как правило, не находит полноценного отражения в виде письменно оформленного документа. Причина заключается в гибкости и абстрактности его положений, их специфическом характере, направленном на

⁴¹⁷ Сенявский А.С. Психологическая регуляция и подготовка воинов в различных исторических и этнокультурных условиях. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. с. 63.

психологическую материю человека. Нормы кодекса чести должны находиться, в первую очередь, в сознании военнослужащего, а не на пыльных страницах брошюр библиотеки воинской части.

Кроме того, кодекс чести как психологическая конструкция, направленная на уравнивание базового для человека страха смерти, обладает значительным духовным зарядом иррационального. В общем виде это выражается в примате интересов коллектива (от ближайших сослуживцев-однополчан до государства и Родины) над индивидом. Военнослужащий подвергает свою жизнь опасности во имя идеалов, выходящих за пределы личных эгоистичных интересов. С другой стороны, он закономерно рассматривает интересы страны, которой он служит, в качестве приоритетных и безусловно моральных.

Кодекс чести содержит в себе элементы и положительной, и отрицательной мотивации. С одной стороны, важными добродетелями любого военнослужащего признаются такие качества, очевидно демонстрирующие презрение к страху смерти, как храбрость и отвага. Боец, достойно показавший себя в соответствии с ними, как правило, отмечается наградами, орденами, различными отличительными почетными знаками. Он является примером для своих товарищей. Наоборот, такие качества как трусость и малодушие, отражавшие проявления страха за свою жизнь в ущерб профессиональным задачам, порицались с точки зрения морали и преследовались с применением суровых наказаний. Таким образом, принцип действия кодекса чести во многом соответствует модели «кнута и пряника», сочетающей в себе поощрение и наказание.

Кодекс чести призван быть моральным регулятором деятельности военнослужащего не только в военное, но и в мирное время. Несмотря на озвученный выше тезис о войне как ситуации, в которой происходит максимальная реализация потенциала солдата или офицера, большая часть их жизни проходит в условиях мирного времени. Здесь возникновение ситуации, выражающейся в антагонизме «победа или смерть», гораздо менее

вероятно, поэтому на первый план выходят иные аспекты морального кодекса: трудовая этика, повседневный этикет, практика разрешения конфликтов, верность служебному долгу, охрана сведений, составляющих государственную тайну и т.п.

Обращаясь к кодексу чести германского офицерского корпуса в рассматриваемый нами хронологический отрезок (1918 – 1939 гг.), важно отметить, что, хотя он и обладает отдельными общими для всех военнослужащих морально-духовными элементами, тем не менее, имеет целый ряд характерных исторически обусловленных особенностей.

Формирование кодекса чести германского офицера происходило в период развития массовых вооруженных сил Германской империи, основанных на принципе всеобщей воинской повинности, т.е. в последней трети XIX – нач. XX вв⁴¹⁸. Сложившийся в это время комплекс морально-этических представлений был своеобразной точкой отсчета, эталоном для офицерского корпуса и республиканского рейхсвера, и гитлеровского вермахта. Его генезис сочетал в себе, с одной стороны, опору на традиции прусского офицерского корпуса и даже средневекового германского рыцарства, а с другой - ориентацию на новые реалии развития военной и общественной организации.

В представлении кайзеровских военных теоретиков офицерский кодекс чести осознавался в качестве объективной данности и имел многоуровневую структуру. Так, полковник Клеменс фон Шпон в своей монографии, посвященной судам чести, писал, что офицер обладает, с одной стороны, универсальной честью, присущей каждому добропорядочному человеку, а с другой стороны, обладает честью сословной, характеризующей его как представителя офицерского сообщества⁴¹⁹. Существование отдельной сословной чести и меру ее отличия от универсальной он объяснял различным

⁴¹⁸ Этот процесс интенсифицировался во время правления кайзера Вильгельма II (1888 – 1918), уделявшего повышенное внимание военному строительству.

⁴¹⁹ Spohn C. v. Die Bedeutung, Stellung und Pflichten des Ehrenrats nebst Würdigung der Tätigkeit des Kommandeurs. Berlin: Eisenschmidt, 1910. S. 8.

чувством долга, увязанным с ответственностью того или иного «сословия» перед страной и кайзером. Поскольку именно офицерский корпус являл собой основу армии – главного защитника и гордость Германской империи – то он обладал исключительной ответственностью за её судьбу. Следовательно, он с полным правом был обязан иметь особый кодекс чести. Практически к аналогичным выводам пришел немецкий историк Ганс Дрифтман, утверждая, что офицер, в отличие от солдата, обладает не только «профессиональным» чувством долга, характерным для всех военных, но и «сословным» долгом (Standespflichten), выражающимся в безупречном выполнении своих обязанностей с поправкой на особые представления о чести (Ehrauffassung)⁴²⁰. Такое дробление абстрактного мировоззренческого понятия чести можно считать обусловленным расширением офицерского корпуса в последней трети XIX – начале XX вв., когда возникла необходимость объяснить офицерам–выходцам из буржуазии исключительность офицерского сословия, параллельно все более теряющего преимущественно дворянский характер.

Особое положение единственного защитника страны закономерно имело своим следствием обостренное чувство патриотизма среди офицерского корпуса, нередко переходившее в неприкрытый национализм. Офицеры поддерживали курс на агрессивную «мировую политику» кайзера Вильгельма II и служили проводниками милитаристских настроений в немецком обществе. Проявлявшие себя на литературном поприще офицеры выдвигали одну за другой программы действий, позволявшие Германской империи занять достойное «место под солнцем». Уже рассмотренные выше генералы Фридрих фон Бернхарди, Кольмар фон дер Гольц и многие другие имели на руках, как им казалось, готовые рецепты успеха.

«Пишущие генералы» выражали настроения всего германского офицерского корпуса – обеспечить великое будущее Германии, разгромив в

⁴²⁰ Driftmann H. Grundzüge des militärischen Erziehungs- und Bildungswesens in der Zeit 1871-1939. Regensburg: Walhalla und Praetoria, 1980. S. 89, 94.

победоносных войнах главных соперников на европейском континенте – Англию, Францию, Россию. При этом сама Германская империя оставалась в представлении офицеров достаточно отвлеченным, трудно осязаемым понятием. Появившись буквально на глазах их поколения, она еще не успела пройти в сознании путь от объекта мечтаний патриотично настроенных интеллектуалов до геополитической реальности. Однако восходящая к средневековым рыцарским временам добродетель верности своему сюзерену-правителю позволила офицерам быстро решить: чем же в первую очередь является для них Германия и во имя каких идеалов они несут свою службу? Ответом стала фигура кайзера Германской империи.

Именно верность кайзеру и готовность к самопожертвованию за него лично признается первоочередным нравственным императивом для офицерского корпуса в военной методической литературе и публицистических работах вильгельмовской Германии⁴²¹. Офицер предстает в качестве надежного меча в руках монарха, готового в любой момент нанести удар по противнику. Иррациональная вера в кайзера сделалась основным нравственным фундаментом, на котором возводилось всё здание морального кодекса офицера. Эрих фон Манштейн, начавший свою военную карьеру еще до Первой мировой войны, писал: «Для армии именно император, а не какой-то абстрактный «народ» или «государство», был «точкой кристаллизации» ее верноподданнических чувств. В среде военных никогда не употребляли выражение «государственная служба», речь могла идти исключительно о «службе императору». При этом не имело никакого значения персональное отношение того или иного солдата к личности конкретного монарха. Армия служила не Вильгельму Второму, а «Императору»⁴²². Лишенной персональной конкретики образ германского правителя полностью воплощал в себе все атрибуты Родины и государства.

⁴²¹ Der Offizier als Erzieher des Volkes. Berlin. 1888. S. 13-14.

⁴²² Манштейн Э. фон. Из жизни солдата. Ростов н\Д. 2000. с. 23.

Безусловно, образ кайзера не отменял понятие Родины – Фатерланда, Германии, за которую офицеры так же шли в бой и несли свою службу в мирное время. Однако именно предметность фигуры императора определяла его доминирующее положение в моральном кодексе кайзеровского офицерского корпуса. Она одновременно была частью и основой духовной конструкции Германской империи, едва ли не важнейшим её символом, а с другой стороны, занимала вполне конкретное место в военной иерархии, лишённое двусмысленности и неопределённости. Философские размышления о сущности Родины жестко ограничивались очевидным для армии требованием подчиняться приказам верховного главнокомандующего.

Являясь категорией иррациональной, верность кайзеру тесно увязывалась с религиозным чувством. Девиз армии звучал так: «С Богом за кайзера и Родину»⁴²³. По образному выражению британского историка Мартина Китчена, военными капелланами Бог превозносился как покровитель Германии, чей голос вещает в пользу осуществления морской программы и увеличения вооружений, и который не испытывает симпатий к наивным пацифистам, а кайзер объявлялся представителем Бога на земле, которому предоставляется неограниченная поддержка во внешней политике⁴²⁴. В брошюре «Офицер как воспитатель народа» провозглашалось: «Ни гениальность, ни превосходство, ни удача, но христианско-германский дух богобоязненности, честь и долг победили в 1870 г. Они победили дух мятежа, фривольности и атеизма»⁴²⁵. Консервативно-охранительные мировоззренческие элементы смыкались здесь с откровенно клерикальной пропагандой.

Фиксацией иррационального чувства долга перед кайзером, религиозного чувства и всей совокупности моральных добродетелей была военная присяга. Её текст был одинаков и для солдат, и для офицеров.

⁴²³ Kitchen M. A Military History of Germany from the eighteenth century to the present day. London. 1975. p. 166.

⁴²⁴ Kitchen M. Op. cit. p. 167.

⁴²⁵ Der Offizier als Erzieher des Volkes. Berlin: Mittler, 1888. S. 11.

Присяга военнослужащих проводилась на боевом знамени части. Подчеркивая её сакральный характер, авторы брошюры «Офицер как воспитатель народа» писали: «Без страха божьего клятва на знамени лишь лицемерная церемония, а без неё не может быть никакой истинной верности»⁴²⁶. Примечательно, что верность воинской присяге даже в конце XIX в., ознаменовавшегося значительной секуляризацией общества, имела в своей основе религиозные мотивы.

Другим важным элементом кодекса чести германского офицера считалась аполитичность: отказ от всякой политической деятельности, участия в партийной борьбе, выступления на митингах и т.п. При этом «аполитичность» кайзеровского офицера не означала политической наивности или свободы взглядов. Офицеру не просто допускалось, но и всячески поощрялось критиковать и доказывать своим подчиненным ущербность опасных для монархии политических течений, в первую очередь, социализма и демократии⁴²⁷. Участие в партийной борьбе было под запретом, а единственными «священными» партиями для офицера провозглашались власть кайзера, религия, родина, родной дом и семья⁴²⁸. Таким образом, под аполитичностью офицера кайзеровской армии понималось не равнодушие, а, напротив, безусловная приверженность идеалам монархического государства и лично императору при отторжении всего иного.

Если говорить о частной жизни германского офицера, то стоит сразу оговориться, что она не вполне признавалась как отдельная составляющая, в том смысле, что офицер даже вне службы должен был оставаться образцом присущих ему добродетелей. Сменив военный мундир на гражданский костюм, он продолжал свою службу отечеству и всем своим образом жизни был обязан выражать традиционные ценности⁴²⁹. Иначе говоря, проступок

⁴²⁶ Ibid. S. 22.

⁴²⁷ Der Offizier als Erzieher des Volkes... S. 18.

⁴²⁸ Ibidem.

⁴²⁹ Примечательно, что даже появление офицера на массовых мероприятиях в гражданской одежде не находило одобрения. См. Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 196-197.

офицера, совершенный им вне исполнения служебных обязанностей, всё равно не мог иметь смягчающих обстоятельств.

Значительная часть внеслужебной жизни офицера проходила внутри офицерских салонов (или казино). Изначально они организовывались в качестве места доступного досуга для молодых офицеров, не имевших финансовой возможности для иного внеслужебного времяпровождения⁴³⁰. Лишь спустя некоторое время под влиянием изоляционистских тенденций и сословной спеси среди офицерского корпуса салоны стали привилегированной площадкой с ограниченным правом входа, куда стремились получить доступ даже не имеющие отношения к вооруженным силам люди.

В казино офицер мог общаться с равными, со своими товарищами в духе аристократической светской беседы, играть в карты (хотя это рассматривалось скорее как допустимый умеренный порок), употреблять в разумных количествах алкогольные напитки. Здесь же на мероприятиях или раутах нередко происходило знакомство с будущими женами, т.к. присутствие женщины в таком аристократическом собрании недвусмысленно указывало на её высокое происхождение и положение в обществе, что было главным фактором для кандидатки в офицерские жены.

Поведение офицера в обществе своих товарищей, да и просто «на людях» должно было отличаться сдержанностью⁴³¹. С одной стороны, чрезмерная скромность не вызывала уважения, с другой – показательно роскошный образ жизни тоже не одобрялся. «Золотой серединой» считалась ситуация, когда офицер вместе со своей семьей не чувствовали себя нуждающимися в средствах. Исключения не допускались. Так, отец фельдмаршала Йодля был вынужден даже оставить военную службу из-за

⁴³⁰ Деметр К. Германский офицерский корпус... с. 233.

⁴³¹ Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 197.

того, что женился на деревенской девушке и был не в состоянии «подтянуть» общий семейный уровень жизни до принятых норм⁴³².

Совокупность конкретных качеств и поступков, которые можно было бы охарактеризовать как «положительные», «достойные» или, наоборот, «отрицательные» и «неприемлемые», сложно рассматривать в качестве устоявшихся категорий. Представляется справедливым тезис Карла Деметра о том, что общим знаменателем поведения офицера является западноевропейский «социальный идеал джентльмена», соединявший в себе черты облика средневекового рыцарства, гуманистических представлений, подытоженных принципом «всё, что правильно – позволено»⁴³³.

Человеком, которого, вероятно, можно рассматривать в качестве воплощения типичных идеальных черт германского офицера, стоит считать будущего гитлеровского фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, чей образ жизни был как бы классическим для офицерской среды⁴³⁴. Еще лейтенантом он сформулировал для себя жизненное кредо юности: «Никаких азартных игр и никаких историй с женщинами», абстрагировавшись тем самым от пороков, которым зачастую предавались его товарищи⁴³⁵. К сфере интересов молодого Кейтеля можно отнести охоту, лошадей, ремесло землевладельца, т.е. все то, что можно обозначить в качестве сугубо аристократических занятий и досуга. Несмотря на то, что развлечениям его многих сослуживцев Кейтель предпочитал «приличное времяпровождение» в домашней обстановке, в офицерских собраниях он не находился в положении изгоя и считался мастером светской беседы и неплохим танцором⁴³⁶.

Примеры других офицеров в целом подтверждают характерные особенности образа жизни военного сословия кайзеровской Германии.

⁴³² Барнетт К. Военная элита рейха. Смоленск. 1999. с. 209.

⁴³³ Деметр К. Германский офицерский корпус... с. 249-250.

⁴³⁴ О типичности персоны и судьбы Кейтеля как германского офицера пишет, например, Гвидо Кноп: «Слишком мало самобытности было в этой фигуре, слишком сильно отождествлялась она с закономерным итогом ошибочного пути развития, став олицетворением пороков всей военной касты». Кноп Г. Генералы Третьего рейха. М.: АСТ, 2007. с. 124.

⁴³⁵ Кноп Г. Генералы Третьего рейха. М.: АСТ, 2006. с. 128.

⁴³⁶ Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск. 2003. с. 14-15.

Людвиг Бек, обладая более разносторонним образованием и широким кругозором, чем сосредоточенный на военном деле Вильгельм Кейтель, тем не менее также проводил свой досуг в рамках аристократической традиции, отдавая много свободного времени чтению и конным прогулкам⁴³⁷. Аналогичным образом можно охарактеризовать образ жизни будущего начальника штаба сухопутных войск (1938-1942 гг.) Франца Гальдера⁴³⁸, Эриха фон Манштейна⁴³⁹ и других офицеров.

Органом разрешения противоречий в плоскости морально-этических вопросов был «совет чести» (Ehrenrat). Он представлял собой судебное учреждение в составе трёх человек, формируемое командиром части для разрешения конфликтов, относящихся к сфере вопросов офицерской чести⁴⁴⁰. В общей системе военной юриспруденции он занимал место особого органа дисциплинарного судопроизводства, под юрисдикцию которого попадали исключительно офицеры⁴⁴¹. Впервые «совет чести» появился еще в прусской армии в соответствии с законом от 3 августа 1808 г. В качестве постоянного судебного органа он был введён только в 1843 г., тогда же и был детально проработан механизм его формирования и функционирования⁴⁴². Состав «совета» утверждался через всеобщее голосование офицеров части, проходившее ежегодно в октябре, простым большинством голосов сроком на один год⁴⁴³. Все офицеры обладали одновременно активным и пассивным избирательным правом. Таким образом, наравне с заслуженным полковником в «совет» теоретически мог войти и молодой лейтенант. Однако председателем «совета чести» неизменно становился самый старший по возрасту избранный офицер. Собрания «советов чести» инициировались возникновением ситуации, затрагивающей честь отдельного офицера или

⁴³⁷ О соответствии образа жизни молодого офицера Людвига Бека традиционной для военной среды модели: Müller K.-J. Generaloberst Ludwig Beck. Eine Biographie. Paderborn. 2008. S. 34-35.

⁴³⁸ Hartmann C. Halder. Generalstabschef Hitler. 1938 – 1942. Paderborn. 1991. S. 33-35.

⁴³⁹ Манштейн Э.ф. Из жизни солдата. Ростов н/Д. 2000. с. 15-16.

⁴⁴⁰ Spohn C. Die Bedeutung, Stellung und Pflichten des Ehrenrats... S. 13-14.

⁴⁴¹ Absolon R. Wehrgesetz und Wehrdienst. 1935-1945. Das personalwesen in der Wehrmacht... S. 286.

⁴⁴² В 1874 г. советы чести по прусскому образцу распространились на вооруженные силы Баварии, Саксонии и Вюртемберга. Absolon R. Wehrgesetz und Wehrdienst... S. 286.

⁴⁴³ Spohn C. Die Bedeutung, Stellung und Pflichten des Ehrenrats... S. 18.

всего коллектива. Для удобства делопроизводства была разработана своеобразная трехчастная «шкала» оценки межличностных конфликтов, включавшая в себя обиду (Kränkung), легкое оскорбление (leichte Beleidigung) и тяжелое оскорбление (schwere Beledigung)⁴⁴⁴. Она касалась в основном случаев, связанных с угрозой дуэльной ситуации между офицерами, в остальном же рассмотрение каждого дела носило частный характер с учетом всех обстоятельств произошедшего.

Структурные изменения в немецком обществе и государстве после поражения в Первой мировой войне и революции 1918 г. отразились и на кодексе чести германского офицерского корпуса.

Без всякого сомнения, главным событием, существеннее всего отразившемся на моральном кодексе германских офицеров, стало отречение кайзера Вильгельма II и установление в Германии республиканской формы правления. Идеал монарха, на который ориентировался офицер, потерпел абсолютный крах, поскольку Вильгельм не погиб в героической борьбе, но добровольно (хотя и не без давления со стороны ближайшего окружения) отказался от власти, к тому же сбежав из Германии в соседнюю Голландию. Тяжело переживая уход императора⁴⁴⁵, германский офицерский корпус с первых дней существования Веймарской республики столкнулся с неприятным и непонятным вакуумом, образовавшимся на месте некогда непререкаемого авторитета. Другим сокрушительным ударом станут заключение Версальского мирного договора и фактическая демократизация армии. Новая структура власти требовала выработки иных механизмов обеспечения внутренней целостности и лояльности.

Решающую роль здесь, как во многих других вопросах военного развития Германии, сыграла деятельность генерала Ганса фон Секта (1919-1926 гг.), стремившегося не только сохранить армию и офицерский корпус организационно, но и обеспечить в трудных условиях его высокое морально-

⁴⁴⁴ Ibid. S. 21-22.

⁴⁴⁵ Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб... с. 198-199.

психологическое состояние, преемственность с традициями старой армии. В многочисленных циркулярах и приказах он пытался сформулировать основы морального кодекса офицеров республиканского рейхсвера, который его явно заботил.

С точки зрения понимания чести как абстрактной категории фон Сект стремился обозначить четкий континуитет с кайзеровскими временами. Здесь не предполагалось перемен. Он уверял офицеров, что, пока те выполняют свой долг, их чувство чести остается неприкосновенным⁴⁴⁶. Под выполнением же долга в нынешних стеснительных условиях генерал понимал «честную мирную работу», которая заложит основы успеха на полях сражений в будущем. Таким образом, в смысловой цепочке «честь-долг» акцент смещался в сторону укрепления рабочей этики. Победа над Версальским диктатом должна была сначала быть достигнута не на полях сражений, а в тихих кабинетах Войскового управления, Министерстве рейхсвера, в штабах воинских частей.

Высокая трудовая этика, действительно, была отличительной характеристикой офицера рейхсвера. Жена Вильгельма Кейтеля Луиза сочувственно сообщала в одном из своих писем о своём супруге: «Если он [Кейтель] не засиживается в своем служебном кабинете с полдевятого утра до шести вечера, то без всякого аппетита проглатывает что-нибудь, а потом сидит до поздней ночи за этими проклятыми военными картами»⁴⁴⁷. Другой видный представитель офицерского корпуса, генерал Людвиг Бек работал по 15 часов в сутки. Каждый день он вставал в 5.30 утра, с 6 до 8 часов совершал верховую прогулку, затем завтракал, в 8.30 за ним заезжала служебная машина и отвозила его на работу на улицу Бендлерштрассе. Появляясь в своем кабинете в 9 утра, он трудился без перерыва до 7 часов вечера, возвращался домой, ужинал, снова усаживался за рабочий стол и

⁴⁴⁶ Erlaß des Generalstabes, Generalmajor v. Seeckt, an die Generalstabsoffiziere, 7. Juli 1919 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 218.

⁴⁴⁷ Письмо Луизы Кейтель матери. 16 мая 1925 г. // Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск. 2003. с. 43-44.

работал с 9 часов вечера до полуночи⁴⁴⁸. Контактировавшие с рейхсвером командиры Красной Армии были удивлены работоспособностью своих немецких коллег: «Когда смотришь, как зверски работают над собой немецкие офицеры от подпоручика до генерала, как работают над подготовкой частей, каких добиваются результатов, болит нутро от сознания нашей слабости», – делился впечатлениями в письме Ворошилову командир Белов⁴⁴⁹.

Моральный кодекс формировал особый идеал офицера, представлявшего одну из самых образованных профессий в Германии. Ему предписывалось не только в совершенстве владеть военным ремеслом, но и разбираться в политике, экономике, психологии и других науках⁴⁵⁰. При этом не оставалась в стороне и физическая подготовка. Заместитель Наркома по военным и морским делам СССР И.П. Уборевич писал об увиденном в рейхсвере: «Поражает строевая выправка и физическая бодрость немецкого офицера. Наш командир рядом с немецким офицером во многих случаях окажется физически вялым, студентом, высушенным наукой. Все офицеры занимаются верховой ездой. Ездят каждый день. Много занимаются спортом. Мы были у 50-летнего полковника Шмольке: у него на квартире комната со всякими гимнастическими приборами, где он и семья упражняются. Этот старый полковник физически бодр и развит как лейтенант»⁴⁵¹.

В дальнейших указах Сект продолжает развивать проблематику чести в направлении поддержания традиций кайзеровской армии. В своём указе от 1 января 1921 г., носящем во многом «программный» характер, он заявлял: «Я убежден, что новые вооруженные силы в общем и целом будут сохранять и развивать старое представление о чести как священное наследие великого

⁴⁴⁸ Барнетт К. Военная элита рейха. Смоленск. 1999. с. 40, 42.

⁴⁴⁹ О подготовке офицеров рейхсвера. Письмо Белова – Ворошилову. 7 октября 1930. // Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М.: «Советская Россия», 1992. с. 272.

⁴⁵⁰ Enders F.-K. Reichswehr und Demokratie. München. 1919. S. 52; Герлиц В. Германский Генеральный штаб... с. 221.

⁴⁵¹ РГВА. Ф 33987, Оп. 3а, Д. 329, Л. 17.

прошлого»⁴⁵². Три года спустя он, уже скорее в утвердительном смысле и не без чувства удовлетворения отмечает, что «основы представлений о чести, её защита, присущие старой армии, не утрачены и в новых войсках»⁴⁵³. Несмотря на рассмотренный выше эпизод с поведением курсантов Мюнхенской пехотной школы во время «Пивного» путча, получивший резкое осуждение Секта, он, очевидно, был в целом доволен ситуацией с кодексом чести рейхсвера.

В то же время проблема ценностного вакуума, образовавшегося после падения монархии, не могла быть решена только на базе механического заимствования ориентиров старого духовного наследия. Место кайзера не могло быть занято ни одним из государственных институтов Веймарской республики. И рейхспрезидент, и рейхстаг, и правительство – все они были производными от партийно-политической борьбы, которая до сих пор была чужда офицерскому корпусу. Стремительно сменявшие друг друга кабинеты министров во главе с канцлерами, имена которых иногда даже не успевали запоминать⁴⁵⁴, были хрупкими конструкциями краткосрочных компромиссов. Рейхстаг был тем местом, где армию осыпали упреками и оскорблениями, ругали за якобы непомерно раздутый бюджет⁴⁵⁵. Наконец, президент Эберт был скорее наименьшим злом, удобной для сотрудничества фигурой без сакрального смысла, чем реальным символом, способным заместить фигуру кайзера⁴⁵⁶. При этом вся государственная структура Германии после Первой мировой войны воспринималась большинством офицеров не как результат демократического развития и тем более революционных перемен, а как

⁴⁵² Erlaß des Reichswehrministeriums – Chef der Heersleitung, General der Infanterie v. Seeckt, 1. Januar 1921 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 224.

⁴⁵³ Auszug aus dem Erlaß des Reichswehrministeriums – Chef der Heersleitung, General der Infanterie v. Seeckt, über Wahrung der Ehrenhaftigkeit in der Armee, 30. April 1924 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 237.

⁴⁵⁴ «Никто из нас не мог бы сказать, как зовут по имени, например фон Брюнинга, фон Паппена или Шлейхера». Винцер Б. Солдат трех армий... С. 80.

⁴⁵⁵ Gössler O. Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit... S. 136-137.

⁴⁵⁶ Хольтиц Д. фон. Солдатский долг. Воспоминания генерала вермахта о войне на западе и востоке Европы. 1939-1945. М.: Центрполиграф, 2015. с. 12.

навязанная державами-победительницами система, сродни оккупационной. Опора на неё была невозможной.

Не мог заменить кайзера и немецкий народ. Революционные события 1918 г., развитие многопартийности, широкая политизация – все это ставило под вопрос само понятие единого немецкого народа в глазах офицеров, притом, что декларируемое на высшем уровне единство народа и кайзера составляло один из опорных моментов их мировосприятия. Фельдмаршал фон Манштейн вспоминал: «...вскоре выяснилось, что никакой мало-мальски выраженной народной воли, которая могла бы компенсировать авторитет короны, нет, даже по самым насущным вопросам политического и экономического развития. [...] Правые и левые, относившиеся друг к другу как к смертельным врагам, были единомышленны только в том, что результаты «революции» их ни в коей мере не удовлетворяли, пусть даже и по диаметрально противоположным причинам. Между ними располагались центристы, которые хотя и отстаивали демократические принципы, однако были в основной своей массе крайне неоднородны. [...] Так как же могло понятие «народ» заменить армии идею монарха, если народ находился в состоянии раскола и сам не знал, чего он хочет?»⁴⁵⁷. Офицеры, привыкшие рассматривать социал-демократов, анархистов и других оппонентов монархии кайзеровских времен лишь в качестве побочных деструктивных общественно-политических явлений, оказались не готовыми принять возникшую после революции палитру мнений и взглядов.

В результате, фигуру кайзера сменили без того взаимосвязанный с ним в недавней истории образ абстрактной Германии - Фатерланда, великой в своем прошлом и будущем, но слабой и беззащитной в настоящем. Применительно к рейхсверу и его офицерскому корпусу этот образ появился, по-видимому, уже в день заключения пакта Эберта-Грёнера, когда впервые, по словам Грёнера, «пробудилась необходимость служить не какой-то

⁴⁵⁷ Манштейн Э. фон. Из жизни солдата... с. 25-26.

определенной форме государства, но и просто Германии»⁴⁵⁸. Вопреки своим ценностным установкам, руководство кайзеровской армии в дни революции не стало отчаянно цепляться за монархическую идею или блокироваться с близкими по духу правыми националистическими группировками, но прагматично сделало ставку на единственную политическую силу в лице Эберта, способную осуществлять управление государством.

Представляется уместным снова обратиться к воспоминаниям фельдмаршала фон Манштейна: «...на смену имперской идее в сознании тогдашней армии пришли не «государство», не «народ» (и тем более не какая-то партия), а некое абстрактное понятие «рейха». Оно объединяло в себе народ и государство как нечто достойное поддержки и защиты. Людям непосвященным такая преданность немецкого солдата столь неопределенному, почти мистическому понятию может показаться непонятной, а многим немцам – достойной сожаления. Как бы то ни было, она как нельзя более точно отражает сущность немецкого национального характера»⁴⁵⁹. Таким образом, в основе мировоззренческой трансформации офицерского корпуса лежала радикальная деперсонализация образа Германии, некогда воплощавшейся в фигуре кайзера.

Действительно, абстрактная «Великая Германия» офицера рейхсвера оценивалась сторонними наблюдателями как весьма оригинальная конструкция. Так, советские военные специалисты в своих отчетах о пребывании на маневрах в рейхсвере рассматривали её скорее как ширму для реваншизма и неременное условие для политики лавирования, а не как следствие «национального характера». В своем докладе о работе в рейхсвере в 1930 г. Уборевич сообщает: «Рейхсвер как бы служит отвлеченной идее: «Великой Германии» и «великой родине». Основное назначение его руководителей лавировать среди подводных скал современного парламентаризма. [...] ... Вся политика его руководителей сводится к

⁴⁵⁸ Gröner W. Lebenserinnerungen... S. 467.

⁴⁵⁹ Манштейн Э. фон. Из жизни солдата... с. 26-27.

лабиринтованию и маневрированию с целью сохранить рейхсвер «государством в государстве», обречь его от тлетворного влияния партийной борьбы и сохранить его в лице носителя идеи Великой Германии»⁴⁶⁰. Два года ранее идею «Великой Германии» зафиксировал в своем докладе и командир 5 стрелкового корпуса И.А. Тодоровский: «Рейхсвер живет прошлым и будущим Великой Германии»⁴⁶¹.

Процесс принудительного вытеснения авторитета кайзера из морального кодекса германского офицерского корпуса протекал неравномерно. Значительное число офицеров, особенно старшей возрастной группы, жило надеждой на возрождение прошлого в том или ином виде и оказалось не готовым проявить гибкость в мировоззренческих вопросах. Однако после провала Капповского путча в марте 1920 г., им, если они хотели сохранить место на службе, приходилось либо следовать идеалу абстрактной «Великой Германии» хотя бы формально, либо ограничивать выражение своего недовольства ностальгическими беседами в офицерском казино.

В основном же к моменту стабилизации обстановки в Веймарской республике к середине 1920-х гг. монархизм офицерского корпуса в той мере, в какой он мог угрожать его целостности или представлять опасность для политической ситуации в Германии, был преодолен. Советские военные специалисты не без удивления отмечали это обстоятельство в своих отчетах. В докладе за 1928 г. преподавателей Военной академии им. Фрунзе Красильникова и Свечникова утверждается, что «монархическая идея имеет сравнительно ограниченное число сторонников»⁴⁶². Год спустя Тодоровский признает распространенность монархических идей лишь у части офицеров, тесно связанных с «аристократией»⁴⁶³. Наконец, побывавший в 1930 г. на

⁴⁶⁰ РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 329. Л. 12.

⁴⁶¹ Отчет о поездке в Германию командира и военного комиссара 5 стрелкового корпуса И. А. Тодоровского // *Reichswehr und Rote Armee...* S. 104.

⁴⁶² РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 148с. (1). Л. 76.

⁴⁶³ «Часть, связанная с аристократией, с помещичьими усадьбами, часть, занимавшая видное место или имевшая хорошие перспективы в старой армии, живет монархическими убеждениями». Отчет о поездке в

стажировке в рейхсвере Уборевич открытых монархических настроений вообще не обнаружил⁴⁶⁴. Подобное единство оценок советских военных специалистов при всех издержках их формирования, тем не менее, представляется показательным⁴⁶⁵. Впрочем, как будет рассмотрено далее, с остатками монархических настроений в той или иной форме еще придется столкнуться нацистским идеологам и пропагандистам.

Закономерным следствием ослабления монархических настроений стало новое понимание пресловутой аполитичности. Теперь главным её проявлением стала изоляция от политической жизни во всех своих проявлениях, в первую очередь, от партийной борьбы. «Слова «партия» и «политизация» были для нас дурным тоном» – признался генерал Ганс Остер на допросе в 1944 г.⁴⁶⁶. До революции 1918-1919 гг. и отречения кайзера офицеры могли хотя бы свободно критиковать социал-демократов, чувствуя за собой прочный фундамент официального монархизма. Теперь они стали одной из политических сил, между которыми руководству рейхсвера приходилось лавировать для того, чтобы поддерживать продвижение своих интересов в рейхстаге.

Чаще всего за «аполитичностью» большинства офицеров рейхсвера в реальности скрывались не соответствовавшие духу времени консервативные или националистические взгляды. Национализм вообще был и оставался константой их ура-патриотического мировоззрения. Если в офицерском казино не одобрялось читать газеты «Берлинер тагеблат» и «Франкфуртер цайтунг»⁴⁶⁷, то издания Немецкой Национальной Народной Партии или Немецкой Народной Партии встречались достаточно часто⁴⁶⁸. Показная

Германию командира и военного комиссара 5 стрелкового корпуса И. А. Тодоровского // Reichswehr und Rote Armee... S. 105.

⁴⁶⁴ РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 329. Л. 11.

⁴⁶⁵ О том, что возврат к монархии не стоял на повестке дня, пишут и немецкие исследователи. Напр. Zöpf A. Wehrmacht zwischen Tradition und Ideologie. Der NS-Führungsoffizier im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt u.a. 1988. S. 19.

⁴⁶⁶ Anlage zu dem Bericht des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD, Kaltenbrunner, an den Reichsleiter der NSDAP, Martin Bormann, vom 20. August 1944 betr. 20. Juli 1944 über die Vernehmung Generalmajor Oster // Armee und Dritte Reich... S. 142.

⁴⁶⁷ Ibidem.

⁴⁶⁸ РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 329. Л. 11.

аполитичность офицерского корпуса была, как и прежде, направлена, прежде всего, против левых социал-демократов и коммунистов. Сложнее было снабдившей силу НСДАП – с точки зрения политических установок она находила много общего с запросами офицерского корпуса. Но радикализм партии Гитлера, плебейское происхождение её многих вождей, непримиримая вражда с оппонентами, вылившаяся в яростные уличные бои штурмовиков СА с бойцами коммунистического «Союза красных фронтовиков» и «Рейхсбаннера» социал-демократов, наконец, неудачный «пивной» путч способствовали тому, что офицеры долгое время рассматривали нацистов с позиций показной аполитичности.

Политика, в том виде, в каком она существовала в Веймарской республике, была для офицеров действительно одновременно отталкивающей и опасной. Те силы, на которые рейхсвер хотел или мог опереться для продвижения своих интересов, не обладали монопольной властью (как это было при кайзере) или даже большинством голосов в рейхстаге. С другой стороны, радикальные партии – нацисты и коммунисты – стремились заручиться поддержкой рейхсвера, иметь там своё влияние. Именно КППГ и НСДАП были теми политическими силами, по отношению к которым офицерский корпус должен был оставаться «аполитичным», в реальности - отвергающим их. Нормы, внедряемые на уровне морального кодекса, дополнялись реальными наказаниями за их нарушение. Бывший офицер рейхсвера Бруно Винцер писал, что военное командование якобы в неофициальном порядке награждал золотыми часами военнослужащего, выявившего коммуниста или нациста среди солдат и офицеров рейхсвера⁴⁶⁹.

Другим важным событием, повлиявшим на моральный кодекс германского офицерского корпуса, стала отмена «советов чести». В соответствии со 105-й статьей новой конституции Германии запрещалось

⁴⁶⁹ Винцер Б. Солдат трех армий... с. 50.

всякое особое судопроизводство и, в частности, суды чести⁴⁷⁰. Это означало, что все конфликты в армии, возникавшие в сфере противоречий морально-этического характера, должны были решаться гражданскими судами. Реализовать на практике новое положение было проблематично. «Суды чести» в значительной степени опирались на моральный авторитет выборных председателей «советов чести», а дела рассматривались офицерами, знакомыми с обстановкой в своих частях. Воспроизвести аналогичные условия при гражданском судопроизводстве было невозможно. Кроме того, нарушался сам принцип привилегированного положения офицерского корпуса, которому отказывалось в праве решать свои вопросы, не обращаясь к третьим лицам.

Впрочем, судя по документам, после отмены «судов чести» их место заняли специальные комиссии, формируемые по каждому случаю командованием части с разрешения министерства рейхсвера. Примером работы такой комиссии является разбирательство между тремя офицерами 1 и 3 дивизии I военного округа (Берлин): капитаном фон Фрейбергом (9 пехотный полк), старшим лейтенантом Рере (1-я транспортная рота) и лейтенантом Герлахом (1 пехотный полк), имевшее место в 1920-1923 гг.⁴⁷¹. Детальное рассмотрение его положений позволит нам составить определенное представление о порядке разрешения противоречий, связанных с нарушением кодекса чести в рейхсвере.

Поводом к инспекционной проверке послужила докладная записка капитана фон Фрейберга от 9 марта 1920 г. на имя своего непосредственного начальника майора Хенелта⁴⁷². В ней молодой офицер жаловался на своих подчиненных – старшего лейтенанта Рере и лейтенанта Герлаха, которые якобы распускали среди личного состава аэродрома оскорбительные по

⁴⁷⁰ RGBL. Bd. 1919. № 152. S. 1403; Absolon R. Wehrgesetz und Wehrdienst. 1935-1945. Das Personalwesen in der Wehrmacht. Vöppard am Rhein. 1960. S. 287.

⁴⁷¹ Материалы дела представлены в трофейных фондах РГВА: Ф. 1303, Оп. 3. Д. 135. Из-за сравнительно небольшого количества сохранившихся документов рейхсвера, представляется справедливым подчеркнуть научную значимость данного источника. Во всех документах указаны только фамилии офицеров и их звания.

⁴⁷² РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 135. Л. 58.

отношению к капитану слухи. Фон Фрейберг обвинял Рере и Герлаха в подрыве авторитета всего офицерского корпуса и просил о разрешении ситуации (впоследствии фон Фрейберг отозвал свои обвинения по отношению к лейтенанту Герлаху).

11 декабря 1920 г. вышло предписание министерства рейхсвера с требованием разобраться в случившемся⁴⁷³. В нем были заявлены три цели предстоящего разбирательства: действительно ли со стороны офицеров (Рере и Герлаха) было проявлено неподобающее отношение, не лжесвидетельствует ли фон Фрейберг и должен ли в эту ситуацию вмешиваться рейхсвер или же она является предметом личного выяснения отношений указанных офицеров.

Очевидно, что далее последовал весьма продолжительный, занявший несколько месяцев процесс сбора информации и доказательств. При этом капитан фон Фрейберг в первые месяцы расследования по-прежнему вступал в столкновения со ст. лейтенантом Рере, о чем был вынужден пожаловаться командованию в отдельном письме⁴⁷⁴. 17 мая 1921 г. последовал приказ командира дивизии, запрещающий Рере предпринимать любые персональные шаги по отношению к фон Фрейбергу. Там же сообщалось, что расследование невозможно рассмотреть быстрее (об этом в своей жалобе также просил капитан фон Фрейберг) по причине того, что оно приобрело широкий размах⁴⁷⁵.

14 июня 1921 г. был утвержден состав комиссии расследования, в которую входили офицеры из 1 и 3 дивизии I военного округа (Берлин), к которым принадлежали участники конфликта⁴⁷⁶. В её полномочия входило изучение полученных ранее материалов, опрос участников конфликта, ознакомление с их письменными показаниями и, наконец, подготовка заключения и вердикта процесса.

⁴⁷³ РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 135. Л. 4.

⁴⁷⁴ РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 135. Л. 15.

⁴⁷⁵ РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 135. Л. 16.

⁴⁷⁶ РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 135. Л. 19.

Главными материалами процесса были письменные показания офицеров: фон Фрейберга, Рере и Герлаха. Во всяком случае, в своем заключении, датированным 1 декабря 1922 г., комиссия при анализе ситуации ссылается только на них.

Что же представлял из себя произошедший конфликт, если судить о нём по указанным документам?

Капитан фон Фрейберг получил назначение в службу инспекции аэродрома Дёберниц. Данная служба выполняла задачу контроля над исполнением положений Версальского договора, по которому германская авиация как вид войск подлежала ликвидации. По прибытии на место службы фон Фрейберг произвел осмотр аэродрома, в ходе которого ему докладывал ст. лейтенант Рере. По не вполне определенным причинам он сразу стал выражать по отношению к капитану предубежденное отношение, выражавшееся в невыполнении его указаний и настраивании против него унтер-офицерского состава. Спустя некоторое время Рере при поддержке лейтенанта Герлаха установил за капитаном настоящую слежку, сопровождавшуюся инициацией слухов, выставлявших его как человека, занятого в сомнительных комбинациях с имуществом аэродрома. Со стороны фон Фрейберга происходящее выглядело как кампания за смещение его в пользу некоего майора Штрециуса, якобы также претендовавшего на эту должность. Назревавший конфликт завершился жесткой словесной перепалкой между фон Фрейбергом и Рере в бильярдной комнате аэродрома. Доведенный до отчаяния капитан назвал своего обидчика «грязным подстрекателем» (Wühlen im Dreck), провокатором (Spitzel) и негодяем (Schuft).

Комиссия фактически имела две жалобы – от капитана фон Фрейберга относительно подстрекательской деятельности Рере и от лейтенанта Рере относительно оскорбления своей личности фон Фрейбергом. В результате изучения всех обстоятельств дела, она признала, что поведение капитана фон Фрейберга было правильным, а его оппоненты получили оскорбления не без

оснований⁴⁷⁷. Комиссия отметила, что сдержанность в отношениях между офицерами была нарушена, однако в целом дисциплина внутри офицерского корпуса подорвана не была. Фон Фрейберг был признан пострадавшей стороной. При этом никаких взысканий лейтенант Рере не понес – очевидно, члены комиссии всё же учли оскорбительную словесную эскападу фон Фрейберга и посчитали конфликт полностью исчерпанным.

Прецедент рассмотренного разбирательства позволяет сделать вывод, что даже несмотря на отмену «судов чести» (и, соответственно, «советов чести») конфликты, затрагивавшие вопросы поведения офицерского корпуса, по-прежнему рассматривались в особом порядке и не отдавались на откуп гражданским судам, как это предписывала конституция Германии. Продолжительный срок разработки дела – почти 3 года - свидетельствует о том, что подход к таким процессам был лишен формализма. Честь офицера рейхсвера даже в непростые годы Веймарской республики защищалась военным руководством столь же ревностно, как и в кайзеровские времена.

Если рассматривать кодекс чести офицера рейхсвера в аспекте повседневной жизни, то и здесь можно отметить стремление максимально сохранить модель, характерную для кайзеровской армии. Основным препятствием являлся экономический аспект, т.к. офицерский корпус, хотя и не принадлежал к малообеспеченным социальным группам Веймарской республики, тем не менее, серьезно пострадал после революции и не остался в стороне от повсеместного ухудшения экономической обстановки.

Сильнее всего экономические трудности отражались на молодых офицерах (лейтенанты, старшие лейтенанты). Получаемого ими жалования, особенно в дни разгула инфляции, с трудом хватало для весьма скромного проживания, особенно с учетом необходимых расходов на «представительство мундира»⁴⁷⁸. Не особенно свободны в тратах были и офицеры среднего а, в отдельных случаях, и старшего звена. Здесь стоит еще

⁴⁷⁷ РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 135. Л. 56.

⁴⁷⁸ РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 329. Л. 16.

раз напомнить пример Карла Дёница, имевшего в середине 1920-х гг. звание капитан-лейтенанта, и вынужденного при поездках на поезде ограничиваться вагонами четвертого класса и полностью отказаться от посещения досуговых учреждений, таких как театр или музей⁴⁷⁹. Вследствие финансовых трудностей досуг офицеров практически полностью замкнулся на офицерском казино. Кафе, рестораны, театры посещались ими исключительно редко, причем, как правило, в штатской одежде⁴⁸⁰.

В особо тяжелых случаях офицерам приходилось влезать в долги и попадать в зависимость от профессиональных кредиторов. После того как один молодой офицер покончил с собой, не имея возможности расплатиться по долгам, Сект призвал командиров следить за финансовым состоянием своих подчиненных⁴⁸¹. Единственным способом избежать проблем с финансами он считал строгое соответствие потребностей офицера его жалованию, тем самым призывая к скромности и экономии.

С проблемой финансового благополучия был напрямую увязан вопрос женитьбы. Как и раньше, выбор будущей супруги не мог состояться без одобрения командования. В 1922 г. было издано подтверждающее распоряжение, запрещавшее офицеру вступать в брак без одобрения начальства⁴⁸². В качестве необходимых условий для содержания семьи были определен возраст офицера (не моложе 27 лет), отсутствие у жениха и невесты долгов и наличие доходов, позволяющих вести достойный образ жизни. Будущая супруга офицера должна была обладать «безупречной репутацией» и происходить из «уважаемой семьи». Предписанные требования не были чем-то новым для офицерского корпуса, однако пошатнувшееся финансовое положение молодых офицеров – основных кандидатов в будущие мужья – делало теперь ранний брак практически

⁴⁷⁹ Ермаков А.М. Очерки истории германского вермахта... с. 84.

⁴⁸⁰ РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 329. Л. 16.

⁴⁸¹ Erlaß des Reichswehrministeriums – Chef der Heersleitung, General der Infanterie v. Seeckt, über wirtschaftliche Verhältnisse der Offiziere, 28 März 1925 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 242-243.

⁴⁸² Ермаков А.М. Очерки истории германского вермахта... с. 83.

невозможным. Уборевич отмечал в своем докладе: «Офицер, если он живет на жаловании, обыкновенно женится лишь после того, как бережливой личной жизнью находит известные средства или уже получит чин капитана»⁴⁸³. Он же указывал на, видимо, относительно новую практику внебрачного сожительства, получившую ограниченное распространение среди молодых офицеров, однако формально скрываемую от начальства⁴⁸⁴. Такой свободный формат отношений, очевидно, подразумевал меньшую взаимную ответственность партнеров, тогда как статус мужа обязывал его содержать семью, а жена должна была соответствовать традиционным установкам офицерского корпуса в той же мере, что и муж⁴⁸⁵.

Разводы были не запрещены, но и не одобрялись, хотя, как и в случае со всеми другими вопросами, лежащими в плоскости кодекса чести, причины и обстоятельства их учитывались применительно к каждому конкретному случаю. Порой даже слишком поспешный брак после смерти первой жены приводил к порицанию – именно так произошло с Вильгельмом Грёнером, который, уже занимая кресло военного министра, значительно подорвал свой авторитет в глазах рейхспрезидента Гинденбурга и своих консервативных товарищей, женившись сразу после смерти жены, к тому же на своей любовнице, уже находившейся в положении⁴⁸⁶.

Безусловно, не все отступления от традиционного кодекса чести германского офицера имели под собой финансовую подоплеку. Сплетни и слухи, их распространение и потакание им можно с полным правом отнести к универсальным антиценностям, существовавшим еще в кайзеровской армии и благополучно переместившимся в рейхсвер. Жесткое ограничение численности офицерского корпуса заставляло оставшихся на службе «счастливицков» держаться за свои места и терпеливо ожидать повышения, которое могло затянуться на долгие годы. Естественно, такое положение

⁴⁸³ РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 329. Л. 16.

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Примечательно, что именно семейные дела стали полем поиска компромата и давления со стороны СС на генералов Бломберга и Браухича в 1938 г.

⁴⁸⁶ Kitchen M. A Military History of Germany from the eighteenth century to the present day... p. 270.

вещей, дополнявшееся и без того непростыми политико-экономическими условиями Веймарской республики, подчас делало обстановку внутри коллектива офицеров достаточно напряженной. Уже рассмотренный выше пример конфликта на аэродроме Дёберниц показывает, что офицер не был застрахован от попыток сместить его с должности по инициативе недоброжелателей из своей среды, в том числе и через сплетни.

Повышение же в звании было настоящим событием. И.П. Уборевич, ставший в 1930 г. свидетелем плановой ротации офицеров рейхсвера сообщал: «В этом году в марте-феврале должны по возрасту уйти в отставку около 70-ти офицеров. Открывается возможность повышения в следующий чин 70-ти офицерам. Сколько надежд и чаяний связано с ним!»⁴⁸⁷. Нетрудно представить напряженную атмосферу ожидания, под воздействием которой офицеры рассматривали друг друга в том числе и как конкурентов по карьерной лестнице.

Свою негативную роль слухи и сплетни сыграли во время «пивного» путча, во многом спровоцировав выступление на стороне Гитлера и Людендорфа курсантов Мюнхенского пехотного училища заодно с частью преподавательского состава. Именно слухи о личной просьбе присоединиться к путчу со стороны Гинденбурга побудили многих из них перейти к активным действиям. Спустя некоторое время после его провала Сект в одном из своих указов, посвященных воспитанию офицерского корпуса, заявил, что «любовь к сплетням несовместима с чувством товарищества»⁴⁸⁸. Он возлагал одинаковую ответственность и на тех, от кого исходят слухи, и на тех, кто способствует их распространению⁴⁸⁹. Отдельно Сект напоминал, что офицер находится в ответе за то, что говорит и делает

⁴⁸⁷ РГВА. Ф. 33987, Оп. 3а, Д. 329. Л. 18.

⁴⁸⁸ Erlaß des Reichswehrministeriums – Chef der Heersleitung, General der Infanterie v. Seeckt, über Erziehung der Offiziere und des Offizier Nachwuchses, 30 August 1924 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 240.

⁴⁸⁹ Erlaß des Reichswehrministeriums – Chef der Heersleitung, General der Infanterie v. Seeckt, über Klatsch im Offizierkorps, 5 Mai 1924 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 238.

его супруга. Распуская сплетни и слухи, она подрывала и свой авторитет, и мужа, что, само собой, признавалось недопустимым.

Наконец, еще одной проблемой, бросавшей тень на кодекс чести офицера рейхсвера, была вневременная тема алкоголизма. Само по себе употребление алкогольных напитков, в том числе и в офицерских казино, не возбранялось, и, как правило, данный процесс укладывался в нормы культуры потребления в Германии. Однако и здесь безрадостные для военных реалии Веймарской республики внесли свои коррективы. В указе от 30 августа 1924 г. Сект признавал, что и в прежние дни среди офицеров попадались жертвы злоупотребления алкоголем, но «в нынешние времена всеобщей нужды и национальных бед проблема стала вдвое острее»⁴⁹⁰, и рекомендовал командирам заканчивать праздничные мероприятия раньше, чем могут возникнуть неприятные последствия. Очевидно, меры рекомендательного характера действия не возымели, так как спустя полгода генералу пришлось признать, что количество правонарушений, совершенных офицерами в нетрезвом состоянии, возросло⁴⁹¹. Сект ограничил продажу шнапса в офицерских казино и столовых, уволил ряд офицеров, отметившихся проступками под влиянием алкоголя, и приказал рассматривать алкогольное опьянение как отягчающее обстоятельство при правонарушениях⁴⁹². Трудно сказать, насколько действенными оказались данные меры в решении этой проблемы, однако, как будет рассмотрено далее, проблемы с алкоголем имели и офицеры вермахта.

В веймарский период была предпринята попытка систематического изложения основных положений кодекса чести офицера в документе, имеющем юридическую силу. 15 сентября 1929 г. Войсковым управлением была издана служебная брошюра «Охрана Чести» (*Wahrung der*

⁴⁹⁰ Erlaß des Reichswehrministeriums – Chef der Heersleitung, General der Infanterie v. Seeckt, über Erziehung der Offiziere und des Offiziernachwuchses, 30 August 1924 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 240.

⁴⁹¹ Erlaß des Reichswehrministeriums – Chef der Heersleitung, General der Infanterie v. Seeckt, über Erziehung der Offiziere, 28 Februar 1925 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten... S. 242.

⁴⁹² Ibid.

Ehrenhaftigkeit)⁴⁹³, призванная регламентировать отдельные вопросы межличностного взаимодействия военнослужащих. В ней честь признается «высочайшей добродетелью военнослужащего». Ответственным за поддержание в войсках надлежащего морального климата признавался офицер, которому предстояло силой примера служить образцом добродетелей. Главную ответственность несли офицеры, находящиеся на должностях командира полка как относительно самостоятельной боевой единицы.

Признавая, что в современном рейхсвере нет судов чести, обладающих реальными юридическими полномочиями, документ предпринимает попытку официального воссоздания советов чести как совещательных органов при командире воинской части⁴⁹⁴. В их задачу входил сбор сведений по распоряжению командира части о возникших в ней конфликтах, информирование его о настроениях внутри воинского коллектива, оказание поддержки офицерам по вопросам кодекса чести, посреднические функции. Как и в кайзеровские времена, такие советы избирались всеобщим тайным голосованием офицеров полка – теперь в апреле сроком на один год. С процедурной точки зрения деятельность советов была аналогичной таковой периода кайзеровских времен с той лишь разницей, что их решения носили рекомендательный характер и требовали одобрения командира части.

Очевидно, что по мере некоторого ослабления контроля со стороны стран Антанты рейхсвер стремился вернуться к стандартам кайзеровской армии, что отражалось в том числе и на уровне регулирования вопросов, связанных с кодексом чести. При том, что сохранять специфическое для офицеров судопроизводство в той или иной степени удавалось и в первые годы после катастрофы 1918 г., дальнейшие действия в этом направлении закономерно привели к реставрации порядков старой армии в рейхсвере.

⁴⁹³ Wahrung der Ehrenhaftigkeit. Berlin: Reichswehrministerium, 1929.

⁴⁹⁴ Ibid., S. 2.

§3.2. Моральные устои офицера Третьего рейха в 1933-1939 гг.

Как и республиканский рейхсвер, гитлеровский вермахт и его офицерский корпус старались придерживаться традиционных основ морального кодекса, восходящих к кайзеровской армии. Вместе с тем, динамика национал-социалистического движения и строительство тоталитарного государства с исключительной ролью нацистской идеологии не могли оставить без изменений ни одну сферу общества и государства в Германии. Построение «народного сообщества» внутри страны, активная и все более явно наступательная внешняя политика, антисемитские кампании, появление «конкурентов» в лице СА и СС – все это не могло не отразиться на моральном кодексе офицера армии Третьего рейха.

Различные отклонения в кодексе чести рейхсверовского офицера были, в основном, вынужденной мерой, издержками приспособления под Версальский договор и реалии «нелюбимой республики». В вермахте же все изменения в моральном кодексе являлись следствием целенаправленной политики НСДАП по повсеместному распространению национал-социалистического мировоззрения. В этом смысле влияние на офицера национал-социалистической морали и его адаптация к таковой происходили не только в силу занимаемого положения в военной иерархии, но в двойном размере, - и как на обычного человека, живущего в Третьем рейхе.

Прежде всего, трансформации подлежал авторитет абстрактной «Великой Германии», во имя которой несли службу офицеры рейхсвера. Чувство национального подъема, охватившее немецкий народ после 1933 г. и умело подогреваемое нацистскими пропагандистами, демонстративный отказ от соблюдения условий Версальского договора, успешная борьба с безработицей и последствиями экономического кризиса – всё это убеждало офицеров, что «светлое будущее» их страны не так далеко, как казалось ранее. Культ Адольфа Гитлера, распространявшийся теперь из партийной

среды на всех граждан Третьего рейха, со всей очевидностью давал ответ на вопрос, благодаря кому Германия движется вперед.

Применительно к офицерскому корпусу конструирование авторитета «фюрера» происходило не с чистого листа. Идея сильной личности во главе государства, пусть и не монарха, пользовалась у офицеров рейхсвера, особенно молодежи, огромной популярностью. Представляется правильным рассматривать это обстоятельство диалектически: и как видоизмененную монархическую идею, и как актуальную альтернативу ей. Так как армия является структурой с жесткой иерархией и принципом единоначалия, для военного человека естественно стремление оперировать аналогичными категориями и в гражданской жизни. И кайзер, и условный «сильный лидер» в этом смысле являются естественным завершением универсальной иерархии: военной и гражданской. Они – воплощение высшей командной власти.

Альтернативность фигуры фюрера монархической идее заключалась в её универсальности. Авторитет кайзера обладал известной дифференциацией в контексте сословной структуры общества и её естественного социального деления (иными словами, безусловный монархизм офицерского сословия едва ли стоило ожидать, например, от пролетариата). Фюрер же мыслился офицерами в качестве общенациональной фигуры, обладавшей безусловной поддержкой всего общества, независимой от других органов власти, в первую очередь, рейхстага. Именно с такой личностью они связывали надежды на освобождение от «версальского диктата» и на сплочение народа. Напряженное ожидание таковой было настолько сильным, что не осталось незамеченным даже для советских военных специалистов. М.Н. Тухачевский в своем отчете сообщал: «Все мечтают о каком-то «мессии», который сплотит все партии и восстановит германское могущество»⁴⁹⁵.

⁴⁹⁵ Из доклада заместителя начальника штаба РККА М.Н. Тухачевского в Реввоенсовет СССР о результатах изучения рейхсвера во время осенних маневров 1925 г. // *Reichswehr und Rote Armee...* S. 82.

Хотя харизма лидера НСДАП А. Гитлера в большей степени, чем кого-либо еще на политическом горизонте Веймарской республики, соответствовала стереотипным представлениям о «сильном лидере», офицеры были склонны до поры до времени воспринимать фюрера со значительной осторожностью. До «пивного» путча и тюремного заключения Гитлера их отталкивал его радикализм, готовность свергнуть пусть и ненавистное, но все же законное правительство силой. Кроме того, нацисты оставались тогда в целом еще локальным баварским политическим явлением, и их лидер не успел проявить себя как объединяющая всех немцев фигура. В этих условиях формировавшуюся партию Гитлера офицеры могли рассматривать в лучшем случае в качестве союзника на правах «младшего брата».

Ситуация начала меняться после выхода Гитлера из тюрьмы в 1925 г. и провозглашения им курса на легальный приход к власти. Массовая агитация нацистов накануне парламентских и президентских выборов завоевала голоса миллионов немцев, что не могло остаться незамеченным даже «аполитичными» офицерами рейхсвера. Политические требования Гитлера, созвучные внутренним настроениям офицеров, стали звучать все чаще и громче. Все большее их число приходило к убеждению, что бывший ефрейтор кайзеровской армии может стать «немецким Муссолини». Однако в целом позитивный образ Адольфа Гитлера омрачала дурная репутация его ближайших сподвижников – Геббельса, Рема, Розенберга, шумные выходки рядовых штурмовиков СА⁴⁹⁶.

Назначение Гитлера 30 января 1933 г. не изменило противоречивый окрас авторитета нацистского лидера в глазах офицерского корпуса. Молодые офицеры испытывали огромный энтузиазм, тогда как их старшие коллеги придерживались выжидательной позиции. Консервативный генерал Адам в своей речи перед офицерами в мае 1933 г. со всей откровенностью

⁴⁹⁶ «С Геббельсом и Ремом ничего конструктивного не построить» - делился своими соображениями в письме один молодой лейтенант в начале января 1933 г.// *Armee und das Dritte Reich...* S. 148.

заявил: «Мы, офицеры, не принадлежим к галдящей массе, которая столь волшебным способом пробудилась, и не имеем повода клясться в своей лояльности»⁴⁹⁷. Даже картины массового народного ликования воспринимались многими офицерами с осторожностью, как будто они видели в них тревожные образы революционных волнений осени 1918 г. с озлобленной толпой, агрессивно настроенной по отношению ко всякому человеку в офицерских погонах.

Переломной точкой в установлении безусловного авторитета Адольфа Гитлера в вооруженных силах и офицерском корпусе можно считать лето 1934 г. Показательно ликвидировав партийную оппозицию, физически устранив верхушку СА во главе с Эрнстом Ремом, грозившую офицерам радикальными военными реформами, Гитлер дал понять, что полностью готов опираться на армию в своей дальнейшей политике. В это же время (2 августа 1934 г.) умер рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург, остававшийся в первый год нацистского правления мощным авторитетом для офицерского корпуса. Уход с исторической сцены последнего символа «старой» Германии (в том числе, и Веймарской республики, того относительного позитива, который он олицетворял), предваренный 30 июня демонстративным со стороны Гитлера актом расправы над потенциальной угрозой рейхсверу, определил готовность офицерского корпуса к важным мировоззренческим переменам. Формально это обстоятельство было оформлено принятием 2 августа 1934 г. новой военной присяги, где клятва верности теперь приносилась лично фюреру Адольфу Гитлеру, и вышедшим в этот же день указом военного министра Бломберга⁴⁹⁸.

Впрочем, даже изменение текста присяги еще не означало одномоментного изменения мировоззрения офицеров. Процесс нацификации, одной из характерных черт которого было установление абсолютного авторитета А. Гитлера, продолжался в армии вплоть до начала Второй

⁴⁹⁷ Ausführungen des Chefs des Truppenamtes, General Adam, vor den Teilnehmern der 3. Großen Generalstabreise Anfang Mai 1933 // *Armee und das Dritte Reich...* S. 152.

⁴⁹⁸ Erlaß an die Wehrmacht vom 2. August 1934 // *RGBL, 1934, Teil I, S. 756.*

мировой войны⁴⁹⁹. Основным её объектом были консервативные старшие офицеры, т.к. молодое пополнение обычно приносило веру в фюрера еще из гражданской жизни. Проводниками этого и других аспектов нацификации были военная пресса, публицистическая литература, лекции нацистских пропагандистов. Министр пропаганды Йозеф Геббельс неоднократно лично выезжал на встречи с офицерами и выступал перед ними с эмоциональными речами. Резюмируя одну из таких встреч в своем дневнике, главный пропагандист Третьего рейха, признав свой «большой успех» и воодушевление присутствующих, всё же отметил слишком большое количество монархистов в их рядах и необходимость дальнейшей работы с ними⁵⁰⁰.

Почти никак не отреагировав на события 30 января 1933 г., военная пресса в своих материалах постепенно раскрывала тождество Адольфа Гитлера с Германией, которая еще недавно была самодовлеющим незыблемым нравственным понятием. Теперь ситуация менялась: Германии без фюрера суждено было оставаться слабой и униженной. Уже 15 сентября 1933 г. газета Союза немецких офицеров вышла с передовой статьей «Фюрер и вермахт»⁵⁰¹, в которой проводился анализ очередного съезда НСДАП в Нюрнберге, характер которого должен был указывать на всенародный характер движения. Автор статьи призывал рассматривать Гитлера не просто как рейхсканцлера, но еще и как солдата Первой мировой войны, духовно близкого всему военному сословию. В одном из первых номеров после смерти Гинденбурга руководитель Союза немецких офицеров граф Р. фон дер Гольц, отдавая последние почести почившему фельдмаршалу, фактически утверждает гитлеровский культ: «Для нас, старых офицеров, Адольф Гитлер является человеком, разрушившим международную рабскую

⁴⁹⁹ Вторая мировая война не только не привела к прекращению процесса нацификации армии, но внесла логичную для военного времени специфику, рассмотрение которой не входит в задачи данной работы. Представляется возможным говорить о прекращении нацификации военнослужащих только с момента подписания Германией безоговорочной капитуляции 9 мая 1945 г.

⁵⁰⁰ Запись от 15 мая 1934 г. Die Tagebücher von Joseph Göbbels, hrg. von Elke Fröhlich, Teil I, 1923-1941, Bd 3/I, S. 48.

⁵⁰¹ Der Führer und die Wehrmacht. // DOB, №26, 15. September 1933, S. 713-714.

веймарскую систему, разжигающую классовую борьбу, и миролюбивым фюрером, ведущим свой народ к славе, свободе и равноправию. Его цель – единое обороноспособное народное сообщество, состоящее из немцев всех сословий, лишенных противоречий между собой – также и наша цель. Мы – боевые товарищи Адольфа Гитлера, которые его понимают»⁵⁰². Статья заканчивается нацистским приветствием, и это первый подобный случай для данного издания.

В руководящих военных документах, затрагивающих мировоззренческие вопросы, культ фюрера проявляет себя достаточно осторожно. Еще в 1937 г. генерал фон Вейхс, обозначая в своем дополнении к указу верховного главнокомандующего сухопутными силами Фрича основные направления воспитательной работы среди офицеров, выделяет «любовь к фюреру» в самом последнем шестом пункте из перечисленных, наряду с «любовью к народу и родине»⁵⁰³. Только после кризиса Бломберга-Фрича 1938 г. и последовавшей за ним реорганизации военного управления, в результате которой на верху армейской иерархии оказались абсолютно лояльные Гитлеру офицеры, культ фюрера закрепляется и на уровне официальных документов. Так, в указе Браухича от 18 декабря 1938 г., посвященном воспитательной работе внутри офицерского корпуса, Адольф Гитлер назван гениальным фюрером, привнесшим в национал-социализм глубокое понимание фронтовой борьбы и построившим новое великое германское государство⁵⁰⁴.

В целом, к моменту начала Второй мировой войны идея «Великой Германии» для значительного числа офицеров, особенно молодых, органично слилась воедино с культом Адольфа Гитлера как фюрера Третьего рейха, в фигуре которого теперь воплощалась воля единого немецкого

⁵⁰² Graf v.d. Goltz. Zum 19. August 1934 // DOB, №23, 19. August 1934, S. 661.

⁵⁰³ Erlaß des Oberbefehlshabers des Heeres, Generaloberst Frhr. V. Fritsch, 13. April 1937, und Anlage: Verfügung des Kommandeurs der 1. Panzer-Division, General der Kavallerie Frhr. V. Weichs, 2. März 1937 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten.... S. 265.

⁵⁰⁴ Auszug aus dem Erlaß des Oberbefehlshaber des Heeres, Generaloberst v. Brauschitsch, über Erziehung des Offizierkorps, 18 Dezember 1938 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten.... S. 274.

народа. Соответственно, потеряла всякий смысл добродетель аполитичности. «Время аполитичности прошло, теперь остается только одно: со всей преданностью служить национальному движению» - заявил генерал фон Бломберг еще в июне 1933 г.⁵⁰⁵. К 1939 г. аполитичность уже признавалась про-нацистски настроенными офицерами как вредное качество⁵⁰⁶. Они утверждали, что в Германии не осталось политических партий, в борьбу которых вермахт мог бы быть вовлечен, но есть лишь одна партия, которая едина с народом и государством. При этом вермахт несет ответственность за социализацию молодых немецких граждан и по этой причине также не может оставаться аполитичным в национал-социалистическом Третьем рейхе. Внутри построенного нацистами единого «народного сообщества» аполитичность как инструмент изоляции (а тем более, противостояния) была немыслима.

Применительно к личностным моральным добродетелям офицера представляется возможным говорить о континуитете традиционных представлений как таковых. В целом они гармонично адаптировались к пропагандируемым нацистами добродетелям и не нуждались в корректировке. Так, в 1937 г. генерал фон Вейхс обозначил следующие направления воспитательной работы среди офицерского корпуса, почти не отличавшиеся от существовавших в кайзеровской армии или рейхсвере⁵⁰⁷:

- 1) Строгость к самому себе.
- 2) Осознание своего положения в обществе.
- 3) Четкое понятие чести.
- 4) Скромность в личной жизни.
- 5) Истинная «немецкость».
- 6) Любовь к народу, родине и фюреру.

⁵⁰⁵ Цит. по: Кноп Г. История вермахта. Итоги. Спб., 2009. с. 25.

⁵⁰⁶ Über politisches Denken und Willen des Offiziers // Deutsche Wehr. № 28, 14 Juli. 1939. S. 506-507.

⁵⁰⁷ Erlaß des Oberbefehlshabers des Heeres, Generaloberst Frhr. v. Fritsch, 13. April 1937, und Anlage: Verfügung des Kommandeurs der 1. Panzer-Division, General der Kavallerie Frhr. V. Weichs, 2. März 1937 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten.... S. 265.

В то же время появлялись и новые элементы морального кодекса германского офицера. В условиях строительства «народного сообщества» и увеличения численности вооруженных сил дополнительное смысловое наполнение получало чувство товарищества в офицерской среде. Возврат к массовой армии, основанной на всеобщей воинской повинности, сопровождался существенным увеличением офицерского корпуса. При этом значительное число молодых офицеров теперь происходило не из военных династий или обеспеченных дворянских семей, а являлось выходцами из социальных слоев, ранее в профессиональной военной службе практически не представленных⁵⁰⁸. Молодые лейтенанты были свободны от сословных предрассудков, они были прекрасно мотивированы и отличались высоким трудолюбием. При всех своих очевидных достоинствах, тем не менее, эти люди нередко сталкивались с высокомерным отношением своих старших товарищей, несущих в себе заряд скептицизма. Это не могло устраивать военное руководство. Военный министр генерал фон Бломберг применительно к молодому поколению офицеров писал: «Они ожидают твердости, но и человечности, муштры, но и воспитания, приказов и команд, которым следует безоговорочно подчиняться, но и открытой сердечности, совета и живого товарищества. [...] Молодежь не ожидает одного: оторванности начальников от подчиненных, отстраненности, фальшивости, формализма и отживших барских представлений. Галуны и аксельбанты – это не столько признак особых привилегий, но отличительная черта высоких личных ценностей, повышенной ответственности, больших знаний и умений, не в последнюю очередь воспитательных»⁵⁰⁹.

В свою очередь, от молодого поколения офицеров также ожидали соблюдения духа товарищества офицерского корпуса. Воспитанники Гитлерюгенда, часто занимавшие в нацистской молодежной организации руководящие посты, не всегда безболезненно адаптировались к новой

⁵⁰⁸ Müller R-D. Hitlers Wehrmacht 1935 bis 1945. München. 2012. S. 19-20.

⁵⁰⁹ Erlaß des Reichswehrministeriums, Generaloberst v. Blomberg, 16. April 1935 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten.... S. 261.

иерархии, в которой их былой авторитет не значил ничего. При этом с их стороны политическая «идейность» небезосновательно рассматривалась в качестве гаранта стремительной военной карьеры. Старые офицеры часто были недовольны молодыми лейтенантами, мыслящими и действующими шаблонами нацистов, не всегда совпадавшими с тем, к чему привыкли еще в кайзеровской армии и рейхсвере⁵¹⁰. Молодежь же, в свою очередь, отвечала критичным восприятием консерватизма офицерского корпуса вплоть до показательных угроз оставить офицерскую профессию⁵¹¹.

Трудно оценить реальное влияние нацистской расовой политики на моральный кодекс офицера германской армии. Несмотря на основополагающее значение расовой идеи для нацистской идеологии специфика профессии военного исключала активное участие офицеров вермахта в гражданских антисемитских акциях Третьего рейха (бойкот еврейских магазинов, «Хрустальная ночь» и др.)⁵¹². На уровне специализированных военных изданий данная тема в рассматриваемый нами период поднималась достаточно схематично. Нет сведений относительно того, как воспринимались слушателями лекции на антисемитскую тему приглашенных функционеров НСДАП⁵¹³.

Вероятно, единственным случаем, когда гитлеровская антисемитская политика столкнулась с моральным кодексом офицерского корпуса до Второй мировой войны, было принятие 7 апреля 1933 г. закона «О восстановлении профессионального чиновничества»⁵¹⁴. В соответствии с его третьим («арийским») параграфом евреи удалялись из офицерского корпуса, равно как и из всех других государственных должностей⁵¹⁵. Этот процесс

⁵¹⁰ Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве... С. 117.

⁵¹¹ Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. Stuttgart. 1969. S. 106.

⁵¹² С другой стороны, отдельные появления офицеров при форме и наградах в еврейских магазинах сильно портили искусственно создаваемую нацистами кампанию по бойкоту еврейских товаров.

⁵¹³ С учетом того, что трудности в идеологической обработке военных отмечал даже такой мастер пропаганды как Йозеф Геббельс, можно предположить, что они воспринимались как минимум с некоторым критическим осмыслением.

⁵¹⁴ RGBL. 1933. Teil 1. №34. S. 175.

⁵¹⁵ В личных делах офицеров незамедлительно появились свидетельства доказательства арийского происхождения вплоть до деда и бабушки. Женатые офицеры предоставляли аналогичные сведения о своей супруге. Напр. РГВА. Ф. 1303, Оп. 3, Д. 138, Л. 5.

столкнулся с ограниченной критикой некоторых офицеров, недовольных не самой сутью антисемитских законов, а нарушением внутреннего единства своих рядов. Эрих фон Манштейн, занимавший в 1934 г. должность начальника штаба III военного округа, подготовил пространную докладную записку на имя генерала Бека, в которой пытался доказать нецелесообразность применения «арийского параграфа» в армии⁵¹⁶. Манштейн был согласен с тем, чтобы очистить от евреев такие гражданские профессии как врач, адвокат, актёр и т.п. В самом начале письма он делал оговорку, что не пытается оспорить национал-социализм как идеологию. Однако он считал, что армия и, в частности, офицерский корпус не нуждаются в «ариизации» по причине самой специфики профессии офицера. По мнению Манштейна, выбирая для себя путь военного, каждый человек автоматически становится носителем «арийского мировоззрения», относительно которого нет никакой разницы, была ли его бабушка еврейского происхождения или нет.

Докладная записка Манштейна – наглядное свидетельство того, что офицерский корпус далеко не сразу осознал не только масштабы и принципиальное значение антисемитизма для национал-социалистической идеологии, но и всю бескомпромиссность нацизма в краеугольных мировоззренческих вопросах в целом. Офицеры инерционно мыслили себя особой кастой, которая никак не связана с пороками остального немецкого общества. Манштейн стремился доказать, что для хорошего офицера вопрос «крови» глубоко вторичен, а моральное единство офицерского корпуса – важнее новой государственной идеологии. В реальности всё было с точностью до наоборот: расовая политика не подразумевала никаких исключений, тем более в вооруженных силах – «мече фюрера», опоре государства наряду с партией. Во время судебного разбирательства после покушения на Гитлера в 1944 г. один из заговорщиков, генерал Остер,

⁵¹⁶ Denkschrift des Chefs des Generalstabes des Wehrkreiskommandos III (3. Division), Oberst i. G. von Mannstein, über die nachträgliche Anwendung des Arierparagraphen auf die Wehrmacht nebst Anschreiben an den Chefs des Truppenamt, Generalleutnant Beck, vom 21. April 1934 // *Armee und das Dritte Reich...* S. 183-189.

запоздало признал, что с 1933 г. «в определенных кругах офицерского корпуса возникло полное непонимание национал-социализма как мировоззрения, охватывающего все сферы жизни человека»⁵¹⁷.

Кроме того, расовые законы вторгались в семейные отношения офицера. Как и раньше, кандидатура жены должна была проходить одобрение командира части, в обязанности которого входило следить, чтобы она происходила «из избранных и проверенных сословий, не отличающихся легкомыслием, недостатком такта и образования»⁵¹⁸. Но теперь, в дополнение к высоким нравственным качествам будущей супруги, решающим сделалось её «арийское» происхождение на протяжении нескольких поколений⁵¹⁹. Но были и преимущества: построение «народного сообщества» демократизировало сословные барьеры, и брать в жёны расово и морально безупречную девушку «из народа» теперь не считалось предосудительным⁵²⁰.

Весьма чувствительными для офицерского корпуса оказались элементы антирелигиозной пропаганды нацистов⁵²¹. Как уже было указано выше, моральный кодекс офицеров еще с кайзеровских времен был тесно связан с религиозным чувством. Оно играло важную роль в качестве основы авторитета кайзера (даже в секуляризованном XX веке монарх в значительной степени оставался «помазанником Божиим») и механизма компенсации страха за собственную жизнь. Институт военных капелланов благополучно пережил германскую революцию, сохранился в рейхсвере и продолжал обеспечивать связь армии с религиозными кругами. Нацистская политика в религиозной сфере, направленная на снижение роли христианской церкви (и католической, и протестантской), вступала здесь в

⁵¹⁷ Anlage zu dem Bericht des Chefs der Sicherheitspolizei und des SD, Kaltenbrunner, an den Reichsleiter der NSDAP, Martin Bormann, vom 20. August 1944 betr. 20. Juli 1944 über die Vernehmung Generalmajor Oster // *Armee und das Dritte Reich...* S. 142.

⁵¹⁸ Ермаков А.М. Оруженосцы нации... с. 163.

⁵¹⁹ Erlaß des Chefs der Heersleitung, General der Artillerie Frhr. V. Fritsch, 21. Dezember 1934 // *Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten...* S. 259.

⁵²⁰ Показательна свадьба фельдмаршала Бломберга на Еве Грун, послужившая затем поводом для его отставки. Бломберг не испытывал никаких репутационных проблем, женившись на девушке из простой семьи, до тех пор, пока не обнаружились сомнительные факты её биографии.

⁵²¹ Aus den Erinnerungen des Generalfeldmarschalls a. D. Freiherr von Weichs (nach 1945) // *Armee und das Dritte Reich...* S. 140.

реальный конфликт с традиционными ценностями, характерными для офицерского корпуса, и процесс моральной адаптации офицеров к новым порядкам заметно «буксовал».

Военное командование стремилось максимально изолировать армию от противостояния церкви и НСДАП. На законодательном уровне это выражалось в запрете любых дискуссий по религиозным вопросам, которые могли бы нанести вред единству военного товарищества⁵²². Не одобрялся выход из церкви, к чему призывали нацистские функционеры. В борьбе за религиозные чувства весомым аргументом со стороны офицеров оказывался текст воинской присяги. Даже в редакции 1935 г., в которой военнослужащие приносили клятву верно служить Адольфу Гитлеру, они делали это перед Богом (*Ich schwöre bei Gott diesen heiligen Eid...*). Данное обстоятельство обозначил в одном из своих указов генерал Вернер фон Фрич, посоветовав тем офицерам, которые стремятся выйти из церкви, добровольно оставить службу⁵²³. Наконец, произошли изменения в организационной структуре военного духовенства: увеличивалось количество военнослужащих на одного пастора, при этом отправление культа гражданскими священнослужителями строго ограничивалось. Этой мерой предполагалось отделить военное духовенство от гражданских священнослужителей, тем самым избавив первых от возможных провокаций со стороны нацистов.

К началу Второй мировой войны в религиозных вопросах был достигнут определенный паритет. Военное духовенство сохранилось как таковое, солдаты и офицеры были вправе посещать церковную службу. При этом оставался в силе запрет на участие в религиозных мероприятиях в служебное время и в военной форме, тексты проповедей проходили проверку командира части. Про-нацистские офицеры были свободны в критике по отношению к своим верующим товарищам, впрочем, на деле достаточно

⁵²² Geheimer Erlaß des Generalkommandos des XII. Armeekorps (Wehrkreiskommando XII) vom 22. 2. 1937// Armee und Dritte Reich. S. 237-238.

⁵²³ Geheimer Erlaß des Generalkommandos des XII. Armeekorps (Wehrkreiskommando XII) vom 22. 2. 1937 // Armee und Dritte Reich... S. 237.

умеренной. В итоге можно говорить о двух оформившихся в офицерском корпусе вермахта полюсах: почтительно относящихся к Церкви офицерах старой формации и лояльных национал-социализму офицерах, в лучшем случае равнодушных к религии.

По-прежнему значимой проблемой, уже не связанной с нацификацией вермахта, но серьезно затрагивающей моральный кодекс офицера вермахта, оставался алкоголизм. Генерал фон Фрич признавал злоупотребление алкоголем угрозой офицерскому корпусу. Он старался обратить внимание офицеров на то, что совместная выпивка, в том числе с унтер-офицерами и гражданскими лицами, не имеет ничего общего с товариществом, а, наоборот, ведет к конфликтам, бросающим тень на офицерский корпус и подрывающим дисциплину⁵²⁴. Сцены веселых офицерских попок можно встретить на страницах мемуаров Бруно Винцера, чья офицерская карьера как раз получила развитие в годы активного строительства гитлеровского вермахта. В растущих германских вооруженных силах повышение в чине офицера, равно как и само производство в офицерский чин было частым поводом для злоупотребления алкоголем. Винцер вспоминал: «Принятие «новичка» в офицерский корпус проходило весьма торжественно, а вечером шумно и основательно «обмывалось». Считалось «делом чести» затратить на пиво минимум месячный оклад. На эти деньги рабочий или мелкий служащий мог бы содержать целую семью»⁵²⁵.

Были и более существенные проблемы. По мере укрепления национал-социалистической диктатуры моральный кодекс офицера вермахта все более оказывался в зависимости от трансформации общественного статуса всего офицерского корпуса. Происходила подмена акцентов при трактовке морально-нравственных вопросов. Если раньше офицерский корпус был элитарной частью немецкого общества и задавал определенные ориентиры в вопросах морали, то в условиях однородного «народного сообщества», в

⁵²⁴ Erlaß des Oberbefehlshabers des Heeres, Generaloberst Frhr. V. Fritsch, 13. April 1937 // Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten.... S. 264.

⁵²⁵ Винцер Б. Солдат трёх армий... с. 103.

котором каждый его член одинаково подчиняется воле фюрера, офицерам самим предстояло соответствовать «духу нации» и национал-социалистическому мировоззрению. Вступив в начале нацистского правления в «соревнование лояльностей» с СА, а затем и СС, офицерский корпус сознательно принял «правила игры», распространявшиеся на всех граждан Третьего рейха.

Закономерным итогом сложившейся ситуации стало положение, в котором законодателями морали выступали уже нацистские лидеры. Во время «дела Бломберга-Фрича» 1938 г. они с готовностью встали на защиту традиционного офицерского кодекса чести, активно критикуя якобы нарушивших его генералов⁵²⁶. Случалось, что и сам Гитлер лично вмешивался во внутриармейские дела по вопросам морали и нравственности. Известен случай, когда он не дал ход увольнению одного лейтенанта, несколько запоздало сделавшего предложение своей возлюбленной. Так как инициатива увольнения молодого офицера исходила от начальника сухопутных сил Браухича, которому Гитлер ранее лично помог финансами для достойного завершения бракоразводного процесса, фюрер имел полное право выступить в роли высшего морального авторитета: «Вот где истинная суть этих надменных генералов-аристократов типа Браухича, - заявил он, - самому ему, значит, можно было завести шашни на стороне с будущей второй женой, оставаясь женатым на первой, а теперь он хочет загубить карьеру молодого человека, который вел себя гораздо более достойно, чем он сам»⁵²⁷. Гитлер отменил готовящийся приказ об увольнении лейтенанта и посоветовал Браухичу по отношению к своим подчиненным применять те же моральные стандарты, что и к самому себе.

Таким образом, кодекс чести германского офицерского корпуса представлял собой сложившуюся систему моральных представлений,

⁵²⁶ Геббельс обозначил в своем дневнике единственное достойное решение для Бломберга: «Для человека чести остается только пистолет». Запись от 27 января 1938 г. // Die Tagebücher von Joseph Göbbels, hrg. von Elke Fröhlich, Teil I, 1923-1941, Bd 5, S. 117.

⁵²⁷ Цит. по: Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск. 1999. с. 70.

объединявшую офицеров на основании общих ценностей. На протяжении всего межвоенного периода 1918-1939 гг. военное руководство часто обращалось к нему как к полужоформальному средству обеспечения стабильности в войсках, предотвращения тенденций политизации в годы германской революции и Веймарской республики и, до некоторой степени, форсированной нацификации Третьего рейха.

Опасаясь слома всей военной организации после 1918 г., генерал Ханс фон Сект приложил значительные усилия, чтобы сохранить в рейхсвере дух старой армии настолько, насколько это позволяла реальность, в целом враждебная офицерскому корпусу. Механический континуитет был невозможен. Главный моральный авторитет – кайзер Германской империи – самоустранился, оставив офицеров в ситуации «ценностного вакуума», который было необходимо чем-то заполнить.

«Великая Германия», которая пришла на смену идее монархии, стала, с одной стороны, эффективной моральной конструкцией, обеспечившей высокий уровень мотивации офицерского корпуса в условиях ограничений Версальского договора, а с другой – подготовила основу для солидаризации с политическими силами, способными, по мнению офицеров, достичь данного идеала на практике. Это обстоятельство было успешно использовано лидером НСДАП А. Гитлером, ставшим в конце концов для офицерского корпуса, хотя и не без оговорок, «немецким Муссолини», т.е. вождем.

Выстоявший в непростые годы Веймарской республики моральный кодекс германского офицера, тем не менее, оказался уязвим перед национал-социалистическим движением с его наступательным динамизмом и декларируемой приверженностью идеалам «фронтального братства». Не осознав тотальный характер нацистской идеологии, офицеры ошибочно полагали, что могут сохранить себя в качестве особой элитарной группы, «серой скалы», которую не затопит «коричневый поток». Однако первые столкновения старой и новой морали выявили их неспособность к жертвам во имя нравственных идеалов. Новая присяга свела абстрактный образ

Германии до фигуры одного, хотя и весьма харизматичного человека. Радикальный антисемитизм – одна из основ нацизма – с поддержкой государственной машины одержал верх над чувством товарищества в офицерской среде. Протесты против увольнения офицеров с еврейской кровью были единичны, не выходили за рамки служебных записок, авторы которых одновременно заявляли об одобрении национал-социализма как такового, и оканчивались безрезультатно.

Чувство товарищества отступало на задний план и в ситуациях открытого столкновения армии и НСДАП, где ставки были особенно высоки. Отсутствие какой-либо реакции со стороны офицерского сообщества на убийства во время «Ночи длинных ножей» 1934 г. генералов Шлейхера и Бредова еще возможно объяснить тем, что они уже не воспринимались в качестве представителей военного сословия, и их смерть была, по мнению многих, закономерным финалом чрезмерного заигрывания с политикой. Но отсутствие организованной поддержки явно бесосновательно скомпрометированным генералам Бломбергу и Фричу в 1938 г. можно обусловить лишь глубокой деформацией единства офицерского корпуса перед фактом тривиального опасения за свою карьеру и даже жизнь, а также внутренними интригами.

Максимум того, на что могло пойти военное руководство, стремясь защитить традиционные представления офицерского корпуса, были попытки изолировать его от происходивших в стране процессов. Тактика, оправдавшая себя в условиях веймарской демократии, оказалась лишь частично успешной в государстве фюрера и работала только в случае, если та или иная проблема не находилась в сфере повышенного внимания нацистов. Сохранение института военных капелланов было возможно только потому, что вся церковная политика Гитлера, хотя и носила конфликтный характер, все же подразумевала некоторую избирательность и не была на первом месте

в текущей повестке дня⁵²⁸. Сохранение же на службе офицера с еврейскими корнями было абсолютно невозможным в рамках нового правового поля.

Далеко не всеми офицерами насаждение национал-социалистической идеологии в принципе воспринималось как конфликтная ситуация. И антисемитизм, и антиклерикализм, и другие элементы национал-социализма являлись частью мировоззрения многих представителей офицерского корпуса, в особенности молодежи, уже прошедшей частичную социализацию в Третьем рейхе и чувствовавшие новые возможности радикального ускорения социальной и карьерной мобильности. Большое отторжение у них вызывал теперь консерватизм их старших коллег. Впрочем, и среди заслуженного генералитета находилось достаточно людей, полностью принявших национал-социализм. Так, генерал фон Фрич в одном из своих писем уже после отставки выражал поддержку Гитлеру в его борьбе с рабочим движением, католической церковью и евреями, признавая, что борьба с последними наиболее сложная⁵²⁹.

Новый этап испытания кодекса чести офицеров начнется с первыми выстрелами Второй мировой войны. В условиях ожесточенных боевых действий лавирование между восходящим к рыцарским временам комплексом традиционных добродетелей и национал-социалистической идеологией станет практически невозможным. Офицерам придется окончательно определиться в своих морально-нравственных приоритетах. Последствия их выбора будут варьироваться в диапазоне от заговора 20 июля 1944 г. до виселицы Нюрнбергского трибунала.

⁵²⁸ Уже во время войны Гитлер довольно ёмко выразил суть церковной политики нацистов: Я не могу помешать кому-либо молиться; но я не потерплю проклятий с амвона. Цит. по: Пикер Г. Застольные беседы Гитлера. 1941-1942. Запись от 27.02.1942. М., 2005. с. 50.

⁵²⁹ Auszug aus dem Schreiben des Generalobersten a. D. Freiherr von Fritsch an die Baronin Schutzbar-Milchung vom 11. Dezember 1938 // Armee und das Dritte Reich... S. 190-191.

Заключение

Офицерский корпус германской армии пережил в период между двумя мировыми войнами время величайших потрясений практически всех основ своего существования в обществе и государстве. К началу Первой мировой войны офицеры представляли собой влиятельную элитарную группу, авторитет которой основывался на социальном происхождении и высоком профессионализме. Они оставались главной опорой германской монархии, являясь «первыми слугами» императора. Спустя четыре года напряженных боевых действий офицерам предстояло стать свидетелями падения основ «старого мира» и начать борьбу не столько за элитарность, сколько за своё выживание в новых социально-политических условиях. Динамика общественных перемен зачастую не позволяла укорениться механизмам адаптации к ним и заставляла предпринимать коренной пересмотр всей совокупности политических взглядов и устоявшихся представлений о своем положении в обществе.

Ноябрь 1918 г., породивший «ценностный вакуум» в мировоззрении офицерского корпуса, стал в то же время и импульсом к его консолидации, осмыслению своей роли и места в общественной системе. Оказалось, что военное сословие смогло относительно быстро смириться с самоустранением последнего германского императора, некогда представлявшего для них высший идеал воинской службы, и прийти к пониманию необходимости продолжить свой ратный труд во имя Отечества, всей Германии, даже если она значительно отличалась от кайзеровских времен. Монархические идеи среди офицеров, конечно, сохранялись долгое время, однако уже после Капповского путча 1920 г. стали скорее предметом ностальгии, чем актуальным элементом текущей повестки дня, что нельзя сказать о националистических основах их мировоззрения, потрясенных Версальской системой

Результатом колоссальной работы офицерского корпуса во главе с такими талантливыми генералами как Ганс фон Сект и Вальтер Рейнхардт

стал 100-тысячный рейхсвер Веймарской республики. Вопреки условиям Версальского договора, делавшими невозможным существование сильной немецкой армии, военному руководству удалось сохранить её основы, предложить пусть и небезупречные, но реальные возможности адаптации кадрового военного сословия, предотвратить разрыв прусско-германской военной традиции. Рейхсвер едва ли мог на равных противостоять армиям сопредельных государств в вооруженной борьбе – но он оставался целостной организационной структурой, позволявшей сохранить наиболее ценные кадры и опыт мировой войны.

Важную роль, особенно в начальный кризисный период Веймарской республики 1918-1923 гг. сыграло обращение военных к скорректированному, но в основе оставшемуся скорее неизменным собственному комплексу морально-этических представлений, составлявших основы кодекса чести. Он стал важным объединяющим фактором в условиях, когда под сомнение ставились ранее безусловные авторитеты. Кодекс чести позволил офицерскому корпусу выделяться на фоне пёстрой общественной палитры Веймарской Германии за счет сохранения «старых добрых» традиций, ориентированных на консервативные добродетели. С другой стороны, многие современники и историки небезосновательно усматривали в лелеянном консерватизме военных дестабилизирующий фактор, способствовавший падению первой немецкой демократии.

Консерватизм военных умело маскировался ими под добродетель пресловутой традиционной «аполитичности» или хотя бы надпартийности. Офицеры внешне показательно дистанцировались от политических междоусобиц республики, параллельно стремясь в реальности найти достойную силу, способную обеспечить, по их мнению, национальное возрождение для Германии. Даже занимая к началу 1930-х гг. практически все важные государственные посты, военные, держа в памяти опыт провалившегося Капповского путча 1920 г., они не стремились овладеть монополией на политическую власть без опоры на народные массы.

Наиболее близкие им идеологически националисты не обладали всенародной поддержкой и не имели популярных лидеров в своих рядах. Имевшие массу сторонников коммунисты во главе с не лишенным харизмы Эрнстом Тельманом однозначно воспринимались офицерами как «рука Москвы» и, несмотря на эффективное сотрудничество рейхсвера с советской РККА, не ассоциировались с представительством национальных интересов Германии.

Своеобразие и разноплановость политического горизонта Веймарской республики закономерно обращало вектор политических взглядов офицерского корпуса на НСДАП во главе с её фюрером. Нацисты изначально позиционировали своё движение как выходящее за рамки традиционной политики, выросшее из окопов Великой войны и родственное традиционным солдатским добродетелям. Отдельные нападки на представителей генералитета не отменяли встречное общее стремление партии заручиться поддержкой военных. По мере того, как НСДАП набирала популярность на фоне экономического кризиса, приобретая миллионы сторонников по всей Германии, она все больше соответствовала представлениям военных о здоровой национальной силе, с которой можно и нужно наладить конструктивные отношения. К тому же уже с 1930 г. в рейхсвер массово попадает нацистская агитационная литература, которая находит отклик, прежде всего, среди молодого поколения людей в погонах. Военному руководству, дорожившему надпартийностью рейхсвера, остаются лишь меры запретительного характера. Вскоре и оно убедится в бессмысленности усилий по сохранению республики и займет в критические недели конца 1932 – начала 1933 гг. явную позицию благожелательного нейтралитета по отношению к Гитлеру и его партии.

Однако за подобное гласное и негласное проявление политических симпатий и повышение своего статуса офицеры заплатят высокую цену. С 1933 г. начинается процесс встраивания рейхсвера (с 1935 г. – вермахта) в государственную систему Третьего рейха, сопровождавшийся его направленной нацификацией – насаждением национал-социалистической

идеологии. Трагическим заблуждением офицерского корпуса станет уверенность в том, что армия, как и в веймарский период, сохранит и даже укрепит свои позиции в качестве особой общественно-политической силы внутри страны, сможет остаться вне партии. В реальности логика национал-социалистического государства с его принципом «фюрерства» и однопартийности исключала существование любых сколь-либо независимых институтов или социальных групп.

Конечно, нацисты, ориентировавшиеся в своей доктрине на развязывание новой войны, не могли полностью игнорировать интересы армии и офицерского корпуса, хотя бы в начале безапелляционно диктовать им свою волю. Торжественно объявленная Гитлером «доктрина двух опор» формально приравнивала армию к самой НСДАП и закрепляла за ней монополию на вооруженную защиту Германии. Однако на деле это было не более чем громкой декларацией.

С первых дней нацистского правления офицерскому корпусу вновь, как в период революционных событий ноября 1918 г., пришлось столкнуться с попытками радикальных реформ военной организации. На этот раз угроза исходила от «партийной армии» СА, претендовавшей на статус полноценных вооруженных сил. Руководитель штурмовиков Эрнст Рем, получивший портфель министра, был готов действовать даже вопреки воле фюрера, чтобы создать из своих бойцов альтернативу «старикам» из рейхсвера. Ситуация выглядела для офицеров тем более серьезной, что, в отличие от разрозненных и малочисленных солдатских Советов, выступавших за обновление армии в 1918 г., СА представляла собой массовую организацию с квазивоенной дисциплиной, считала себя реально призванной в любой момент прийти на место традиционной армии.

Соперничество статусов профессиональных военных и штурмовиков инициировало «соревнование лояльностей», благодаря которому нацификация армии смогла продвигаться вперед форсированными темпами. Большинство офицеров было готово доказать свою верность фюреру и

национал-социализму и не возражало против насаждения нацистской идеологии в войсках. Для многих ситуация выглядела в принципе как возвращение к нормальному порядку вещей после ненавистной Веймарской республики.

Однако даже после «Ночи длинных ножей» 1934 г., когда Рем и его сподвижники были убиты, рейхсвер не мог считать себя победителем. Место одной партийной армии заняла другая – выстроенные «с нуля» отряды СС, - расовая элита нового общества, военизированная и идеологизированная, еще более независимая и амбициозная по сравнению с пестрыми СА. Существование двух армий полностью укладывалось в представления Гитлера о «соревновании компетенций» и, в большей степени, соответствовало принципу «разделяй и властвуй». Полностью данный конфликтный потенциал раскроется уже после начала войны в 1939 г.

Армия и офицерский корпус не просто перестали быть единственным «мечом фюрера» - они добровольно-принудительно инкорпорировались в нацистское государство, утратив свои былые привилегии – такова была цена очередной адаптации к изменениям политической системы. Нарушались принцип закрытости офицерского корпуса, чувство товарищества. Офицеры еврейского происхождения были бессильны противостоять законодательному устранению евреев из военного сословия. Немногочисленные голоса в их поддержку терялись среди общего безразличия к их судьбе. Их «арийские» товарищи также не были защищены от дерзких нападков со стороны эсэсовцев, при всяком удобном случае демонстрировавших военным свой особый статус. Традиционный кодекс чести отходил в тень перед натиском новых порядков.

Примечательно, но неудивительно, что именно моральный кодекс германского офицера оказался своеобразной мишенью и орудием воздействия для национал-социалистической идеологии. Так, представления о чести офицерского мундира одновременно послужили поводом и для громких отставок военного министра Вернера фон Бломберга и начальника

Генерального штаба Вернера фон Фрича в 1938 г., и для реформы всей структуры военного управления, окончательно замкнувшей ее на Адольфе Гитлере как верховном главнокомандующем. Офицеры в соответствии с представлениями о долге и верности были лишены реальных возможностей для фронды. Нацистскому руководству удалось изящно решить проблему назревающей военной оппозиции, не прибегая тогда к открытым репрессиям и человеческим жертвам, при этом еще и выступая в роли морализаторов.

Стоит еще раз подчеркнуть, что несмотря на все издержки встраивания касты военных в национал-социалистическое «народное сообщество», офицеры в полном соответствии с «частичной идентичностью целей» с нацистским руководством не выражали серьезных, тем более организованных протестных настроений. Внешнеполитические успехи гитлеровского курса по ревизии Версальского договора выбивали у назревающей оппозиции в среде военных идейную опору. Офицерский корпус был готов мириться с устранением отдельных генералов, якобы запятнавших свою репутацию, ущемлением прав военнослужащих еврейского происхождения, конкуренцией со стороны СА и СС в условиях очевидного роста националистических настроений миллионов немцев и возвращения Германии в ранг великих европейских и мировых держав. Сопряженные с беспрецедентным риском открытого военного противостояния ввод войск в Рейнскую область, присоединение Судет, аншлюс Австрии, оккупация Чехословакии порождали среди военных в большей степени веру в «гений фюрера», чем осознание опасности такой политики.

Подводя итог, следует отметить, что офицерский корпус смог относительно успешно противостоять силам, выступавшим в качестве антагонистов военного сословия в период революции 1918/19 гг. и Веймарской республики. Ситуация открытого конфликта мобилизовала офицеров, заставила их до известной степени действовать как единое целое, довольно эффективно адаптируясь к неблагоприятной обстановке.

«Отступники» разного толка быстро исчезали с исторической и политической арены, оставляя после себя назидательный урок всем остальным. Период с 1918 по 1933 гг. сложно назвать «золотым веком» германской армии, однако именно в это время её офицерский корпус подтвердил выдающиеся профессиональные способности и вне военных конфликтов, в то же время в целом сохранив представление о своих особенных качествах в обществе.

Наоборот, противостоять национал-социализму, в целом с самого начала избегавшему по отношению к военным конфронтационной риторики, офицерский корпус оказался неспособен. За счет умелых манипуляций вокруг устоявшихся традиционных понятий нацисты презентовали себя офицерам как родственное явление. Принцип «фюрерства» выдавался за характерные для армии отношения «командира-подчиненного», презрение к традиционным политическим силам ассоциировалось с надпартийностью рейхсвера, бескомпромиссное отрицание Версальского договора – с характерным комплексом геополитических представлений офицерского корпуса. Военное руководство было готово отказаться от республики, но едва ли даже оно, воодушевленное головокружительными успехами в перевооружении вермахта, адекватно осознавало страшные перспективы национал-социалистической диктатуры.

В связи с этим значение кодекса чести германского офицерского корпуса в период Веймарской республики и Третьего рейха можно связать с тем, что данный морально-этический ориентир служил для офицеров, с одной стороны, средством сохранения собственной идентичности и исключительности, а, с другой, уязвимым звеном, ставшим объектом манипуляций со стороны нацистов. Специфические понятия о долге, Родине, справедливости и т.п. позволили офицерам продолжать нести свою службу в условиях, близких к безнадежным. Так, командующий рейхсвером генерал Ганс фон Сект стремился избежать превращения армии в отряды ландскнехтов или вооруженное формирование милицейского типа, но

требовал от своих подчиненных осмысленного следования прусско-германской военной традиции.

После 1933 г. кодекс чести германского офицера также оставался значимой морально-этической категорией. Однако реалии национал-социалистического государства объективно требовали, прежде всего, полной лояльности нацистскому режиму и его политике. Там, где кодекс чести сталкивался с законами «государства фюрера», почти неизменно следовал вынужденный отход от его норм, не оставлявший пространства для осознанного выбора. Компромиссные решения были возможны только в рамках второстепенных и периферийных для нацистов вопросов. При этом за офицерами сохранялись высочайшая трудовая этика, работоспособность, профессионализм. Эти качества активно использовались Адольфом Гитлером и в период строительства нового вермахта, и, тем более, в годы Второй мировой войны.

Даже с учетом очевидного стремления к самооправданию представляются не лишены смысла слова начальника штаба ОКВ Вильгельма Кейтеля на Нюрнбергском процессе: «Трагедия состоит в том, что я должен признать это, что то лучшее, что я мог дать как воин – повиновение и верность, было использовано для целей, которые нельзя было распознать, и в том, что я не видел границ, которые существуют для выполнения воинского долга»⁵³⁰. Приговор фельдмаршалу в виде смертной казни через повешение, вынесенный Международным трибуналом в Нюрнберге, служит символическим неутешительным итогом симбиоза традиционных германских военных добродетелей и национал-социализма.

⁵³⁰ Последнее слово подсудимого Вильгельма Кейтеля // Кейтель В. Размышления перед казнью... с. 442-443.

Список источников и литературы

Источники

Архивы

ГАРФ. Ф. Р7445, Оп. 1, Д. 2007. – Дело индивидуальной ответственности подсудимого Альфреда Йодля.

ГАРФ. Ф. Р7445. Оп. 1, Д. 2086. – Книга защиты В. Кейтеля.

ГАРФ. Ф. Р7445. Оп. 1, Д. 2087. – Книга документов защиты по делу В. Кейтеля.

РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 135. - Дело по расследованию взаимного оскорбления военнослужащих немецкой армии – капитана фон Фрейберга, ст. лейтенанта Рере, лейтенанта Герлаха, 1921-1923 гг.

РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 137. – Личное дело подполковника Лемана Ганса-Альбрехта, 1935-1938 гг.

РГВА. Ф. 1303, Оп. 3. Д. 138. – Личное дело капитана Ганса фон Клейста, 1935-1939 гг.

РГВА. Ф. 33987., Оп. 3а, Д. 329с. – Доклад И.П. Уборевича о работе в Рейхсвере, 13 июля 1930 г. – 28 января 1931 г.

РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а, Д. 148с. – Доклады начальника и Комиссара Военной академии РККА им. М.В. Фрунзе о впечатлениях преподавателей академии Красильникова и Свечникова об отношении руководящих кругов германского рейхсвера к СССР, вынесенных ими во время командировки в Германию.

РГВА. Ф. 33988. Оп. 3с, Д. 235. – О поездке замнаркомвоенмора М.Н. Тухачевского в Германию, 2 – 14 октября 1932 гг.

ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 24. - Отчет главнокомандующего сухопутными войсками В. фон Браухитча об оправдании В. фон Фрича.

Международные договоры

1. Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника под редакцией проф. Ю.В.Ключникова и А.Сабанина. Со вступительной статьей проф. Ю.В.Ключникова и предметным указателем. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925. 227 с.

Официальные армейские документы

1. Gesetz für den Aufbau der Wehrmacht vom 16. März 1935. Berlin. 1935. 30 s.
2. Wahrung der Ehre. Berlin: Reichsdr., 1938. 47 s.
3. Wahrung der Ehrenhaftigkeit. Berlin: Reichswehrministerium, 1929. 23 s.

Сборники документов

1. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1, М.: Наука. 1973. 768 с.
2. Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М.: «Советская Россия», 1992. 384 с.
3. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944-1951. Макаров В.Г., Христофоров В.С., М.: Международный фонд «Демократия», 2009. 574 с.
4. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8 тт. М.: «Юридическая литература», 1987-1999.

5. Armee und Drittes Reich. 1933-1939. Darstellung und Dokumentation. Hrsg. von Müller K.-J. Paderborn: Schöningh, 1989. 413 s.
6. Das Heer und die Republik. Quellen zur Politik der Reichswehrführung 1918 bis 1933. Hrsg. von Schüddekopf O.-E. Hannover: Goedel, 1955. 399 s.
7. Die Anfänge der Ära Seeckt. Militär und Innenpolitik 1920-1922. Bearb. von Hürten H. Düsseldorf: Droste Verlag, 1979. 314 s.
8. Die Bildung des Offiziers. Dokumente aus vier Jahrhunderten. Hrsg. von Bertram J. Bonn: Führungsstab der Streitkräfte, 1969. 277 s.
9. Die ungeliebte Republik. Dokumentation zur Innen- und Außenpolitik Weimars. 1918-1933. Hrsg. von Michalka W. und Niedhart G. München: Dt. Taschenbuch-Verlag, 1980. 447 s.
10. Offiziere im Bild von Dokumenten aus drei Jahrhunderten. Hrsg. von Messerschmidt M., Gersdorf U. v. Stuttgart: Dt. Verl, 1964. 285 s.
11. Reichswehr und Rote Armee. Dokumente aus den Militärarchiven Deutschlands und Rußlands. 1925 – 1931. Hrsg. von Kahlenberg P., Pichoja R., Dvojnich L. Koblenz: Bundesarchiv, 1995. 127 s.
12. Ursachen und Folgen. Vom deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart. Hrsg. von Michaelis H. Bd. 7. Berlin: Dokumenten-Verlag, 1962. 691 s.
13. Wehrmacht und Politik. Dokumente und verbindendem Text. Hrsg. von Schüddekopf O.-E. Braunschweig: Limbach, 1953. 62 s.
14. Zwischen Revolution und Kapp-Putsch. Militär und Innerpolitik. 1918-1920. Bearb. von Hürten H. Düsseldorf: Droste, 1970. 376 s.

Публицистика и выступления политических деятелей

1. I Всегерманский съезд рабочих и солдатских советов.
Стенографический отчет. М.: Огиз: Советское законодательство, 1934.
312 с.
2. Бернарди Ф. Современная война. Т. 1. СПб.: «Безобразов и Ко», 1912.
3. Гитлер А. Моя борьба. Каунас: Т-ОКО, 1992. 590 с.
4. Розенберг А. Миф XX века. Таллин: Syildex, 1998. 524 с.
5. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. М., 2005. 496 с.
6. Armin O. Die Juden im Heere. München: Dt. Volks-Verl., 1919. 96 s.
7. Bernhardt F. v. Deutschland und der nächste Krieg. Stuttgart-Berlin: Cotta, 1912. 333 s.
8. Brammer K. Fünf Tage Militärdiktatur. Berlin: Verl. für Politik und Wirtschaft, 1920. 79 s.
9. Buch W. Des nationalsozialistischen Menschen Ehre und Ehrenschatz. München: Eher, 1939. 27 s.
10. Der Offizier als Erzieher des Volkes. Berlin: Mittler, 1888. 35 s.
11. Enders F.-K. Reichswehr und Demokratie. München-Leipzig: Duncker & Humblot, 1919. 136 Bl.
12. Förtsch H. Die Wehrmacht im nationalsozialistischen Staat. Hamburg: Broschek, 1935. 46 s.
13. Förtsch H. Wehrpflicht-Fibel. Berlin: Verl. Offene Worte, 1935. 106 s.
14. Gleich G.v. Die alte Armee und ihre Verirrungen. Leipzig: Koehler, 1919.
100 s.
15. Goltz F. v. Das Volk in Waffen. Berlin: v. Decker, 1883. 434 s.
16. Groener W. German Military Power since Versailles // Foreign Affairs, Nr. 3. 1933. pp. 434-446.

17. Hesse K. Der Reichswehrsoldat. Berlin: Paetel, 1927. 84 s.
18. Lehmann-Rußbüldt O. Die Reichswehr. Gedanken eine Zivilisten. Berlin:Verl. der Scholle, 1930. 200 s.
19. Lüdendorf E. Der totale Krieg. München: Ludendorffs Verlag, 1935. 128 s.
20. Reden des Führers am Parteitag der Ehre 1936. München-Berlin: Zentralverl. der NSDAP, 1936. 141 s.
21. Schmidt F. Der Wehrmann des XX Jahrhunderts. Berlin: Eisenschmidt, 1928. 200 s.
22. Seeckt H.v. Die Reichswehr. Leipzig: Kittler, 1933. 140 s.
23. Seeckt H.v. Die Zukunft des Reiches. Urteile und Forderungen. Berlin: Verl. für Kulturpolitik, 1929. 191 s.
24. Spohn C. Die Bedeutung, Stellung und Pflichten des Ehrenrats nebst Würdigung der Tätigkeit des Kommandeurs. Berlin: Eisenschmidt, 1910. 87 s.
25. Tiburtius J. Der Offizier im neuen Deutschland. Berlin: Arbeitsgemeinsch. für staatsbürgerl. und wirtschaftl. Bildung, 1919. 16 s.
26. Usadel G. Grundlagen einer nationalsozialistischen Ethik. Hamburg: Hanseatische Verl.-Anst, 1935. 76 s.
27. Volkmann-Leaner Bernhard v. Soldaten oder Militärs? Ein Buch zum Nachdenken. München: Lehmann, 1932. 171 s.
28. Wehrmacht und Partei. Hrsg. von Donnevert R. Leipzig: Barth, 1939. 210 s.

Мемуары и дневники

1. Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. М.: Центрополиграф, 2005. 575 с.

2. Вильгельм II. События и люди 1878-1918: Воспоминания. Минск: Харвест, 2003. 464 с.
3. Винцер Б. Солдат трех армий. М.: Прогресс, 1971. 463 с.
4. Воспоминания кронпринца Вильгельма. Берлин: Слово, 1922. 304 с.
5. Гильберт Г. Нюрнбергский дневник. Смоленск: Русич, 2004. 608 с.
6. Гинденбург П. Воспоминания Гинденбурга. Пг., 1922. 240 с.
7. Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике. СПб.: Издание Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 318 с.
8. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 2004. 656 с.
9. Кейтель В. Размышления перед казнью. Смоленск: Русич, 2004. 603 с.
10. Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933-1947. М.: Центрполиграф, 2003. 494 с.
11. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Мн.: Харвест, 2005. 803 с.
12. Манштейн Э. фон. Из жизни солдата. Ростов н/Д: Феникс, 2000. 320 с.
13. Мюллер В. Я нашел подлинную родину. Записки немецкого генерала. М.: Вече, 2010. 304 с.
14. Папен Ф. фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933 – 1947. М.: Центрполиграф, 2005. 590 с.
15. Петерсхаген Р. Мятежная совесть. М.: Вече, 2010. 304 с.
16. Редер Э. Гросс-адмирал. М.: Центрполиграф, 2004. 489 с.

17. Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996. 331 с.
18. Ханфштагель Э. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2007. 376 с.
19. Хольтиц Д. фон. Солдатский долг. Воспоминания генерала вермахта о войне на западе и востоке Европы. 1939-1945. М.: Центрполиграф, 2015. 286 с.
20. Шахт Я. Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923 – 1948. М.: Центрполиграф, 2011. 524 с.
21. Шпеер А. Воспоминания. М.: «Захаров», 2010. 688 с.
22. Die Tagebücher von Joseph Göbbels. hrsg. von Fröhlich E. Teil. I, 1923-1941. Bd. 1-3. München. 2006.
23. Faber M. v. Macht und Ohnmacht: Erinnerungen eines alten Offiziers. Stuttgart. 1953. 296 s.
24. Gessler O. Reichswehrpolitik in der Weimarer Zeit. Stuttgart: Dt.-Verl, 1958. 582 s.
25. Gröner W. Lebenserinnerungen. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1972. 584 s.
26. Maercker G. Vom Kaiserheer zur Reichswehr. Leipzig: Verlag von K.F. Koehler, 1921. 382 s.
27. Halder F. Hitler als Feldherr. München: Münchener Dom-Verl., 1949. 63 s.
28. Röhm E. The Memoirs of Ernst Röhm. London: Frontline Books, 2012. 244 p.

Военная пресса

1. Volk und Wehrkraft. Jahrbuch der «Deutschen Gesellschaft für Wehrpolitik und Wehrwissenschaften». Hamburg. 1936.

2. Deutsche Wehr. 1939.
3. Militärwochenblatt. 1918-1939.
4. Reichsverband Deutscher Offiziere. 1933-1939.
5. Wehrfreiheit. Jahrbuch der «Deutschen Gesellschaft für Weltpolitik und Wehrwissenschaften». Hamburg. 1935.
6. Jahrbuch des deutschen Heeres. Leipzig. 1937-1939.

Литература

1. Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
2. Барнет К. Военная элита рейха. Смоленск: Русич, 1999. 528 с.
3. Бессонов Б.Н. Фашизм: политика, идеология. М.: Высшая школа, 1985. 281 с.
4. Безыменский Л.А. Германские генералы – с Гитлером и без него. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961. 533 с.
5. Биск А.Я. Пресса Веймарской Германии. Иваново: ИвГУ, 1995. 232 с.
6. Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. М.: «Мысль», 1978. 210 с.
7. Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт. Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад». 1939-1945. М.: Центрполиграф: 2005. 288 с.
8. Ветте В. Спасители в униформе – крупницы золота на свалке германского национал-социализма. // Германия и Россия в судьбе историка: сборник статей, посвященный 90-летию Я.С. Драбкина. М.: «Собрание», 2008.

9. Винклер Г.-А. Веймар 1918-1933: история первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.
10. Власов Н.А. У истоков германского парламентаризма. Проблема имперского военного закона. 1871-1874. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 304 с.
11. Галкин А.А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. 352 с.
12. Германский империализм и милитаризм. Сб. статей под ред. А.С. Ерусалимского. М.: Наука, 1965. 365 с.
13. Гёрлиц В. Германский генеральный штаб. История и структура. 1657-1945. М.: Центрполиграф, 2005. 478 с.
14. Даниленко И.С. Война и общество: некоторые проблемы теории. // Война и общество в XX веке. Кн. 1. М.: Наука, 2005. С. 11-41.
15. Деметр К. Германский офицерский корпус в обществе и государстве. 1650-1945. М.: Центрполиграф, 2007. 384 с.
16. Ермаков А.М. Вермахт против евреев. Война на уничтожение. М.: Яуза-пресс, 2009. 416 с.
17. Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. М.: Эксмо, 2006. 384 с.
18. Ермаков А.М. Очерки истории германского вермахта. 1933-1939. Ярославль: ЯГПУ, 2000. 160 с.
19. Кантор Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920-1930-е годы. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
20. Кутарев О.В. Германские элиты в эпоху становления нацизма. СПб.: Алетейя, 2013. 270 с.

21. Ланник Л.В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2012. 536 с.
22. Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. М.: АСТ, 2004. 752 с.
23. Мельников Д. Е. Заговор 20 июля 1944 г. в Германии. Причины и следствия. М.: «Международные отношения», 1965. 304 с.
24. Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1999. 576 с.
25. Наумов А.О. Рейнский блеф Гитлера. Ремилитаризация Рейнской области в 1936 г. // Новая и новейшая история. №3. 2011.с. 43-59.
26. Панкевич Ф.И. Капповский путч в Германии. М.: Наука, 1972. 202 с.
27. Панов А.И. Офицерский корпус в военных режимах XX века. М.: «Везелица», 1999. 193 с.
28. Патрушев А.И. Германская история: через тернии двух тысячелетий. М.: Издательский дом международного университета в Москве, 2007. 703 с.
29. Пленков О.Ю. Тайны Третьего рейха. «Гладиаторы» вермахта в действии. М.: «Олма Медиа Групп», 2010. 536 с.
30. Пленков О.Ю. Триумф мифа над разумом. СПб: «Владимир Даль», 2011. 608 с.
31. Прокопьев В.П. Государство и армия в истории Германии X-XX вв. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1998. 547 с.

32. Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне. М.: Наука, 1972. 640 с.
33. Проэктор Д.М. Оруженосцы Третьего рейха. М.: Воениздат, 1971. 200 с.
34. Раушер В. Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент. М.: Ладомир, 2003. 338 с.
35. Ротшейн Ф.А. Из истории Прусско-германской империи. М.-Л.: АН СССР, 1948. 242 с.
36. Сенявский А.С. Психологическая регуляция и подготовка воинов в различных исторических и этно-культурных условиях. // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. с. 50-65.
37. Тоомсваре У. Стратеги Третьего рейха. Ростов-на-Дону: «Феникс». 1999. 390 с.
38. Фест И. Гитлер. Биография. Путь наверх. М.: Вече, 2007. 674 с.
39. Фест И. Гитлер. Биография. Триумф и падение в бездну. М.: Вече, 2007. 674 с.
40. Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга. М.: «Прогресс», 1974. 394 с.
41. Фрай Н. Государство Фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933 – 1945. М.: РОССПЭН, 2009. 256 с.
42. Хаффнер С. Революция в Германии 1918/19. Как это было в действительности? М.: Прогресс, 1983. 224 с.
43. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. В 2-х тт. М.: Военное издательство, 1991.

44. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 528 с.
45. Эванс Р. Третий рейх: зарождение империи. М.: Астрель, 2010. 642 с.
46. Эванс Р. Третий Рейх. Дни Триумфа: 1933-1939. М.: Астрель, 2010. 964 с.
47. Absolon R. Wehrgesetz und Wehrdienst. 1935-1945. Das Personalwesen in der Wehrmacht. Boppard am Rhein: Boldt, 1960. 434 s.
48. Bald D. Der deutsche Offizier. Sozial- und Bildungsgeschichte des deutschen Offizierkorps im 20. Jahrhundert. München: Bernard & Graefe, 1982. 168 s.
49. Bertram M. Das Bild der NS-Herrschaft in den Memoiren führender Generäle des Dritten Reiches. Eine kritische Untersuchung. Stuttgart, 2009. 288 s.
50. Bracher K-D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Berlin: Ring Verl., 1971. 797 s.
51. Carsten F. Reichswehr und Politik 1918-1933. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1965. 484 s.
52. Caspar G.-A., Marwitz U. Tradition in deutschen Streitkräften bis 1945. Bonn: Mittler, 1986. 331 s.
53. Cooper M. The German Army 1933-1945. Its Political and Military Failure. London: Macdonald & Jane's, 1978. 598 s.
54. Craig G. The politics of the Prussian army: 1640 – 1945. Oxford: Clarendon Press, 1955. 538 p.
55. Craig G. Reichswehr and National Socialism: The Policy of Wilhelm Groener, 1928-1932 // Political Science Quarterly, 1948. Nr. 2. pp. 194-229.

56. Das deutsche Offizierkorps 1860-1960. Hrsg. von Hoffmann Hans-Hubert Boppard am Rhein: Boldt, 1980. 455 s.
57. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Hrsg. von Wilhelm Deist, Manfred Messerschmidt, Hans-Erich Volkmann, Wolfram Wette. Bd. 1. Stuttgart. 1979. 764 s.
58. Deist W. The German army, the authoritarian nation-state and total war. // Horne J. State, Society and Mobilization in Europe During the First World War. Cambridge. 1997. pp. 160-172.
59. Deutsch H. Hitler and his generals. The hidden Crisis, January-June 1938. Minneapolis: University of Minnesota, 1974. 452 p.
60. Driftmann H. Grundzüge des militärischen Erziehungs- und Bildungswesens in der Zeit 1871-1939. Regensburg: Walhalla und Praetoria, 1980. 263 s.
61. Elliott C. J. The Kriegervereine and the Weimar Republic. // Journal of Contemporary History, 1975. Vol. 10, Nr. 1. pp. 177-227.
62. Fogel J. Nationen im Gleichschritt. Der Kult der "Nation in Waffen" in Deutschland und Frankreich. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. 231 p.
63. Förster J. Die Wehrmacht im NS-Staat. Eine strukturgeschichtliche Analyse. München: Oldenbourg Verlag, 2009. 221 s.
64. Förster S. Images of Future Warfare, 1871-1914. // Anticipating Total War. The german and american experiences. 1871-1914. ed. by Boemeke M, Chickering R and Förster S. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 1999. pp. 343-376.
65. Foertsch H. Schuld und Verhängnis: die Fritsch-Krise im Frühjahr 1938 als Wendepunkt in der Geschichte der nationalsozialistischen Zeit. Stuttgart: Dt. Verl.-Anst., 1951. 239 s.

66. Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf: Droste, 1961. 896 s.
67. Goltz A. v. d. Hindenburg: power, myth, and the rise of the Nazis. Oxford: University Press, 2011. 325 p.
68. Gordon H. The Character of Hans von Seeckt. // Military Affairs, 1956. VI. 20, Nr. 2, pp. 94-101.
69. Gordon H. The Reichswehr and the German Republic 1919-1926. London: Kennikat Press, 1972. 478 p.
70. Gossweiler K. Das Kapital. Reichwehr und NSDAP 1919-1924. Berlin: Akad.-Verl., 1984. 616 s.
71. Haller C. Militärzeitschriften in der Weimarer Republik und ihr soziokultureller Hintergrund. Trier: Kliometria, 2012. 620 s.
72. Hartmann C. Halder, Generalstabschef Hitlers 1938 – 1942. Paderborn: Schöningh, 1991. 397 s.
73. Harold C. Deutsch. Hitler and his generals. The hidden Crisis, January-June 1938. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1974. 452 p.
74. Herzfeld H. Das Problem des deutsche Heeres, 1919-1945. Laupheim: Steiner, 1952. 24 s.
75. Hitlers militärische Elite. Hrsg von Ueberschär G. Darmstadt: Wiss. Buchges., 2011. 620 s.
76. Humble R. Hitler's Generals. London: Barker, 1973. 167 s.
77. Kitchen M. A Military History of Germany from the eighteenth century to the present day. London: Weidenfeld and Nicolson, 1975. 384 p.
78. Kitchen M. The German Officer Corps. 1890-1914. Oxford: Clarendon Press, 1968. 242 p.

79. Kitchen M. *The Silent Dictatorship*. New York: Holmes & Meier, 1976. 301 p.
80. Kluge U. *Die deutsche Revolution 1918/1919. Staat, Politik und Gesellschaft zwischen Weltkrieg und Kapp-Putsch*. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verlag, 1985. 247 s.
81. Kosthorst E. *Die Geburt die Tragödie auf dem Geist des Gehorsams*. Bonn: Bouvier, 1998. 229 s.
82. Kroener B. «Der starke Mann im Heimatkriegsgebiet» - Generaloberst Friedrich Fromm: eine Biographie. Paderborn: Schöningh, 2005. 1060 s.
83. Lau T. *Normenwandel der deutschen militärischen Elite seit 1918*. Frankfurt am Main: Lang, 1988. 174 s.
84. Meier-Welcker H. *Die Stellung des Chefs der Heeresleitung in den Anfängen der Republik. Zur Entstehungsgeschichte des Reichswehrministeriums*. // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 1956. 4. Jg., S. 145-160.
85. Messerschmidt M. *Die Wehrmacht im NS-Staat. Die Zeit der Indoktrination*. Hamburg: Decker's Verl, 1969. 519 s.
86. Messerschmidt Manfred. *Die Wehrmachtjustiz. 1933-1945*. Paderborn: Schöningh, 2005. 511 s.
87. Messerschmidt M. *Militarismus. Vernichtungskrieg. Geschichtspolitik*. Paderborn: Schöningh, 2006. 408 s.
88. Mitcham S. *The Rise of Wehrmacht. The German armed forces and World War II*. Vol. 1. London: Praeger, 2008.
89. Mulligan W. *Civil-Military Relations in the Early Weimar Republic* // *The Historical Journal*. Nr. 4. 2002. pp. 819-841.

90. Müller K.-J. *Armee, Politik und Gesellschaft in Deutschland*. Paderborn. 1979. 123 s.
91. Müller K.-J. *Das Heer und Hitler*. Stuttgart: Dt. Verl, 1969. 726 s.
92. Müller K.-J. *Generaloberst Ludwig Beck: eine Biographie*. Paderborn: Schöningh, 2008. 835 s.
93. Müller R.-D. *Hitlers Wehrmacht. 1935 bis 1945*. München: Oldenbourg Verlag, 2012. 224 s.
94. O'Neill R. *The German Army and the Nazi Party, 1933-1939*. London: Cassell, 1966. 286 p.
95. Preradovich N. v. *Die soziale Herkunft der Reichswehr-Generalität 1930 // VfSW*. 1967. Bd. 54, P. 481-486.
96. Ritter G. *Staatskunst und Kriegshandwerk: Das Problem des "Militarismus" in Deutschland*. In 4 Bd. München: Oldenbourg, 1954-1968.
97. Schäfer K. *Werner von Blomberg: Hitlers erster Feldmarschall; eine Biographie*. Paderborn: Schöningh, 2006. 291 s.
98. Showalter D. *From Deterrence to Doomsday Machine: The German Way of War, 1890-1914*. // *Journal of Military History*. Nr. 3. 2000. pp. 679-710.
99. Showalter D. *The Political Soldiers of Bismarck's Germany: Myths and Realities // German Studies Review*, 1994. Vol. 17, Nr. 1. pp. 59-77.
100. Seaton A. *The German Army. 1933-45*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1982. 310 p.
101. *Soldiers and Governments. Nine Studies in Civil-Military Relations*. Ed. by Howard Michael. London: Eyre & Spottiswoode, 1957. 192 p.

102. Trampe G. Reichswehr und Presse: Das Wehrproblem der Weimarer Republik im Spiegel von "Frankfurter Zeitung", "Münchener Neueste Nachrichten" und "Vorwärts". München: München Univ, 1962. 167 s.
103. Vogelsang T. Kurt von Schleicher. Ein General als Politiker. Göttingen: Musterstedt Verlag, 1965. 112 s.
104. Vogelsang T. Reichswehr, Staat und NSDAP. Beiträge zur deutschen Geschichte. 1930-1932. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1962. 506 s.
105. Wette W. Die Wehrmacht. Feindbilder, Vernichtungskrieg, Legenden. Frankfurt am Main: Fischer, 2005. 376 s.
106. Wheeler-Bennet J.W. Die Nemesis der Macht. Die deutsche Armee in der Politik, 1918-1945. Düsseldorf: Droste, 1954. 831 s.
107. Willenmenschen. Über deutsche Offiziere. Hrsg. von Ursula Breymauer. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verl, 1999. 239 s.
108. Wirsching A. "Man kann nur Boden germanisieren". Eine neue Quelle zu Hitlers Rede vor den Spitzen der Reichswehr am 3. Februar 1933 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2001, Nr. 3. S. 517-550.
109. Zöpf A. Wehrmacht zwischen Tradition und Ideologie. Der NS-Führungsoffizier im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt am Main: Lang, 1988. 401 s.

Список сокращений

MW – Militärwochenblatt, Военный еженедельник

NSFO – Nationalsozialistische Führungsoffizier, офицер по национал-социалистическому воспитанию

RDO – Reichsverband Deutscher Offiziere, Государственный союз немецких офицеров

RGBL – Reichsgezetzbblatt, Имперский вестник законов

ГАРФ – Государственный Архив Российской Федерации

ГОС – Deutscher Offizierbund, Германский офицерский союз

КПГ – Коммунистическая партия Германии

НСГО – Nationalverband Deutscher Offiziere, Национальный союз германских офицеров

НСДАП – Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP, Национал-социалистическая рабочая партия Германии

НСДПГ – Независимая социал-демократическая партия Германии

ОКВ – Oberkommando der Wehrmacht, ОКВ, Верховное главнокомандование Вермахта

ОКХ – Oberkommando des Heeres, ОКН, Верховное командование сухопутными войсками

ОХЛ – Oberste Heeresleitung, ОНЛ, Верховное командование сухопутных сил

РГВА – Российский Государственный Военный Архив

РККА – Рабоче-крестьянская Красная армия

СА – Sturmabteilung, SA, штурмовые отряды

СДПГ – Социал-демократическая партия Германии

СНУ – Совет народных уполномоченных

СС – Schutzstaffel, SS, охранные отряды

ЦАМО – Центральный Архив Министерства Обороны.